

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ВСАДНИКИ СО СТАНЦИИ РОСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

W
S
N
O

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ВСАДНИКИ СО СТАНЦИИ РОСА

Повести

Москва • «Детская литература» • 1975

Р2
К77

*

В этой книжке собраны непохожие друг на друга повести. Одни из них весёлые, другие — задумчивые и слегка грустные, третьи — о тревожных событиях и опасностях.

Но во всех этих произведениях есть общее — в каждом из них происходит то, что часто называют чудом.

Иногда это просто сказочные события, как в «Старом доме» или «Баркентине с именем звезды», иногда волшебная история, придуманная на ходу третьеклассником Вовкой из рассказа «Такая была планета», или немного печальный сон, который увидел герой «Далёких горнистов».

Это чудо может быть результатом остроумия и смелости, как в повести «Бегство рогатых викингов», или сочетанием счастливых случайностей, которые помогли Серёже Каховскому на станции Роса.

Но всё это лишь на первый взгляд сказка или случайность.

Прочитайте книжку, и вы увидите, что чудеса случаются в мире с теми, кто смел, кто умеет крепко дружить, кто всегда готов прийти на помощь товарищу. Такие люди, и большие и маленькие, чаще других выходят победителями в борьбе за добро и справедливость. Так бывает и в сказке и в жизни.

РИСУНКИ Е. МЕДВЕДЕВА

ВСАДНИКИ СО СТАНЦИИ РОСА

1

Хорошее было у станции название. Очень для неё подходящее. Мальчик пришёл сюда рано утром, и, пока он брёл от дороги к домику, брюки у него до колен вымокли от росы. Потому что кругом стояли высокие травы и на них дрожали крупные водяные шарики. В шариках зажигались огоньки: малиновые, золотые, синие.

Мальчик подошёл к скамейке, поставил чемодан, бросил на него потёртую рыжеватую курточку, сел и стал ждать поезд.

Ждал он долго и терпеливо.

Огоньки в траве давно погасли, пришёл июльский безоблачный полдень.

Станционный домик стоял среди лопухов и высокой овсяницы. Он был небольшой, светло-коричневый, с белыми кружевными карнизами. На коньке крыши весело торчал жестяной петух. Он будто высматривал, не спешит ли сюда из-за дальних лесов какой-нибудь поезд. Но поезда появлялись редко: станция располагалась не на главной дороге, а на боковой ветке.

У крыльца, в палисаднике, стояла гипсовая скульптура: мальчик и жеребёнок. Низенький постамент скрывался в траве, и можно было подумать, что мальчик с жеребёнком стоят прямо на земле. Будто они играли на соседнем лугу и на минутку забежали на станцию взглянуть на круглые часы: не пора ли обедать? Наверно, было ещё не пора, потому что они затевали новую игру. Мальчик правой рукой обнял жеребёнка за шею и чуть нагнулся, словно хотел что-то ему на ухо прошептать. Жеребёнок стоял смирно, однако в каждой жилке его звенело нетерпение. Он будто говорил: «Я тебя люблю и слушаюсь, но давай поскорее перестанем шептаться и пойдём ещё поскачем».

Так, по крайней мере, казалось маленькому пассажиру. Ему нравились гипсовые мальчик и жеребёнок, чем-то похожие друг на друга — оба тонконогие, маленькие и, конечно, весёлые, — и он смотрел на них как на товарищей. И даже немного им завидовал. Но всё-таки они были ненастоящие.

Мальчик на скамейке вздохнул и перевёл взгляд.

Дверь в дом была открыта. В маленьком станционном зале громыхала вёдрами пожилая уборщица. За домом поднимался зелёный солнечный бугор с редкими и очень прямыми берёзами. За берёзами виднелись крыши и антенны дачного посёлка. Ещё дальше темнел сосновый лес. Он огибал станцию с трёх сторон. А на юге, за рельсовой линией, уходили к реке светлые луга и кустарники.

Было жарко и тихо (только вёдра погромыхивали). Пахло смолой и гудроном от разогретых шпал.

Из-за бугра пришёл серый клочкастый пёс. Ростом с козу. У него были полустоячие уши, толстые лапы и озабоченная морда. Он сунулся было в дверь, но увидел уборщицу и попятился, поджав похожий на веер хвост. Улизнув от двери, пёс принял независимый вид и деловито оглянулся. Тут он заметил мальчика.

С полминуты они разглядывали друг друга с любопытством и чуть настороженно. Потом пёс медленно двинулся к мальчику и остановился в трёх шагах.

— Чего тебе? — сказал мальчик. Сказал не сердито, а с неловкостью, как говорят с маленькими детьми, когда не умеют с ними обращаться и боятся обидеть.

Пёс нерешительно махнул хвостом. Один раз.

Мальчик чуть улыбнулся. Щёлкнул замком чемоданчика и поднял крышку. Пёс сделал ещё шаг, торопливо сел, наклонил голову и совсем по-человечьи моргнул. Мальчик вынул газетный свёрток с дорожным запасом. Это были два ломтика хлеба, а между ними — котлета. Пёсий хвост засвистел и замелькал как пропеллер, с пушистых одуванчиков стайками взлетели семена-парашютики и осели у мальчика на брюках. Он засмеялся, разломил котлету и бросил половину псу.

Мальчик думал, что кусок моментально исчезнет в собачьей пасти. Но пёс, получив угощение, перестал вертеть хвостом, лёг и начал жевать котлету, деликатно придерживая лапой. При этом поглядывал на мальчика благодарно и хитровато. Другую половину котлеты мальчик съел сам.

Потом они поделили хлеб. Он был не такой вкусный, как котлета, но пёс охотно сжевал весь кусок и выразительно посмотрел на мальчика: «Нет ли ещё?»

— Всё, — сказал мальчик.

Пёс глазами показал на газету: «А это?»

— Это же просто бумага. Видишь? — Мальчик повертел перед ним смятый газетный лист.

Пёс не прочь был пожевать и бумагу, пропитанную таким вкусным котлетным запахом, но мальчик не понял. Он

скомкал газету и оглянулся: куда бы кинуть? Кругом было чисто. В траве палисадника и на дорожке мальчик не заметил ни окурков, ни бумажных клочков. К тому же сердитое побрякивание вёдер напоминало, что мусорить на станции не следует. Уборщица уже вымыла пол внутри дома и мыла крыльцо. Мальчик подошёл к ступеням.

— Скажите, пожалуйста, куда можно бросить бумагу?

Уборщица выпрямилась и глянула с высоты. Она сделала вид, что лишь сию секунду заметила мальчика, хотя давно украдкой наблюдала за ним. Она знала, что от мальчишек добра не бывает. Бывают лишь вытоптанные клумбы, шум, беспорядок, а то и окурки по углам. Она привыкла обходиться с этим народом сурово. Но сейчас привычка боролась в ней с симпатией к незнакомому парнишке — спокойному, удивительно ясноглазому, непохожему на скандальных поселковых пацанов.

Наконец она снисходительно сказала:

— Если уж так порядок любишь, снеси вон туда, за угол. Там мусорный ящик есть.

Он кивнул и неторопливо зашагал по тропинке, протоптанной вдоль кирпичного фундамента. Пёс неодобрительно взглянул на уборщицу и пошёл за мальчиком. Они свернули за угол.

Уборщица смотрела мальчику вслед. «Ишь какой, — думала она со скрытым удовольствием. — Не хулиганистый, ладненький мальчонка. Родители, видать, культурные...»

Потом она взглянула на скамейку, где мальчик оставил вещи. Курточка сползла со спинки и свалилась в траву. Женщина вытерла о подол руки, спустилась с крыльца и подняла куртку. «Из лагеря возвращается, — подумала она. — Чего же это он один-то? Самостоятельный...»

К большому огорчению пса, мальчик бросил вкусную газету в побелённый дощатый ящик и хлопнул крышкой. Пёс вздохнул и сел.

— Что вздыхаешь? — спросил мальчик. — У тебя тоже неприятности?

Пёс замахал хвостом. Он как бы говорил: «Неприятности — чушь. Если хочешь, я готов быть весёлым».

— Ты смешной, — сказал мальчик. — Ушастый, хвостатый, блохастый.

Пёс наклонил набок голову. Одно ухо встало у него торчком, а другое совсем упало и закрыло глаз.

Мальчик засмеялся:

— Чучело репейное. Как тебя зовут?

Пёс вдруг подскочил и припал на передние лапы. Он приглашал поиграть. Морда у него стала дурашливая и озорная.

— А ты меня нечаянно не слопаешь? — спросил мальчик.

Пёс замотал головой так, что уши захлопали: «Ни в коем случае!»

Мальчик шлёпнул его по косматому загривку:

— Ты ляпа! Догоняй! — и помчался по высокой траве.

Разинув большущую розовую пасть, пёс рванулся за ним. Он тут же догнал мальчика и постарался ухватить его за ногу. Мальчик споткнулся и полетел в упругие заросли репейника. Пёс вцепился в его штанину. Обрадованно заурчал. Но при этом косился золотистым глазом: «Тебе не больно? Ты не ушибся?»

— Эй-эй! — крикнул мальчик. — Брысь со своими зубами! Не имеешь права!

Он тряхнул ногой и вскочил. Пёс отпрыгнул и ждал, махая хвостом.

— Смотри, что ты грызёшь, — укоризненно сказал мальчик. — Мои заграничные штаны. На них твой портрет, а ты — зубами...

Он повернулся к собаке задним карманом. Карман украшала кожаная заплата с отпечатанной головой овчарки и буквами «Szarik». Это был знаменитый Шарик из польского фильма «Четыре танкиста и собака». Но кудлатый станционный пёс не смотрел многосерийных телефильмов, и ему было всё равно. Он снова примерился, как бы сцапать мальчика за штанину.

— Ах, ты так?!

Мальчик прыгнул к нему и хотел повалить в траву, но пёс увернулся и зигзагами бросился наутёк.

— Догоню! — крикнул мальчик.

И правда догнал, хотя и не сразу. Хлопнул пса по кудлатой спине:

— Ты опять ляпа! А ну, поймай!

И пёс бросился за ним... Он понял, что такое игра в «ляпки»...

Наконец они устали.

Мальчик сел на старую шпалу в тени красной трансформаторной будки, похожей на часовенку. Пёс встал перед ним, вывесил язык и моргал жёлтыми глазами.

— Ты хороший, — сказал мальчик. — Ты совсем не чучело. Я пошутил.

Пёс одобрительно задышал, подошёл вплотную и сунул морду мальчику под мышку.

— Пойдём, — сказал мальчик. — Вдруг у меня украли чемодан со скамейки? Тогда мы с тобой бросимся по следу и поймаем преступников. Согласен?

Пёс был на всё согласен. Они пошли в станционный скверик. Чемодан оказался на месте, куртка тоже. Да и кто мог их взять? На всей станции, кроме мальчика, было всего три человека: в глубине дома дремал пожилой дежурный, в комнатке с квадратным окошечком шелестела журналом кассирша, а недалеко от крыльца чистила медный колокол уборщица. Она стояла на табурете и драила колокол тряпкой с белым порошком. Солнце отражалось в начищенной меди, как большая лучистая звезда.

Мальчик и пёс подошли, и уборщица глянула на них неласково. Теперь мальчик не казался ей таким уж культурным и воспитанным. Был он помят и взъерошен, на рубашке и брюках висели серые шарики репейника, в спутанных светлых волосах торчали мелкие листики и обрывки травы.

— Извините, — сказал мальчик. — Вы не знаете, как его зовут? — Он притянул к себе пса за шею.

— Этого-то зверя? — спросила уборщица хмуро и пренебрежительно. — Да никак его не зовут. Как его звать,

если он бесхозяйный? Как хошь, так и зови. Он на всё откликается, лишь бы кормили.

— Значит, он ничей?

— Может, и был чей, а сейчас не поймёшь. Ребятня притащила откуда-то, а в дом никто не пускает. Кусок кой-когда кинут, ну и всё... Кто Полканом кличет, кто Жучкой, кто Фантомасом.

— Спасибо, — сказал мальчик. Ему хотелось ещё что-то спросить, но он не решался.

Псу было неуютно тут, рядом с сердитой женщиной, у которой в руках тяжёлая тряпка. Он переступал передними лапами и нетерпеливо поглядывал на мальчика: «Пойдём отсюда, а?»

— Извините, что я вас отвлекаю, — сказал мальчик. — Я только хотел спросить: если его здесь не будет, о нём никто не станет беспокоиться?

— Да кому он нужен-то? Всё равно когда-нибудь пристрелят за то, что кур гоняет.

— Видите, почему я спрашиваю... Я хочу его взять к себе домой, если он правда ничей.

— Такую лахудру? — изумилась уборщица. — Да мать-то вас обоих из дому веником выгонит!

Мальчик тихо сказал:

— Что вы! Никто не выгонит. Значит, я могу его взять?

— Да забирай на здоровье. Такое сокровище...

— Спасибо, — ещё раз сказал мальчик и отступил к своей скамейке.

2

Человек устроен так, что ему обязательно нужен приют. Если он едет в вагоне, то привыкает к своей полке, и ему кажется, что эта полка — его маленький дом. Если он устраивается на ночлег в лесу под сосной, то сразу начинает отличать *свою* сосну от других: это дерево приютило его, и оно теперь ему ближе, привычнее, чем остальные.

Так и скамейка. Мальчик провёл на ней почти полдня и привык.

Скамейка была сколочена из длинных деревянных брусков и покрашена в зелёный цвет. Давно покрашена. Бруски потрескались, краска шелушилась и отскакивала от дерева острыми сухими пластинками. Мальчик, пока сидел, потихоньку отколупывал их вокруг того места, где было вырезано слово «Алёша». Ему почему-то казалось, Алёшей зовут гипсового парнишку. Мальчик поглядывал на него, но тот был занят, конечно, своим жеребёнком.

Иногда мальчик вставал, чтобы напиться воды из бачка в пустом зале ожидания или погулять вокруг станции, а потом снова возвращался на скамейку, под ветки жёлтой акации — как домой. И снова сидел: ждал, когда пройдут долгие шесть часов и появится поезд.

Ему казалось, что ждёт он очень давно, целую неделю. И целую неделю видит перед собой этот железнодорожный теремок, жестяного петуха на крыше, медный колокол и белую эмалированную табличку с синей надписью «ТЕЛЕФОНЪ» (сразу было понятно, что висит она тут с незапамятных времён, когда бегали по здешним рельсам паровозики, похожие на самовары).

У мальчика была привычка: от скуки читать все надписи задом наперёд. Но прочитать наоборот слово «телефонъ» мальчик не мог из-за твёрдого знака. И от этого делалось ещё скучнее.

Так было, пока не пришёл пёс.

Пёс оказался добрый и весёлый. И когда мальчик понял, что эта ничья собака стала теперь его и не надо никогда с ней расставаться, все прошлые горести показались ему пустяками.

Он подвёл пса к своей скамейке.

— Мы будем жить вместе. Понял? Ты меня не бросишь?

Пёс фыркнул, чихнул и замотал головой: то ли семя одуванчика влетело ему в ноздрю, то ли вопрос мальчика показался оскорбительным.

— Молодец, ты, умница. Только как мы с тобой поедем в поезде? Подожди-ка...

Мальчик достал из кармана складной ножик и расстегнул брючный ремешок. Ремень был длинный и опоясывал

худенького хозяина почти два раза. Мальчик отрезал лишний конец. Затем проколол в отрезанном куске несколько дырок, вытащил из другого кармана колечко медной проволоки, протянул её сквозь отверстия.

— Ну-ка, давай голову, примерю ошейник.

Пёс отнёсся к приглашению без восторга. Но не спорил. Он терпеливо ждал, когда мальчик закрепит у него на шее непонятную штуку.

— Ну вот, — с удовольствием сказал мальчик. — Теперь ты не бродяга, а вполне законная собака. И ничего, что ты худой и кудлатый. Ты ещё станешь гладкий и красивый, когда подрастёшь. Ты ведь ещё не взрослый, хоть и большой. Ты почти щенок.

При последнем слове пёс торчком поставил оба уха и моргнул.

— Ще-нок... — ласково повторил мальчик.

Пёс переступил передними лапами и усиленно замахал хвостом. Мальчик засмеялся.

— Нравится! Я и буду звать тебя Ще-Нок. А когда вырастешь, «Ще» мы отбросим.

Он вытащил из чемодана, из-под маек и рубашек, старенькие кеды, выдернул из них шнурки. Потом соединил шнурки узлом и один конец привязал к ошейнику. Поводок получился непрочный, но он ведь и нужен был только для вида: пёс, по имени Ще-Нок, и без привязи не отходил от хозяина ни на шаг.

— Пошли, — сказал мальчик.

Они отправились к кассе, и мальчик вежливо побеспокоил молоденькую кассиршу, увлечённую журналом мод:

— Скажите, пожалуйста, для собаки надо брать билет?

— А как же! Если до города — тридцать две копейки.

Мальчик обрадованно подмигнул псу: денег хватало. Теперь они оба станут пассажирами. Билет — это документ. Это доказательство, что Нок в самом деле его собака.

Он взял пса за ошейник.

— Пошли, товарищ пассажир.

И в этот момент мальчик увидел у своей скамейки человека.

Мальчик совсем не хотел с ним встречаться. Это был физрук лагеря Станислав Андреевич. Конечно, оказался он здесь неспроста.

Физрук пока не видел мальчика. Но всё равно нельзя было ни спрятаться, ни убежать. Убегает и прячется тот, кто виноват. Или тот, кто боится. А мальчик знал, что не виноват, и не боялся. Правда, он испытывал тоскливое чувство: смесь унылой тревоги и досады, но это был совсем не страх.

Придерживая пса, мальчик медленно пошёл к скамейке.

— А-га... — растянуто сказал Станислав Андреевич. — А то я смотрю: вещички здесь, а хозяина нет... Ну, как? Набегался?

— Я не бегал.

— Ну... нагулялся, значит, — сказал физрук примирительно.

— Я не гулял. Я поехал домой, вы знаете.

— Смотри-ка ты, домой! — воскликнул Станислав Андреевич почти весело. — Ладно, друг, кончай дурака валять. И давай топать в лагерь, а то к обеду не поспеем. Да не бойся, ничего тебе не будет, это я тебе по секрету могу сказать.

Мальчик удивился:

— «Не будет»? Я и не боюсь, что «будет». Я просто решил уехать домой.

— Обиделся!

Мальчик вскинул глаза:

— А что? Человек не имеет права обижаться?

— Человек... Если всякий будет на ерунду обижаться да из лагеря бегать, что тогда?

— Во-первых, это не ерунда, — чётко сказал мальчик. — Во-вторых, я не убегал. Я сказал, что уйду, и ушёл. Начальник сам говорил: «Убирайся!»

— А ты и обрадовался! Мало ли что человек может сгоряча сказать! Может, ты хочешь, чтобы он у тебя прощенья попросил?

Мальчик подумал:

— Нет, не хочу. Да он и не будет.

— Слава богу, догадался. Сам во всём виноват, а ещё выкаблучиваешься.

— Я? Виноват? — опять удивился мальчик.

Станислав Андреевич вздохнул и сказал добродушно:

— Ну ладно, парень. Не будем спорить, кто виноват. Я про эту историю подробно и не знаю. Мне что нужно? Чтобы ты в лагерь вернулся.

Мальчик мотнул головой:

— Не вернусь я... Теперь я уж совсем не могу, даже если бы и хотел. Видите, у меня собака. Куда её девать? В лагерь ведь не пустили бы... Нок, лежать! — Он ладонью нажал псу на загривок, и тот неохотно лёг.

Физрук с усмешкой спросил:

— Где ты подобрал эту зверюгу?

— Подарили.

— Ну и подарочек... За версту видно, что он дурак и трус.

— Мне и такой хорош, — сдержанно сказал мальчик.

Станислав Андреевич щёлкнул языком. Пёс шевельнул хвостом, добродушно разинул розовую пасть и вопросительно глянул на мальчика. Тот сделал шаг вперёд, словно хотел загородить собаку от чужого человека.

— Выходит, ты променял весь лагерь на бродячего пса, — сказал Станислав Андреевич.

Мальчик слегка растерялся:

— Да ничего я не менял... Ну при чём здесь ваш лагерь? Он без меня проживёт. А собака не проживёт. Мне её отдали, значит, я за неё отвечаю.

— А за тебя отвечает коллектив. И администрация, — внушительно сказал физрук. — И покидать лагерь ты не имеешь права.

— А почему?

— Потому что порядок должен быть. Вот пускай приедут родители, напишут заявление, что хотят забрать тебя, и тогда — до свидания.

— Как же они приедут? Они не знают...

— Напиши им.

— «Напиши»... — насмешливо откликнулся мальчик.

— Да ладно тебе, — кисло сказал Станислав Андреевич. — Ты много о себе воображаешь. Думаешь, будто кому-то нужны твои письма? Если хочешь, можешь и это отправить, оно у меня. Тихон Михайлович велел отдать. Хоть сейчас опускай в ящик, вон он висит.

— Давайте, — быстро сказал мальчик.

Физрук протянул ему помятый конверт. Мальчик сложил его пополам и сунул в карман.

— Ты опускай, опускай в ящик-то.

— Зачем? — хмуро сказал мальчик. — Оно два или три дня будет идти. А сам я сегодня вечером буду дома.

Станислав Андреевич насупился и тяжело произнёс:

— Не будешь ты дома... вечером. Ты эти шуточки играть со мной перестань. Мне директор сказал, чтоб тебя в лагерь доставить. Я доставлю, будь спокоен.

— Как? — удивлённо спросил мальчик. — Разве я посылка или багаж? Ну, как вы меня доставите, если я не хочу?

— А очень просто!

Станислав Андреевич шагнул к скамейке, левой рукой подхватил чемоданчик и куртку, а правой взял мальчика за локоть.

В первую секунду мальчик замер от неожиданности: никогда в жизни ему не приходилось ещё испытывать на себе злую силу взрослого человека. В следующий миг напрягся он, чтобы рвануться со всей обидой и яростью! Но тут же почувствовал: напрасно. Пальцы физрука — сильные, загорелые, с белыми волосинками и короткими ногтями — охватили тонкую руку мальчика с каменной прочностью. И он отчётливо понял, что выхода нет. Сейчас этот человек в самом деле уведёт, утащит его отсюда, и никто не заступится. Если кто-нибудь и встретится по дороге, то поверит, конечно, взрослому, а не мальчишке, у которого сто грехов: нарушил дисциплину, сбежал из лагеря, не слушает старших...

«Но ведь это неправда! Как вы смеете! Вы же не имеете права!» Мальчик хотел крикнуть эти слова, но помешали закипающие слёзы. Отчаянные слёзы готовы были прорваться вместо слов. Но в этот миг сзади раздался короткий хрипловато-горловой звук.

Мальчик и физрук разом обернулись.

Пёс уже не лежал. Он стоял на широко расставленных лапах. Это был совершенно незнакомый пёс — со вздыбленным загривком и глазами хищника. Верхняя губа у него некрасиво сморщилась и открыла очень белые зубы.

Мальчик опомнился первым. И торопливым шёпотом сказал:

— Отпустите меня, он же бросится.

Пальцы словно оттаяли: стали мягкими и скользнули с локтя.

Радость мальчика была как тёплый толчок. Он коротко засмеялся.

— Нок, — сказал он. — Ничего, Нок. Спокойно, Нок...

Пёс шевельнул хвостом, но по-прежнему неотрывно смотрел на Станислава Андреевича, и шерсть на загривке не опускалась.

Мальчик подошёл и взял Нока за ошейник.

Станислав Андреевич медленно отступил на три шага. И проговорил:

— Бешеный... Пристрелить его надо такого. Вот напишут тебе в школу такую характеристику, что на всю жизнь запомнишь.

Он отступил ещё на несколько шагов. Потом осторожно повернулся и зашагал по тропинке к шоссе.

— Оставьте мои вещи, — сказал вслед мальчик.

Станислав Андреевич замедлил шаги, но не остановился. Он словно раздумывал: отдать чемодан или унести в лагерь? Может быть, тогда мальчишка сам прибежит?

Мальчик вспомнил его каменные пальцы, и опять нахлынула обида. Но это была не беспомощная обида. Глядя вслед уходящему человеку, мальчик звеняще повторил:

— Оставьте вещи!

Станислав Андреевич остановился, уронил в траву чемоданчик, куртку и опять зашагал. Не оглянулся.

Пёс посмотрел на мальчика, приоткрыл пасть и коротко задышал.

— Нок, — сказал мальчик. — Он ведь сам виноват. Верно?

И подумал: «Хорошо, что я не успел заплакать».

Потом он потянул Нока за ошейник и, опустив голову, пошёл к брошенным вещам. Шёл он очень медленно. И так же медленно возвращался. Лишь в нескольких шагах от скамейки он поднял глаза и увидел, что там сидит незнакомый мужчина.

Мужчина улыбнулся и сказал:

— Добрый день, Серёжа.

3

Если бы он просто сказал «добрый день», было бы не удивительно. Ведь когда на пустой станции встречаются два человека, неудобно смотреть друг на друга молча. Но незнакомец назвал мальчика по имени. И мальчик встревожился, боясь новой опасности.

— Здравствуйте, — напряжённо сказал он.

Всё так же улыбаясь, мужчина объяснил:

— Ну, что ты удивился? Я прочитал твои анкетные данные на чемодане. Вон какой у тебя опознавательный знак.

Действительно, к боковой стенке чемоданчика был приклеен бумажный квадратик с печатными буквами: «Серёжа Каховский, 5-й отр.».

— Правда, я и не догадался, — облегчённо сказал Серёжа. Он отпустил Нока и начал ногтями соскабливать с чемодана бумажку. Нок улёгся рядом со скамейкой и вопросительно поглядывал на хозяина.

Серёжа украдкой посмотрел на незнакомца. Тот сидел, неудобно согнув длинные ноги и откинувшись на спинку скамьи. На коленях у него лежала замшевая куртка, а правым локтем он придерживал пузатый жёлтый портфель. У незнакомца было длинное лицо с круглыми складками у рта, редкие волосы и длинные залысины. Он улыбался, показывая большие прокуренные зубы.

«Дон-Кихот с портфелем», — подумал Серёжа. Подумал без насмешки. Дон-Кихот (не этот, а настоящий, из книжки) ему нравился. А у этого «Дон-Кихота» ему понравилась улыбка, хотя она могла показаться некрасивой.

— Из лагеря возвращаешься? — спросил незнакомец.

— Да... — вздохнул Серёжа. — Возвращаюсь...

— Любопытно. Неужели ты и красавца этого из лагеря везёшь? — Мужчина подбородком показал на Нока.

— Нет. Я его здесь... Ну, в общем, его мне подарили.

— А, понятно. Славный пёс. Главное, порода хорошая.

Серёжа удивлённо посмотрел на «Дон-Кихота». Тот опять улыбнулся и повторил:

— Хорошая. Типичная среднерусская дворняга.

Серёжа сказал слегка обиженно:

— Пускай. Мне породистая и не нужна. Зато он верный.

«Дон-Кихот с портфелем» перестал улыбаться.

— Я не смеюсь, — объяснил он. — Такие вот дворняги очень часто бывают умнее породистых псов. Я знаю одну девочку, у неё совершенно беспородная собака первое место заняла на областной выставке. За выучку. Я про них писал — про хозяйку и про собаку.

Серёжа перестал соскребать наклейку и выпрямился. И тихо спросил:

— Вы писатель, да?

— Ну, почему писатель? Я журналист. В редакции работаю... Видишь, поэтому я и любопытный такой. Как говорится, профессиональное качество...

— А... — сказал Серёжа и вздохнул.

— Почему «а»? — спросил мужчина слегка ревниво. — В том смысле, что понятно, отчего я любопытен? Или жаль, что не писатель?

— Что не писатель, — честно сказал Серёжа. — А то я хотел спросить...

— Д-да... А может быть, спросишь? Я кое-что в писательских делах понимаю. Или нельзя?

— Да нет, можно. Я просто узнать хотел... — Серёжа замолчал, передвинул чемоданчик, присел на него и, глядя снизу вверх на «Дон-Кихота», спросил: — Писатели про многое просто выдумывают, верно? Особенно фантастику или сказки. И ведь никто над писателями не смеётся, не кричит, что они всё наврали... А если какой-нибудь чело-

век... ну, не писатель, а просто... Если он какие-нибудь истории просто для интереса начинает придумывать, его сразу дразнят, что хвастун. Почему?

— Бы-вает... — медленно сказал журналист. — Но тут, наверно, ничего не поделаешь. Просто не надо обращать внимание... Между прочим, над писателями тоже иногда смеются...

Серёжа кивнул. Хотел ещё что-то сказать, повернулся... Шаткий чемоданчик опрокинулся под ним, и Серёжа полетел в траву.

Он тут же вскочил и засмеялся.

— Садись-ка на скамейку, — сказал журналист. — А то раздавишь свой багаж да ещё шею свихнёшь.

— Не свихну. Мне эта скамейка уже надоела, я на ней с самого утра торчу.

— Ну и что? По-моему, очень удобно. Спинка удачно сделана, и вообще... — Журналист повозился на скамейке, устраиваясь поуютнее.

Серёжа торопливо проговорил:

— Извините, я забыл сразу сказать. Там, кажется, где-то гвоздь торчит, можно брюки порвать.

«Дон-Кихот» поспешно приподнялся. Ощупал под собой скамью.

— Чёрт... Действительно торчит. Это было бы чрезвычайно досадно — порвать штаны. Других у меня с собой нет.

— У меня нитка с иголкой есть. Зашили бы, — сказал Серёжа.

— Спасибо, утешил... А почему ты свои не зашьёшь? Вон у тебя внизу штанина распорота.

— Да ну их! Я их вообще снять хотел, да в чемодан не влазят... Я их надел, потому что через колючки надо было пробираться. Ну и зацепился там.

— Где же ты пробирался через колючки? Ты ведь из лагеря едешь?

Серёжа нахмурился.

— Ну, извини, — поспешно сказал журналист. — Это опять профессиональная привычка. Командировочное наст-

роение у меня. Когда я в командировке, то всех обо всём расспрашиваю.

— Значит, вы в командировке? — переспросил Серёжа. Потому что неловко было молчать.

— Угу, — откликнулся «Дон-Кихот».

Он вдруг внимательно посмотрел на Серёжу, наморщил лоб, будто решал что-то. Потом спросил:

— Можно, я расскажу тебе маленькую историю? Ты не удивляйся. Понимаешь, мне очень интересно, что́ про эту историю скажет случайно встреченный человек. Ну, такой, как ты.

— Конечно, — сказал Серёжа. — А про что история?

— Да простое, в общем-то, дело... Получили мы в редакции письмо. От одного гражданина. Пишет гражданин про председателя здешнего колхоза «Луч». Пишет, что председатель этот такой-сякой, с людьми не ладит, зазнаётся, обижает подчинённых. Колхозные машины для своих личных дел использует. Пионеров из лагеря на колхозную стройку не велел пускать, когда они там хотели в порядке шефской помощи поработать...

— Это, наверно, про наш лагерь, — вставил Серёжа. — Здесь близко другого нет.

— Наверно, про ваш... А ещё председатель заставил студентов дом для его родственницы ремонтировать. Там студенческий строительный отряд работает, новый конный двор строят ребята, так вот целую бригаду из этого отряда послал он частный дом чинить... Ну и ещё кое-что понаписано... В общем, приехал я в колхоз разбираться. Вопрос-то серьёзный. И действительно, вроде бы так оно всё и есть, как в письме. На первый взгляд. А если поглубже копнуть, то в письме сплошная чушь. Конечно, есть в колхозе люди, которым председатель не по вкусу: лодыри это и прогульщики. Когда народ на поле выходит, они на свой огород или на базар. И насчёт машин — чепуха. А насчёт пионеров, так он правильно сделал, что не разрешил. Нечего на этой стройке ребятишкам делать, там такие брёвна да шлакоблоки, что и студенты едва управляются. А что касается ремонта дома, то это вообще стопроцентное враньё. Ника-

кая она ему не родственница, а просто однофамилица. У неё муж в прошлом году умер, а был он, кстати говоря, инвалид, бывший партизан. Умер, не успел дом поправить. А студенты услыхали эту историю и решили помочь. Их председатель и не заставлял. Вот так, брат... Ну, что?

Серёжа смутился. Не привык он обсуждать такие «взрослые» вопросы.

— Ну так что... — сказал он с неловкостью. — Значит, всё в порядке. Да?

Журналист шумно вздохнул и обрадованно заулыбался.

— Вот и хорошо. Ну, ты молодец, честное слово.

— Я... даже не понимаю, — растерялся Серёжа. — Почему я молодец? Вы смеётесь почему-то...

— Просто радуюсь. Видишь, не везло мне сегодня с утра. Встретил двух знакомых одного за другим (у меня тут в округе знакомых полно), рассказал им эту историю, а они... Один меня жалеть начал: вот, мол, зря съездил, фельетон-то писать не о чем. А другой начал молоть: «Знаем мы этих председателей. Хоть и не подтвердилось ничего, а всё равно они такие...» И ни тот, ни другой не порадовался, что человек-то оказался хороший этот председатель. А ты вот сказал самое главное: «Всё в порядке». Это ведь здорово, что ты так сказал.

Серёжа подумал.

— Да... Только знаете что? Ведь тогда получается, что человек, который письмо писал — плохой.

«Дон-Кихот» кивнул.

— Правильно заметил, Серёжа. Только это и так было видно сразу. Ещё когда письмо не проверяли.

— Почему?

— Ну... это заметно. Злое письмо. И подписано как-то странно. Вроде бы и есть фамилия, а не разберёшь толком. На букву «С». И должность под фамилией написана странная: руководящий работник. Не нашёл я в колхозе этого «руководящего работника», хотя многим письмо показывал.

— А он, наверно, просто не хотел, чтобы его узнали, — догадался Серёжа.

— Наверно... — сказал журналист и задумался.

А Серёжа сидел на чемодане, поглаживал Нока и незаметно разглядывал журналиста. Тот ему всё больше нравился. И не потому, что он с Серёжей разговаривал, как со взрослым. Это многие умеют. Серёжа не сумел бы объяснить словами, но чувствовал доброту большого незнакомого человека. Это была сдержанная доброта, и в ней ощущались уверенность и твёрдость. И когда «Дон-Кихот» улыбался по-лошадиному или неловко передвигал длинные ноги, это было смешно. Потому что за неловкостью была заметна сила. Ну, не такая сила, как, например, у штангиста, а сила характера, что ли...

А может быть, всё это Серёже показалось?

Ведь полчаса назад он пережил встречу с другим взрослым человеком — сильным и недобрым. Эта встреча оставила горькое беспокойство. И сейчас нужно было Серёже, чтобы рядом оказался кто-нибудь добрый и умный. Тот, кто всё понимает.

«Интересно, как его зовут?» — думал Серёжа. Но спросить было неудобно. И вдруг журналист (бывает же так!) встретился с Серёжей глазами и сказал:

— Кстати, меня зовут Алексей Борисович... Ты не думай, что я на знакомство напрашиваюсь. Просто неловко получается: я твоё имя знаю, а ты моё — нет... Между прочим, тебя, наверно, часто спрашивают, не потомок ли ты знаменитого декабриста?

Серёжа улыбнулся.

— Спрашивают. Ну, не часто, а так, иногда. Только тут декабристы ни при чём. У меня дедушка был красный конник. Мне папа рассказывал. Дедушка тогда ещё совсем молодой был, ну не взрослый даже. И родителей у него не было, он беспризорничал. А красные его к себе взяли. Это было как раз под Каховкой, про которую песня есть. Ну и дали ему такую фамилию, потому что он свою настоящую даже не хотел называть. Говорил, раз жизнь новая, пусть и фамилия новая будет... Он потом здорово воевал, даже командиром стал. Только умер он давно, его даже папа плохо помнит. И фотокарточки ни одной не осталось.

— Это не самое главное, — серьёзно сказал Алексей Бо-

рисович. — Фамилия осталась. Славная у тебя фамилия, Сергей, позавидовать можно... Ну, это я так, не подумай, что завидую. У меня фамилия тоже знаменитая. Иванов... Ты что смеёшься? Я серьёзно.

— Я не смеюсь, — запоздало сказал Серёжа. — Это я... нечаянно. Извините.

— Думаешь, не знаменитая фамилия? Одних писателей Ивановых двадцать два человека, я специально интересовался. Вот так-то...

— У нас в классе Иванов есть, — сказал Серёжа, чтобы сгладить неловкость.

— Один Иванов — это что! В нашем подъезде в трёх квартирах Ивановы живут. Один, между прочим, тоже Алексей Борисович. Почтальонка замучилась, всё время письма путает. Один раз открыл конверт, начал читать: батюшки мои, какая-то тётя Вера поздравляет меня с серебряной свадьбой. Смотрю — письмо-то соседу. Побежал извиняться. Ужас до чего неприятно.

— Ну, это ничего, — сказал Серёжа. — Это же вы случайно... Алексей Борисович! А если какой-нибудь человек нарочно чужое письмо распечатывает и читает... Чтобы узнать что-нибудь про другого... Это как называется? Это очень плохо? Или... не очень?

Лицо Алексея Борисовича стало строгим и напряжённым. Уж не подумал ли он, что Серёжа про себя говорит?

— Вот вопрос... Ты же не маленький, Сергей. Наверно, и сам знаешь. Тут уж как ни крути, а называется это всегда одинаково — подлость... Да ты что вскочил?

— Ну вот, — сбивчиво заговорил Серёжа. — Вот видите! Я ему так и сказал!

— Кому?

— Тихону Михайловичу. Начальнику лагеря...

4

Сначала Серёже понравилось в «Смене», хотя лагерь оказался совсем не такой, какой ему представлялся.

Раньше, когда говорили «лагерь», Серёже казалось, что

это палатки и разноцветные домики, сгрудившиеся между скал и высоких чёрных елей. В вечернем небе — редкие звёзды и яркая половинка луны. И тёплый оранжевый костёр у самой большой скалы рядом с говорливым ручьём.

Оказалось, что всё не так. Были три длинных дома среди редких сосен, посыпанная песком площадка, мачта с флагом, высокий зелёный забор, фанерные плакаты «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья» и «Пионер — всем ребятам пример». Трава между соснами была вытоптана, только вдоль забора густо росли репейники и крапива.

Но всё равно Серёжа не жалел, что приехал. Потому что в первый же вечер на лужайке за кухней развели костёр, а вожатый третьего отряда Костя принёс гитару и запел песню, от которой все притихли. А Серёже даже страшновато сделалось: песня была про очень знакомое, словно кто-то подслушал Серёжину тайну.

Только говорилось в ней не про Серёжу, а про маленького горниста.

...У горниста Алёшки Снежкова
Отобрали трубу золотую.

Говорили, что сам виноват он:
По утрам потихоньку, без спросу
Подымался Алёшка с кровати,
Шёл на берег по утренним росам.

Разносился сигнал его странный
Над чащобою спутанных веток,
Над косматым озёрным туманом,
Под оранжевым флагом рассвета...

И чтобы Алёшка не нарушал режим, чтобы не разбудил кого-нибудь раньше срока, трубу у него взяли и заперли в шкаф. Ну, что Алёшка мог сделать? Может быть, даже плакал, закутавшись в одеяло, после отбоя, но трубу-то всё равно не вернёшь. Так и уснул.

Спит горнист. А что ему снится?

Может, снится, как эхо сигнала
В тёплый воздух толкнулось упруго
И за чёрным лесным перевалом
Разбудило далёкие трубы...

Тут у Серёжи, когда он слушал эту песню, каждый раз начинало щекотать в горле, и попавший под руку сосновый сучок он сжимал, как сабельную рукоять.

Захрапели встревоженно кони,
Развернулись дугой эскадроны —
И склонились тяжёлые копья,
И поднялись над строем знамёна.

В чистом небе рассветная краска,
Облаков золотистые гряды.
Словно в сказке, но вовсе не в сказке
Вылетают на поле отряды.

Мчится всадников чёрная россыпь
Сквозь кустарник, туманом одетый,
По холодным предутренним росам
Под оранжевым флагом рассвета.

Потом были и другие песни. Но эту на каждом костре пели обязательно. И Серёжа всегда ждал её, и заранее начинала звенеть в нём радостная тревога. Будто могло случиться чудо, и всадники из песни готовы были вырваться на поляну и встать у костра: отблески огня на мордах коней, золотые искры на уздечках, стременах и медных кольцах ножен. А лиц не видно в тени, только звёзды проступают на высоких шлемах...

Однажды после костра Серёжа задержался рядом с вожатым и негромко спросил:

— Костя, а кто придумал эту песню?

— Да так... — неохотно сказал Костя. — Один человек... — И было похоже, что он смутился.

Странно. Вообще-то Костя смущался редко. Он был ве-

сёлый, неутомимый, справедливый. Не выгонял ребят раньше времени из речки, таскал на плечах малышей-октябрят и никогда не кричал на мальчишек, как вожатая Серёжиного отряда с дурацким именем Гортензия.

Гортензия часто кричала, потому что в отряде не было дисциплины. Все хотели то в поход, то на речку, то футбол гонять, а проводить тематические сборы и выполнять режим никто не хотел. Гортензия из кожи лезла, чтобы добиться порядка. Но у неё ничего не получалось, хотя она изо всех сил старалась походить на старшую вожатую Евгению Семёновну.

А Костя не старался быть похожим. Он ходил в тёмных очках и носил зелёные шорты с широким командирским ремнём.

Все знали, что начальник лагеря Тихон Михайлович Совков недоволен Костей. Начальник считал, что взрослому человеку неприлично ходить в коротких штанах, а вожатый к тому же не имеет права носить тёмные очки, потому что они отделяют его от детей. Но Костя продолжал ходить в шортах, а очки ни от кого его не отделяли...

И вот когда Серёжа спросил про песню, Костя слегка растерялся. И Серёжа не стал больше спрашивать, всё и так было ясно. А Костя закинул за плечо гитару и взял Серёжу за руку.

— Пойдём, Сергей... Не всё ли равно, кто придумал песню? Главное, что поют...

И Серёже стало хорошо-хорошо от того, что Костя помнит, оказывается, его имя, и они идут сейчас рядом, и Костя держит его ладонь в своей ладони, а над лагерем тёплый такой, тихий вечер, и луна смеётся среди тёмных сосен...

Луна была не совсем круглая, но очень яркая. А на севере не гасла жёлтая заря. Лунный свет сливался с зарёй, и на сосновые ветки словно золотистая пыль осела. Спать никому не хотелось. Ребята сдвинули кровати и стали рассказывать разные истории. Было не очень шумно и очень интересно. Многие даже из других палат прибежали. Гор-

тензия для порядка покричала, а потом незаметно исчезла.

— Гы... На свидание со Стасиком побежала, — съехидничал Вовка Падерин по прозвищу «Пудра».

Стасик — это был Станислав Андреевич, физрук. Но никто не стал смеяться, не такое было настроение. Всем хотелось тихонько сидеть рядом друг с дружкой и слушать.

Истории были, конечно, страшные. Павлик Максимов рассказал про отрубленную руку, которую двое мальчишек нашли в старинном сундуке, а Валерка Сотников — про то, как их соседка по квартире оказалась колдуньей и летала в стиральной машине.

А потом Витька Солобоев из первого отряда начал рассказывать про собаку Баскервилей. Только говорил он плохо, всё путал, сбивался. Кроме того, Витька на ужине объелся и сейчас сильно пыхтел. Слушать стало неинтересно, тем более что многие ребята историю про баскервильского пса знали лучше Витьки. Они стали перебивать, поправлять, зашумели. Витька, утомлённый и обиженный, замолчал. А все заговорили про собак: какая порода лучше, у кого какие были щенки, как дрессировать...

У Серёжи никогда собаки не было, но слушал он всё равно с интересом.

Вдруг, когда уже начал стихать разговор, маленький Димка Соломин сказал:

— У меня тоже была собака. Только я её никогда не видел...

— Гы, — тут же отозвался Пудра. — Она меньше блохи была, ага? Смесь микроба с кабыздохом.

Несколько человек с готовностью хихикнули. Но остальные на них зашумели: почти всем хотелось послушать про Димкину собаку.

И Серёже очень хотелось. Дело даже не в собаке. Просто ему нравился Димка.

Они познакомились в первый же лагерный день. Серёжа шёл в пионерскую комнату и увидел, что прямо перед ним стоит на дорожке мальчишка лет восьми. Худой, золотоволосый, с боевой ссадиной на переносице. Стоит, крепко расставив ноги и заложив ладони за ремешок на штанах.

Лицо у мальчишки было хорошее, с большим улыбчивым ртом и зелёными глазами.

— А я тебя помню, — сказал он и наклонил к плечу голову. — Ты учился в пятом «В», в нашей школе. Тебя Серёгой зовут.

— Правильно, — обрадовался Серёжа. — Только я... не помню, как тебя зовут. — Он постеснялся сказать, что вообще не помнит этого мальчишку.

— Меня звать Димка, — охотно сообщил тот. И пошёл рядом с Серёжей.

Наверно, они разговорились бы, но тут закричал кто-то издалека: «Димка! Соломин!» И Димка ускакал на зов.

Потом он много раз попадался навстречу и всегда улыбался Серёже, как давнему знакомому.

Серёжа ни с кем ещё не успел подружиться в лагере. И с Димкой тоже. Но Димка нравился ему больше всех, жаль только, что был он маленький...

Димка стал рассказывать:

— Я тогда жил у нашей бабушки. Не в городе, а в посёлке. Там овраг, а кругом дома. Я в первую ночь ну никак уснуть не мог. Потому что не привык. У нас в городе ночью в окошке сразу тыща огней видна, а у бабушки — никаких огоньков, потому что овраг за окном. Только луна. Ну, я не спал, не спал, а потом собака начала гавкать. Я сперва даже разозлился: чего спать не даёт? А потом мне её както жалко стало. Она так печально гавкала. Наверно, она всё время на цепи сидела, и ночью и днём. Скучно ведь... У меня окошко открыто было. Я подошёл и давай свистеть. Ну, не громко, а так, будто зову её. Она замолчала. А потом гавкнула, будто спрашивает. Ну, я ещё посвистел. А она опять: «Гав, гав». Будто отвечает... Вот так мы долго-долго переговаривались. А потом я три раза свистнул, что кончаем разговор, и лёг спать. Она тоже ещё полаяла немного и замолчала.

— А потом? — спросил Серёжа.

— Когда другая ночь наступила, мы опять так же переговаривались. И потом ещё. Каждую ночь. Она меня уже узнавала по свисту, эта собака. И откликалась по-всякому.

Если весело начну свистеть, она тоже весело так залает! А если потихонечку, грустно, она тоже жалобно так гавкает... В общем, у нас целые разговоры были.

— А как её звали-то? — спросили из дальнего угла.

— Я откуда знаю? — удивился Димка. — Я её даже не видел ни разу. Даже не знаю, какая она. Я её днём искал, да там у оврага огороды кругом и заборы высокие, не проберёшься. А на свист она днём не откликалась.

— Какая же она твоя? — обиженно пыхтя, сказал Витька Солобоев. — Даже не знаешь, рыжая она или ещё какая. Хозяин у собаки тот, кто ей жрать даёт.

— Зато она со мной разговаривала, — тихо ответил Димка.

Серёжа с досадой сказал:

— Ты, Солобоев, не мешай рассказывать... Ну, а потом что, Димка?

Димка вздохнул.

— Потом я подрался с Вовкой Кобасёнком, и у меня губа распухла. Я уже не мог свистеть. А она лаяла, лаяла. Всю ночь. Я просто не знал, что делать. Кричать, что ли? Ну, я же не знал, как её зовут. И бабушка проснулась бы... А собака всё лаяла, лаяла и вдруг как завизжит! И замолчала сразу... Я потом, когда губа прошла, всю ночь свистел, а она уж не отвечала.

Все сочувственно помолчали.

— Прибил кто-нибудь, — проговорил Женька Скатов, сердитый некрасивый мальчишка из первого отряда. — Есть такие гады. Им собаку убить, что клопа раздавить.

Серёжа недолюбливал Женьку. Но сейчас Женька пожалел Димкину собаку и сразу показался Серёже симпатичным.

И вообще все вокруг были сейчас хорошие и добрые. Сидели вперемешку на своих и чужих кроватях, привалившись друг к дружке и завернувшись во всё равно чьи одеяла. И к Серёже приткнулся тоже какой-то парнишка из другого отряда, незнакомый, но всё равно славный. Всё ярче светила луна, и совсем не хотелось спать, и хорошо было рядом друг с другом.

Кругом были товарищи, и Серёжа решил подарить им свою сказку.

Он сказал:

— А у меня есть всадники...

5

Это случилось позапрошлым летом. Серёжа выпросил у тёти Гали разрешение пойти с ребятами за город, на Песчаное озеро. Дни стояли знойные, все мальчишки были одеты совсем легко. Ведь никто не думал, что в середине дня из-за кромки северного леса прилетит злой ветер с обжигающе холодным дождём. Это был один из стремительных циклонов, о которых не успевают предупредить синоптики.

Непогода захватила ребят, когда они были на луговой тропинке, в двух километрах от автобусной остановки. Лето сразу превратилось в осень. Солнце зарылось в косматые облака и, наверно, дрожало там, как промокший рыжий щенок. Травы согнулись под пружинистыми ударами струй.

Когда Серёжа прибежал домой, его можно было выжимать и вешать на верёвку вместе со штанами и майкой. Тётя Галя заохала, кинулась греть воду. Но не помогла горячая ванна. И малина не помогла. К вечеру Серёжа осип, ослабел, задрожал от озноба...

Ангина — невесёлое дело, особенно в каникулы. Лежишь и скучаешь. В первый день тётя Галя сидела с Серёжей, поила горячим молоком и кормила таблетками. А потом температура улеглась, и тётя Галя стала ходить на работу.

Отец был в командировке, Маринка в детском саду, Наташка — та, что жила в соседней квартире, — в деревне у бабушки. На улицу Серёже запретили даже нос высовывать.

Да и что было делать на улице? Ветер и дождь хозяйничали, как хотели. Под окном растекалась унылая лужа, по ней разбегалась рыжая от глины рябь. Мотались на ветру ветки рябины и жёлтой акации. Красный столбик в термометре, прибитом за окошком к карнизу, съёжился и торчал на десяти градусах.

Наконец однажды к вечеру холодный дождь отшумел и откатился за дальние крыши. На западе прорезалась солнечная щель. Но зябкий ветер ещё налетал порывами, и мокрые кусты вздрагивали, как вздрагивают после долгих слёз маленькие дети.

Серёжа тоже вздрагивал: у окна было прохладно. Пришла тётя Галя и прогнала его в постель. Серёжа слегка обиделся. Он лежал носом к стене и весь вечер не поворачивался, хотя ему очень важно было знать, растёт ли за окном светлая полоса. Он лежал и разглядывал старые обои. Мелкий узор, пятнышки и царапины складывались в картинки. Можно было, если постараться, увидеть странных птиц, верблюдов, старинный пароход и хромую избушку Бабы-Яги. Но отчётливей всего виден был всадник.

Всадник сидел на тонконогом коне. У коня была вскинутая голова и взлохмаченная грива. Всадник был в остром шлеме и шинели. В одной руке — изогнутая шашка, в другой — длинное копьё (эту царапину Серёжа нанёс деревянной саблей, когда воевал с подушками).

Ресницы слипались, и узоры на стене начинали шевелиться. Конь перебирал ногами, и всадник оглядывался на Серёжу, словно с собой звал.

Серёжа тряхнул головой, всадник замер. Серёжа украдкой глянул в окно. Солнечная щель была теперь оранжевая. По ней, как по огненной дороге, летели маленькие облачка, похожие на кавалеристов с косматыми бурками. Они словно шли в атаку на непогоду.

Ночью шумел дождь. Серёжу будила тревога: неужели и завтра не будет солнца? Всадник на стене был не виден в сумерках, но Серёжа знал, что он здесь, и шёпотом просил:

— Ну, прогони эти тучи! Ну, пожалуйста...

Утро было серое, но дождь умолк. Серёжа прошлёпал к окну. Циклон уходил. Тёмные облака откатывались к югу ряд за рядом. Они были похожи на армию, которая отступает, хотя ещё не совсем разбита. К полудню синими проблесками стало мелькать небо, а потом в широкий разрыв пушечным ядром вылетело раскалённое солнце, и красный столбик термометра, салютуя, взлетел на девять делений.

Яркие лучи упали на стену. Все вечерние рисунки на обоях рассыпались от света, пропали. И всадник исчез. Но он-то не рассыпался, конечно: он ускакал бить отступавшего врага.

Ему, этому всаднику, трудно было одному в бою. Серёжа сел к столу и стал готовить армию.

Сначала Серёжа нарисовал на картоне одного кавалериста (может быть, не очень умело вышло, но он старался). Всадник получился ростом со спичечный коробок. Серёжа вырезал его маленькими тёти Галиными ножницами. Потом он по этой фигурке обвёл ещё одиннадцать — сколько хватило картона. И тоже вырезал, а потом разрисовал папиной цветной тушью. Получился эскадрон из двенадцати всадников. С тонкими пиками из рисовой соломы от веника, с блестящими саблями из серебристой обёртки от чая, со звёздами на шлемах.

Серёжа выстроил всадников на подоконнике, чтобы они мчались вслед за убегавшими тучами.

И тучи, испугавшись, скоро совсем покинули поле боя. День стал яркий, сверкающий синими лужами, и тёплый. Над высыхающим асфальтом поднимался пар.

Попробуйте посидеть дома в такую погоду! Когда пришла тётя Галя, Серёжа сказал, что умрёт, если не выйдет на улицу. Тётя Галя повздыхала и разрешила. Велела только надеть резиновые сапоги, длинные штаны и свитер.

Ходить в таком наряде, когда на улице чудесный летний день, может только сумасшедший. Серёжа так и сказал. Тётя Галя обиделась. Серёжа тоже обиделся. Он даже хотел пустить слезу (в те времена он ещё выкидывал такие шуточки), но распускать нюни перед лицом двенадцати всадников было неудобно. Серёжа заявил, что гулять не будет, и начал строить на подоконнике вражескую крепость из костяшек домино. Эту крепость всадники взяли с налёта. Они были такие же сердитые, как Серёжа.

Однако долго сердиться не пришлось. Неожиданно вернулся из поездки отец. Он, оказывается, поторопился, чтобы успеть на день рождения к своему хорошему товарищу. Узнав, что Серёжа нездоров, отец расстроился. В гости ид-

ти ему расхотелось. Но Серёжа не желал, чтобы отец расстраивался. Он сказал, что ни капельки уже не болеет, и что пусть папа с тётей Галей идут, а то дядя Володя будет ждать и обижаться. Только пусть возьмут с собой Маринку, а то она весь вечер будет приставать, чтобы Серёжа ей книжки читал. А у него своих дел много.

Вот так он и остался в тот вечер один.

Прежде всего он распахнул окно. Гулять не разрешают, ну и ладно! А сидеть в открытом окне ему никто не запрещал.

Вечер наступил тёплый и слегка влажный. Над крышами вырастала груда жёлтого облака. Улица была тихая, пустынная, только в кустах шастали воробьи. Серёжу стало клонить в сон. Может быть, он не совсем ещё поправился, а может быть, просто утомился за день. Он прилёг на кровать и стал смотреть в окно. Всадники по-прежнему были на подоконнике. Они словно мчались по вечернему небу навстречу жёлтому облаку.

Серёжа уснул.

Он проснулся от громкого, как выстрел, удара. Это ветер захлопнул окно.

Над городом разворачивалась гроза, которая пришла на смену холодному циклону. Это была тёплая гроза с голубыми вспышками и раскатистым добродушным громом.

Серёжа подбежал к окну. И увидел, что на подоконнике нет всадников. Ветер, прежде чем захлопнуть створки, подхватил картонных кавалеристов и унёс неизвестно куда.

Конечно, Серёже стало обидно. И одиноко. Папа с тётей Галей ещё не вернулись, хотя было поздно и темно, всадники умчались и бросили его. У Серёжи даже защипало в глазах. Он не стал смотреть на грозу. Опять лёг и ткнулся носом в подушку.

...И тут ему не то приснилось, не то придумалось, будто мягким толчком распахнулась дверь. И простучали от порога до кровати твёрдые, с металлическим перезвоном шаги.

Он открыл глаза и повернулся на спину.

В комнате нарастал свет, будто лампочки в люстре сами собой медленно набирали силу.

Недалеко от Серёжиной кровати стоял человек в остром шлеме и шинели до пят. На нём были жёлтые тугие ремни со звёздной пряжкой, коричневая кобура и длинная сабля в чёрных ножнах с медным наконечником. Крошечные капельки дождя блестели на шинели. Человек смотрел на Серёжу устало, но по-доброму. Потом он протянул Серёже руку и сказал:

«Не сердись... Мы не успели предупредить тебя. Мы ускакали, потому что ждало нас очень важное боевое дело».

Серёжа поспешно вложил свою ладошку в большую ладонь Всадника и поднялся.

То ли сон это был, то ли выдумка, но Серёжа помнит всё ясно-ясно. Как он встал перед Всадником, ухватился за его кожаный пояс и прижался к шинели. Сукно оказалось сырым и колючим, когда Серёжа коснулся его голыми локтями и коленками. От ремня пахло, как от нового портфеля, а от жёлтой пряжки — кисловатой медью. Всадник был высокий, и Серёжа доставал до пряжки только подбородком. Он так и стоял, вцепившись в ремень и задрав подбородок, и смотрел на чудесного гостя.

«А вы вернётесь?» — спросил Серёжа.

Всадник серьёзно сказал:

«Если будет нужно. Мы не можем всю жизнь торчать на подоконнике, у нас ещё много боёв. Но если тебе придётся плохо, ты позови. Мы примчимся».

«Как позвать?» — спросил Серёжа шёпотом, потому что хотелось заплакать. Не от горечи, не от обиды, а наоборот — будто от любимой песни, когда вспоминается что-то хорошее.

Всадник улыбнулся.

«Как позвать... Ну, встань покрепче, локти согни, кулаки сожми, будто в одной руке поводья, в другой — шашка. И скомандуй тихонько, про себя: «Эскадро-о-он! Ко мне!» И мы сразу будем тут как тут... Может быть, нас никто и не

заметит, мы умеем быть невидимками. Но ты обязательно знай, что мы рядом».

«Буду...» — прошептал Серёжа.

Всадник подержал на его плече тяжёлую ладонь, повернулся и ушёл за дверь, позвякивая шпорами. Тихо ржали за окном лошади, и откатывался за горизонт гром. Серёжа снова лёг...

Сквозь сон он услыхал, как пришли папа и тётя Галя, как хныкала Маринка, которой давно пора было спать.

Потом тётя Галя вошла в комнату и охнула:

— Батюшки, так и уснул, даже свет не погасил. И не разделся.

Она стала расстёгивать на Серёже рубашку, а он притворялся, что никак не может проснуться. Лишь украдкой, одним глазком глянул на пол: нет ли следов от сапог. Но следы уже высохли. И только Серёжино плечо всё ещё будто чувствовало тяжесть крепкой дружеской ладони...

Нет, Серёжа пока ни разу в жизни не звал на помощь всадников. Потому что не встречались ещё настоящие враги.

Но он знает: если позвать, они примчатся.

Это уж точно...

Едва Серёжа кончил говорить, как примчалась Гортензия. На этот раз она раскричалась всерьёз, всех разогнала по своим постелям и палатам. Так Серёжка и не узнал, понравилась ли его сказка ребятам. Он только помнил, что слушали его внимательно, молча.

Если бы он знал, чем это кончится!

6

Пудру, Витьку Солобоева и Гутю начальник лагеря звал «мои мушкетёры». Они ездили в лагерь уже несколько лет подряд. Знали каждый камушек, каждую тропинку и щель в заборе. Знали они и все порядки. Когда и кому их можно нарушать, а когда и кому следить за ними. В пионерское начальство «мушкетёров» не выбирали. Но они и так ходили в главных. Когда надо перегонять лодки из соседней деревни, ехать в село за сметаной или заготавливать в лесу

дрова для костра и возить их на лошади, кого пошлёшь? Завхоз дядя Вася на десять частей не разорвётся. Не отправишь ведь по таким делам председательницу совета дружины Светку Мальцеву, хоть она и командирша. И на всяких других активистов надежда маленькая: они только альбомчики клеить умеют.

И когда малышовый отряд поднимает на тихом часе гвалт и начинает бой подушками, от совета дружины толку мало и от девиц-вожатых тоже. Станислава Андреевича никогда не доищешься, а с Костей у начальника отношения так себе. «Мушкетёры» же всегда тут как тут.

Ну, а если они искупаются лишний разок, когда наблюдают за порядком на речке, или оттянут по затылку нарушителя дисциплины, беда невелика. Зато на душе спокойно.

Главным среди «мушкетёров» был Гутя. То ли это имя у него, то ли прозвище, Серёжа не знал. Девчонки из старшего отряда по Гуте вздыхали. Был он симпатичный: смуглый, темноволосый, стройненький. Всегда в отглаженной пионерской форме, как с картинки. И очень вежливый. Со всеми. Даже с теми пацанятами, которых он за провинности собирался тюкнуть по лбу.

Впрочем, Гутя редко пускал в ход руки. Для этого были Пудра и Витька.

Пудра был Гутин друг, хотя он на Гутю ну ни капельки не походил. Худой, длинный, в штанах с пузырями на коленях, в рубахе навыпуск, нескладный. У него была тонкая шея, круглая голова и жёлтые космы волос. Они торчали вразлёт, и Пудра напоминал подсолнух.

Пудра умел притворяться дурачком. Как скажет своё «гы» да отпустит шуточку поглупее, сразу покажется, будто он недоразвитый. Но это тем покажется, кто Пудру не знает.

А Витька Солобоев ходил у Гути и Пудры в адъютантах. И ничего особенного в нём не было, кроме розовых щёк и аппетита.

В этом году приклеился ещё к «мушкетёрам» Женька Скатов. Хмурый такой, неразговорчивый парнишка. Выбра-

ли его в совет отряда, потому что, говорят, он в школе хорошо учился, но Женька отрядными делами не занимался, а всё время гулял с «мушкетёрами».

...Вот этих четверых и встретил Серёжа, когда проводил Костю и возвращался в лагерь.

Костя уехал. Не мог он оставаться: пришла из города телеграмма, что Костина мать заболела. Тяжело. Про Костин отъезд и телеграмму никто не знал, кроме вожатых.

Серёжа узнал случайно. Он раньше всех закончил завтрак и украдкой выскользнул из столовой: ему всегда было неловко орать вместе с другими, хором: «Спасибо всем!» Выскочил он на крыльцо и увидел, что Костя шагает к лагерной калитке с плащом на руке и с чемоданом.

Сердце у Серёжи неприятно стукнуло. Он догнал Костю.

— Ты разве уезжаешь?

— Приходится, — откликнулся Костя. И коротко рассказал про телеграмму.

Серёжа молча пошёл рядом. Что тут скажешь? Потом он спросил:

— А почему ребята не провожают?

— Не сказал я никому. И так на душе муторно. А тут сорок человек — сорок расставаний. Девчонки ещё слезу пустят.

«Не только девчонки», — подумал Серёжа. И попросил:

— Можно, я провожу? Я не пущу слезу.

— Пойдём, Сергей, — сказал Костя.

Серёжа взял у него плащ, и они зашагали к станции. Через лес, через луг. Молча.

Когда среди трав поднялся станционный домик, Костя остановился:

— Возвращайся, Сергей, а то потеряют тебя. Спасибо. Ребята пусть не обижаются, я им напишу.

«А песню я навсегда запомнил», — хотелось сказать Серёже, но он промолчал. Стоял и смотрел вслед Косте. Даже «до свиданья» не сказал. «До свиданья» — значит «до встре-

чи». А где же им встретиться, если Серёжа и адреса-то Костиного не знает. Постеснялся спросить. Какие уж тут адреса, если у человека несчастье.

«Мушкетёры» повстречались ему у самой калитки.

— Очень приятно. Ещё один самовольщик, — лениво произнёс Гутя. — Кто разрешил за территорию лагеря уходить?

Серёже было грустно. Ему было не до «мушкетёров». Серёжа и не подумал, что их четверо, а он один. Просто сказал:

— Тебе какое дело?

— Ух ты... — в один голос возмутились Пудра и Солобоев и хотели ухватить Серёжу.

Гутя удержал их движением ладони.

— А вот какое дело, — любезно сказал он. — Позвольте довести до вашего сведения, что директор велел всех, кто из лагеря нос высовывает, отправлять на гауптвахту и держать там до выяснения.

— Куда отправлять? — удивился Серёжа.

— В пионерскую комнату. Под замочек. Под арест. Пока он не придёт и не разберётся.

— Гы! Да ты не бойся, не заскучаешь, — вмешался Пудра. — Тама уже три гаврика сидят, веселятся.

— Ну идите и веселитесь с ними, — хмуро сказал Серёжа.

— Ты поговори, — пригрозил Женька Скатов. — Иди лучше добром. Нам директор приказ дал.

Директором почему-то все звали начальника лагеря.

— Приказ — дуракам напоказ, — сказал Серёжа. Ему было всё равно, потому что Костя уехал. — Пусть он сам сидит под арестом, если хочет. Здесь не кадетский корпус.

— Взять! — сказал Гутя.

Пудра и Витька прижали Серёжу к забору. Хотели повести насильно. А ему вдруг так обидно сделалось и такая злость нахлынула! Кулаки сами сжались.

— Ладно, отпустите, — вдруг распорядился Гутя. — Дитя готово разрыдаться. Маму звать начнёт.

Пудра заупрямился:

— Не-а... Пускай сказочку расскажет, тогда пустим. Это же тот сказочник. Он нам всю ночь про каких-то наездников мозги заправлял. У, потеха!

Видно, Пудра решил отомстить за Витьку, которого накануне вечером не захотели слушать ребята.

И сам Витька обрадовался:

— Точно! Он трепался, будто лошадиной дивизией командовал! Ты, Гутя, не слыхал, не знаешь. Будто, как свистнет, так все кругом без памяти валятся.

Стыд и ярость взметнулись в Серёже! Он им тайну открыл, сказку доверил, а они!

— А ну пустите! — крикнул он с такой злостью, что «мушкетёры» отшатнулись.

— Что случилось? — раздался голос начальника лагеря. Совков подошёл незаметно.

— Ничего страшного, Тихон Михайлович. Самовольщик нервничает, — объяснил Гутя. — За пределами лагеря гулял, а теперь брыкается.

Совков повернулся к Серёже:

— Кто позволил уходить из лагеря?

Глядя в землю, Серёжа сказал:

— Я Костю провожал. Он мне сам разрешил.

— Надо было у меня спросить... Ладно, ступай.

Серёжа плечом отодвинул с дороги молчаливого Женьку и шагнул в калитку. Но злость и обида вдруг снова поднялись в нём. Он повернулся:

— А они... пусть лучше меня не трогают! Я под их скрипку танцевать не собираюсь!

Он ожидал в ответ возмущения и угроз. Но «мушкетёры» промолчали, а Тихон Михайлович сказал почти ласково:

— Ступай, ступай. Они не тронут. Я поговорю.

Они и правда не трогали Серёжу. Но в тот же день он увидел на своей подушке листок с карикатурой: кривоногий всадник сидел на брюхатой лошади и держался за хвост.

На следующий день вслед Серёже то и дело звонко ржа-

ли наученные «мушкетёрами» малыши. К вечеру кое в чём разобрался, видимо, Димка и навёл среди октябрятской братии порядок: ржание прекратилось. Но перед ужином к Серёже подошла Гортензия и, хлопая крашеными ресницами, заговорила:

— Послушай, Каховский, у нас завтра костер. Ты не мог бы рассказать всему отряду свою сказку?

— Какую сказку?

— Ту самую, про которую все говорят. Про каких-то волшебников, говорящих верблюдов, лошадей...

«Сама ты говорящий верблюд», — подумал Серёжа. И спросил:

— Кто вам сказал про эту сказку?

— Падерин и Солобоев. А что?

— Скажите им, что они болваны, — чётко произнёс Серёжа.

— А ты грубиян! Тебя по-хорошему просят, а ты...

Вот в тот вечер Серёжа и написал домой письмо. Написал и бросил в фанерный почтовый ящик у пионерской комнаты.

А на другой день, на вечерней линейке, — как гром среди ясного неба!

Впрочем, сначала линейка шла, как обычно: рапорта, итоги, благодарности дежурным по кухне. Потом взял слово директор. Это было тоже привычно: он часто выступал на линейках.

На этот раз он говорил о тех, кто самовольно уходит из лагеря в лес, на речку и в поле. Невысокий, кругловатый, энергичный, он стоял у мачты с флагом и при каждом слове резко дёргал устремлённым вниз указательным пальцем — словно кнопки нажимал или неумело печатал на большой пишущей машинке.

Слова директора были привычные и скучные:

— Отдельные безобразные случаи превратились в систему... Администрация будет вынуждена... Есть меры, которые заставят нарушителей...

Потом он передохнул и заговорил попроще:

— Ну, чего вам не хватает? Территория благоустроенная, аттракционы всякие. Порядок надоел? Так ведь порядок этот не назло вам, а чтобы избежать несчастных случаев. Вам бы всё скакать, а мы, взрослые, отвечаем. Понимаете? От-ве-ча-ем! Совести у вас нет, вот что. Безобразничаете, а потом ещё жалуетесь родителям. Приезжайте, мол, заберите отсюда, а то как в тюрьме...

— А кто жалуется? — насмешливо спросили из рядов.

— Да есть такие... «Папа, приезжай, а то всё плохо. На рыбалку нельзя, купаться нельзя»... А тонуть можно, я спрашиваю?

Серёжа в первый миг почувствовал себя так же, как при стычке с «мушкетёрами», когда они издевались над его сказкой. А потом стало ему тоскливо и очень одиноко. И уже ничего не боясь, он спросил:

— Это вы про моё письмо говорите?

— А что? — ответил директор. — Может быть, я говорю неправду?

— Значит, вы его читали?!

— Может быть, ты хочешь сказать, что я лгу? Я могу прочитать письмо на линейке.

И тогда при напряжённом молчании отрядов, в ясной вечерней тишине, когда не колышутся листья и флаги, все до единого человека услышали Серёжины слова:

— Но ведь это подлость!

— Понимаете, Алексей Борисович, я совсем не хотел нагрубить, — сказал Серёжа. — Ну, нисколечко. Так получилось. Просто другого слова не нашлось. А он раскричался, конечно: «Хулиган, как ты смеешь! Раз тебе наши порядки не нравятся, убирайся из лагеря! Чтоб твоего духу здесь не было!» Ну, я сказал «хорошо» и ушёл. С линейки ушёл и хотел сразу на станцию идти, но уже поздно было, сумерки.

— И страшновато, — добродушно уточнил Алексей Борисович.

— Ну... да. Не потому, что вечер, я темноты не боюсь. Просто на станции стали бы спрашивать: куда один едешь ночью? В общем, я переночевал, а утром ушёл. Хорошо, что чемодан был не на складе, а под кроватью: я его как раз взял со склада, чтобы рубашку сменить...

— Никто не знал, что ты уходишь?

— Я Димке сказал, чтобы предупредил всех. Я рано ушёл, на рассвете...

На рассвете он проснулся, будто по сигналу. В окошке, за чёрными соснами, розовели клочковатые облака. Серёжа неслышно оделся, подхватил чемодан и курточку, отодвинул на окне марлевую занавеску и прыгнул на песок.

Осторожно прошёл он вдоль всего корпуса к самому крайнему окошку. У этого окошка, в палате шестого отряда, спал Димка.

Оконные створки были распахнуты. Видно, утренний холодок донимал Димку, и он завернулся в одеяло по самую макушку. Торчал только затылок с пшеничными растрёпанными волосами.

— Дим, — позвал Серёжа и лёг животом на подоконник. Димка не пошевелился, лишь волоски на затылке вроде бы насторожились, как маленькие антенны.

— Ди-ма...

Димка откинул одеяло и сел. Поморгал. И внимательно, будто и не спал, посмотрел на Серёжу.

— Я ухожу. Домой уезжаю. Ты скажи вожатой... и всем, кому надо.

— Насовсем уезжаешь? — шёпотом спросил Димка.

— Насовсем. Что ж теперь делать?

— Правильно, — серьёзно сказал Димка. — Только жалко... Костя уехал, ты тоже.

— Что же теперь делать? — снова сказал Серёжа.

— Я понимаю...

— Я тебе письмо напишу, — пообещал Серёжа.

Димка растянул в улыбке свои большие губы.

— Ты длинное напиши, чтобы долго читать. Ладно?..

И тут же насупился.

— Нет, не надо. Это письмо, наверно, тоже распечатают. Ну их...

— Я так заклею, что никто не распечатает, — пообещал Серёжа. — Ну, ты ложись. Спи, рано ещё.

Димка кивнул, но продолжал сидеть.

— Спи, Дим... Укладывайся.

Димка лёг на спину, но продолжал во все глазищи глядеть на Серёжу. Серёжа до подбородка натянул на него одеяло.

— Ну, я пошёл.

Короткая хлёсткая злость на директора, на его «мушкетёров», на всех, из-за кого приходилось уезжать из лагеря, обожгла Серёжу. Он резко оттолкнулся от подоконника и зашагал к забору. Он успел ещё заметить, что Димка снова сел и смотрит вслед. Но оглядываться не стал. Потому что всё равно нужно было уходить. О том, что можно бы и остаться, он даже не думал.

Лагерь спал таким глубоким сном, что можно было никого не опасаться. Но всё-таки Серёжа не пошёл к калитке: сторож мог и проснуться. Доказывай тогда, что Серёжа не убегает, а просто уходит, потому что... В общем, сторожу трудно что-нибудь доказать.

Серёжа пробрался сквозь колючки к забору. Серые головки репейника приклеились к брюкам, острый сучок разорвал штанину. Серёжа отодвинул в заборе доску, и открылась щель. От неё убегала тропинка...

7

— Да-а. Заварил ты кашу, — сказал Алексей Борисович. — И знаешь что, Сергей? Тебя будут обвинять в дезертирстве. Скажут, не уходить надо было из лагеря, а доказывать свою правоту, раз уж ты уверен, что прав.

— Кто скажет?

— Да кто угодно. Ребята. Или тот же начальник лагеря.

Серёжа медленно покачал головой:

— Я не дезертир. Я не из-за трусости ушёл. Просто про-

тивно стало. А доказывать там некому. Одни смеются, другим всё равно. Ведь знают, что нельзя чужие письма читать, а молчат... А Тихон Михайлович тоже... Ну что я ему докажу? Он думает, что с ребятами что хочешь можно делать!

— Сейчас он так уже, наверно, не думает, — заметил Алексей Борисович.

Серёжа осторожно поднял на него глаза.

— А вы... не думаете, что я дезертир?

— Нет, — сказал Алексей Борисович и почему-то нахмурился.

Потом он спросил:

— А почему этого Тихона Михайловича так разозлило письмо? Что ты там такого понаписал?

— Да ничего особенного! Вот посмотрите! — Он вытащил из кармана помятый конверт.

— Постой, Серёжа. А откуда оно у тебя? Разве начальник вернул его?

— Физрук отдал. Ну... он меня тут догнал, уговаривал вернуться.

— Понятно. Это тот гражданин, с которым ты беседовал, когда я подходил к станции?

— Тот самый...

— Так... Значит, можно почитать письмо?

— Читайте, пожалуйста.

Алексей Борисович вынул из конверта большой коричневатый лист в крупную клетку. И удивлённо глянул на Серёжу.

— А где ты взял такую бумагу?

— Да в лагере её сколько угодно. Это такие конторские книги, мы из них отрядные дневники делали. А что?

— Да так, любопытно...

И он стал читать.

Серёжа придвинулся и тоже стал перечитывать знакомые строчки.

Здравствуйте, папа,
тётя Галя и Маринка!

У меня всё в порядке. Здоровье хорошее. Один раз ногу подвернул на футболе, но уже прошло. Не-

давно мы ходили в поход с палатками. Только ночевать не стали, потому что вожатая испугалась грозы. А ещё будет военная игра. Но знаешь, папа, если по правде писать, то мне здесь не нравится. Сначала понравилось, потому что был один хороший вожатый и костры были. Но он уехал. Теперь скучно. Хотел я подружиться с ребятами, только пока не получается. Я один раз сказку рассказал, чтобы интереснее было. А они смеются теперь. Знаешь, папа, лучше бы ты приехал за мной. Лучше бы мы с тобой и Наташкой поехали на рыбалку, а то всё только собираемся и собираемся. И никак не получается, чтобы вместе. А здесь даже и не порыбачишь. Одному на речку не дают нос сунуть, а когда целая толпа, то тут уж не до рыбалки. Даже и не искупаешься как следует, потому что только залезешь и уже велят обратно.

Ты не думай, что я жалуюсь. Если надо, я проживу всю смену. Но ты ведь просил писать честно, вот я и пишу честно. Лучше бы ты приехал за мной. Здесь знаешь почему плохо? Потому что каждый день одно и то же! А если плохо, то зачем?

Но если ты не можешь, не приезжай.

Тётя Галя, можно я сменяю свои польские штаны на трёхцветный фонарик? Они мне всё равно велики и сваливаются, а тому мальчику, у которого фонарик, они как раз.

Пусть Маринка не лазит в мой ящик без спросу, а то у меня там пистоны и острый циркуль с иголками.

До свиданья.
Ваш Серёжа.

Письмо было написано на развёрнутом листе, вырванном из конторской книги. Одна половинка листа осталась чистой.

— Можно, я возьму эту бумагу? — спросил Алексей Борисович. — Здесь ничего не написано.

— Возьмите, конечно!.. А зачем?

— Да так, пригодится. В морской бой можно поиграть, тут клетки подходящие. До поезда всё равно ещё много времени. Ты умеешь играть в морской бой?

Серёжа снисходительно усмехнулся.

— Ну и отлично! — Алексей Борисович аккуратно оторвал листок, а письмо отдал Серёже.

— А вы... — нерешительно сказал Серёжа. — Вы ведь сейчас прочитали. Как вы думаете, что в нём... такого?

— «Такого» ничего.

Серёжа сунул письмо в конверт, а конверт — в карман своих просторных брюк. Алексей Борисович глянул мельком и спросил:

— Не успел поменять штаны на фонарик?

— Не успел, — вздохнул Серёжа. — Да тётя Галя, наверно, и не разрешила бы.

— А тётя Галя... она кто? Твоя тётя?

Серёжа просто сказал:

— Она — папина жена. Мама у меня умерла.

— Извини, брат. Перестарался я со своим любопытством.

— Ну, а что ж такого, — спокойно откликнулся Серёжа. — Конечно, непонятно: папа и тётя Галя... — И вдруг спросил: — А вы были в Сибири?

— Был.

— Мама в Сибири умерла. Поехала в командировку к геологам и простудилась. Быстрая какая-то простуда. Врач на вертолёте прилетел, да уж поздно... Алексей Борисович! — Серёжа глянул так, будто очень о чём-то просил. — Это шесть лет назад было. Может, вы встречали маму?

Алексей Борисович покачал головой.

— Нет, малыш. Не хочу я тебя обманывать, не встречал. Я бы запомнил такую фамилию.

— А у мамы другая фамилия — Ласкина.

— Нет, Серёжа. Не знаю... Сибирь громадная. Где это было?

— Где нефть. Под Сургутом.

— В тех краях я бывал. Да разве всех запомнишь? Может быть, и встречались когда-нибудь.

Почти шёпотом Серёжа сказал:

— А у меня карточка есть. Хотите, покажу?

— Покажи, конечно.

Из нагрудного кармана курточки Серёжа достал блокнотик и вынул из него фотографию. Она была размером с карманное зеркальце.

Алексей Борисович положил снимок на ладонь. Посмотрел полминуты и снова покачал головой:

— Нет, Серёжа. Я запомнил бы... Красивая у тебя мама. И молодая совсем.

Серёжа кивнул:

— Двадцать четыре года. Я её хорошо помню, хотя мне всего пять лет было.

— И карточка всегда с тобой?

— Всегда.

Он вложил снимок между страничками и спрятал блокнот в карман.

Морской бой — игра нехитрая, но тоже требует умения. Алексей Борисович один раз уже потерпел полный разгром и теперь слегка нервничал.

— Не понимаю, как ты ухитряешься? По теории вероятности шансы у нас должны быть примерно равные... Слушай, а ты не подсмотрел?

— Да честное пионерское! Просто у меня особый способ... Д — один.

— А, вот тебе и способ! Промазал! Ж — семь.

— Мимо. Е — три.

— Тьфу, чёрт! Угробил канонерку. Бей ещё... Ты что, Серёжа?

А Серёже сразу стало не до канонерок. Он увидел, как на дороге затормозил знакомый лагерный «газик». И от машины к станции шагал по заросшей тропинке сам Тихон Михайлович Совков.

— Ну вот, — тоскливо сказал Серёжа. — Директор приехал.

Алексей Борисович быстро оглянулся.

— Ишь ты, — непонятно сказал он.

Серёжа сидел, сощурившись и сжав губы.

— Начнётся теперь всё снова, — шёпотом сказал он.

— М-да... — неопределённо откликнулся Алексей Борисович.

Серёжа думал, что он заступится, а он «м-да».

Серёжа резко сказал:

— В лагерь я всё равно не поеду.

— Смотри. Это в конце концов твоё дело.

— Не поеду я! — повторил Серёжа.

Алексей Борисович вдруг улыбнулся.

— Ну, а если не поедешь, тогда зачем нервничать? Давай играть дальше. Посмотрим, что будет.

И было вот что.

Начальник лагеря подошёл и остановился, выжидающе глядя на Серёжу.

— В — один, — напряжённым голосом сказал Серёжа.

— Может быть, Каховский, ты обратишь на меня внимание? — спросил Тихон Михайлович.

— Я обратил, — сказал Серёжа. — В — четыре, Алексей Борисович.

— Может, ты хотя бы поздороваешься? — спросил директор.

— Здравствуйте... Мимо, Алексей Борисович. В — шесть...

— Вляпал, — с сожалением сказал Алексей Борисович. — В подводную лодку. Ловко у тебя получается.

— У меня способ. Нащупывание огнём...

— Гражданин, я, кажется, разговариваю с мальчиком, — с достоинством произнёс товарищ Совков. — Я просил бы не мешать.

Алексей Борисович поднял на него добрые свои зеленоватые глаза.

— Разве я мешаю? Бог с вами. Мне показалось, что мальчик сам... э-э... не очень охотно общается с вами.

— Этот мальчик сбежал из лагеря! — возмущённо известил директор. — Вам это известно?

Услышав слово «сбежал», Серёжа шевельнул плечом, но промолчал.

— Мне Серёжа изложил, так сказать, ситуацию, — откликнулся Алексей Борисович. — В общих чертах. Правда, не совсем так, как вы. Он сказал, что не сбежал, а ушёл из лагеря. В соответствии с вашим распоряжением. Кажется, вы не сошлись во взглядах на тайну переписки? Кстати, охраняемую законом.

— При чём здесь закон? Вы что, угрожаете мне?

— Ну что вы, товарищ начальник лагеря! — с мягким упрёком воскликнул Алексей Борисович. — Ну, чем я вам угрожаю, посудите сами? Разве я похож на человека, который может угрожать?

— Тогда почему вы вмешиваетесь? Собственно, кто вы такой?

— Да я и не вмешиваюсь. Я, простите, отвечаю на ваши вопросы. Кто я такой? Серёжин попутчик, вместе ждём, когда поезд придёт... А вообще-то, Тихон Михайлович, я думал, что вы меня не забыли ещё. Мы с вами как-то разбирали один сложный вопрос о выгрузке овощей из вагонов. Помните? По правде говоря, я не думал, что после этой истории вы займёте пост начальника пионерского лагеря. Тем более, что дети чем-то отличаются от овощей.

Серёжа заметил краем глаза, что во время этой речи Тихон Михайлович начал часто мигать и лицо у него порозовело. И кислым голосом директор сказал:

— А, это вы... товарищ корреспондент. Я должен был догадаться. У вас удивительная способность возникать, где не надо.

— Ну, видите ли, тут у нас точки зрения очень разные. Когда вы считаете, что не надо, я как раз думаю, что надо.

Тихон Михайлович тяжело задышал и стал ощупывать карманы, словно искал сигареты.

«А ведь он чего-то боится», — с удовольствием подумал Серёжа.

— Да вы не волнуйтесь, товарищ Совков, — усмехнулся Алексей Борисович. — С Серёжей-то я случайно познакомился. Я в этих краях по другому вопросу оказался. Точ-

нее — по другому письму. Понимаете, какой-то гражданин — не то Сапогов, не то Сачков — написал про председателя здешнего колхоза. Будто председатель этот — сущий жулик. Недлинное письмо, но... выразительное. Кстати, написано на такой же бумаге, как Серёжино. Хорошая бумага. Где вы её для лагеря раздобыли, Тихон Михайлович?

Совков отступил на два шага и вздёрнул подбородок.

— Я вас попросил бы... Кто вам дал право делать намёки и клеить на меня ярлыки? Я не писал никаких писем. У меня с председателем отличные отношения.

— Ну и прекрасно! Тем более, что не подтвердилось письмецо.

— Я не понимаю, зачем вы мне про всё это рассказываете.

— Да просто так. Делюсь своими заботами. Думал, вам интересно. Учитывая вашу любовь к чужим письмам...

— Я попросил бы не вести таких разговоров при детях.

— Прошу прощения. Но ведь «дети»... — он взглянул на Серёжу, — про это всё равно знают.

— Давайте закончим разговор, — сказал Совков со сдержанной обидой. — Я выполняю свои обязанности. Ребёнок самовольно покинул лагерь, и я должен увезти его назад. Почему вы мне препятствуете?

— Я? Препятствую? — Алексей Борисович даже отодвинулся от Серёжи. — Помилуйте, каким образом я препятствую? Ну, увозите, пожалуйста. — Он поймал растерянный Серёжин взгляд и в ответ улыбнулся глазами.

Начальник лагеря перестал обращать внимание на Алексея Борисовича. Он всем корпусом повернулся к Серёже, слегка наклонился и стал говорить настойчиво и в то же время добродушно:

— Ну, вот что, Каховский. Надо заканчивать эту историю, ты и сам понимаешь. Давай, дорогой товарищ, забудем все эти грустные события, сядем в машину — и в лагерь. Нас дела ждут.

— Извините, Тихон Михайлович, я не поеду. Я же сказал, — негромко, но твёрдо проговорил Серёжа. Он не смотрел на Совкова. Разглядывал бумажку с нарисованной эскад-

рой и с нетерпеливой досадой думал: «Когда он наконец уберётся?»

— Видали его! — уже без всякого добродушия воскликнул Совков. — Он «сказал»! Фигура! Ты думаешь, что ты лучше всех? За что ты всех нас возненавидел?

— Кого? — удивился Серёжа.

— Весь лагерь!

— Я никого не возненавидел. Просто мне в лагере не нравится!

— Не нравится сейчас — потом понравится.

— Нет, — тихо сказал Серёжа. — Всё равно хорошо уже не будет... Да ещё и собака. Где она там будет жить?

— При чём тут собака? Я приехал не за собакой, а за тобой. Я не могу забирать в лагерь всех бродячих псов.

— Он не бродячий, а мой. Я его бросить всё равно не смог бы. Раз он мой, я за него отвечаю.

— А я отвечаю за тебя! Понимаешь? За тебя! И я не имею права отпустить тебя из лагеря.

Серёжа досадливо пожал плечами.

— Вы меня и не отпускаете. Я сам уезжаю.

— Вот именно — сам! Самовольно! Ты думаешь, это тебе так сойдёт? Не думай, голубчик. Мы и родителям сообщим, и в школу. Про все твои фокусы. И как собаку натравливал на Станислава Андреевича! За такие дела знаешь что?.. В колонию!

— Я не натравливал! Он меня схватил, а Нок зарычал!

— Эти сказки ты потом будешь рассказывать. Не здесь и не мне. Станислав Андреевич врать не будет, собака бросилась за ним вслед.

— Прошу прощения, — вмешался Алексей Борисович, — но ваш Станислав Андреевич несколько... преувеличивает, так сказать. Я как раз подходил к станции и был свидетелем этой сцены. Собака вела себя вполне интеллигентно... в отличие от Станислава Андреевича.

Совков резко повернулся к нему.

— Я не понимаю, чего вы хотите? Чтобы я отпустил его одного домой? Интересно, что вы сделали бы на моём месте?

— На вашем месте, — с жёсткой усмешкой сказал Алексей Борисович, — я бы помнил, что никто не имеет права читать чужие письма. Помнил бы также, что у детей тоже есть чувство собственного достоинства, которое никому не позволено оскорблять, да ещё публично. И что каждый человек имеет право порвать отношения с тем, кто его оскорбил... Возможно, это не следует говорить «при детях». Возможно, это непедагогично. Прошу извинить... А посоветовать вам я мог бы вот что: раз мальчик категорически отказался жить в лагере, надо назначить ему провожатого — пусть доставит его домой. Странно, что это вам не пришло в голову.

— Если каждый мальчишка начнёт бегать из лагеря, у меня людей для провожанья не хватит. У меня вожатые, а не провожатые.

— Ну, если у вас начнут бегать все мальчишки, значит, в лагере что-то не так... А о провожатом для Серёжи не беспокойтесь, я эту роль могу на себя взять, раз уж так получилось.

— Я не понимаю, зачем вам нужно в конце концов, чтобы он не возвращался в лагерь. Чего вы хотите?

— Да ничего я не хочу, — опять усмехнулся Алексей Борисович. — Просто думал вам услугу оказать, проводить мальчика.

— Знаю я ваши услуги. Они, извините, медвежьи... Каховский, я последний раз спрашиваю, ты поедешь в лагерь?

Серёжа вздохнул и молча покачал головой.

— Ну, прекрасно. Так и запишем. А про вас, товарищ корреспондент, я напишу в редакцию. О вашем поведении. Имейте в виду.

— Буду иметь в виду. Только подписывайтесь разборчиво...

Совков круто повернулся и зашагал к машине, широко размахивая руками. Нок поднял уши и смотрел ему вслед.

Хлопнула дверца машины. «Газик» подпрыгнул и запылил по шоссе.

Серёжа с облегчением сказал:

— Кажется, всё.

— Будем надеяться... Хотя должен сказать, что Тихон Михайлович Совков — человек упрямый.

— Вы его знаете, да?

— Встречались. Не всегда он был начальником лагеря.

— Вот вы сказали... про овощи. Неужели он был жулик? Он овощи воровал, да?

Алексей Борисович засмеялся.

— Да нет, Серёжа, не придумывай. Ничего он не воровал. Всё это гораздо сложнее... Хитрил он, чтобы лишнюю премию получить, а из-за этого дело страдало. Вагоны простаивали, график срывался. Да ну его... Ты что приуныл?

— Я не приуныл. Всё в порядке.

— Тогда продолжим? Бой ещё не закончен.

— Не закончен, — вздохнул Серёжа.

8

Подошло наконец время поезда. На станции появились ещё три пассажира: старичок с белой бородой и пухом вокруг блестящей лысины, румяная старушка с корзиной, в которой кто-то крякал и шевелился, и девочка — крошечная, но резвая — в красном с белыми горошинами платочке.

— Как из сказки, — сказал Серёжа. — Дед, бабка и внучка Маша.

Из-за леса выскочил зелёный поезд. На крыльце показался старик дежурный в красной фуражке и со свёрнутыми флажками — красным и жёлтым.

— Дождались, — сказал Алексей Борисович и поднялся со скамейки.

Поезд зашипел и остановился.

Двери открылись только в двух вагонах. Видно, сходить на этой станции никто не собирался, а для посадки пяти пассажиров достаточно было и двух дверей. Так, наверно, решили проводники.

Дед, бабка и внучка засеменили к ближнему вагону.

— Пойдёмте в другой, — торопливо сказал Серёжа. — А то они сейчас вход закупорят, и мы не успеем.

Он подхватил чемоданчик, потянул за поводок Нока и

вприпрыжку двинулся вдоль вагонов. Алексей Борисович обогнал его и широко зашагал впереди. Он первый вскочил на подножку и крикнул:

— Давай Нока!

Протянул руку, чтобы ухватить ошейник.

Позади возникла юная проводница с круглым неприступным лицом.

— Гражданин, вы куда с собакой?

Алексей Борисович оглянулся.

— Как куда? В вагон, разумеется.

— В вагон нельзя. Вы что, маленький? Правил не знаете?

— У нас билет есть! — крикнул снизу Серёжа.

— Билет ни при чём. Намордника-то нет!

— Да что вы, девушка, — вкрадчиво сказал Алексей Борисович. — Ну зачем ему намордник? Это же ещё совсем щенок.

— А нас не касается, щенок это или нет. Намордники для всех обязательны... Гражданин, кому я сказала! Не смейте втаскивать собаку, я не пущу.

— Ну, что нам делать-то? — взмолился Алексей Борисович. — Не бросать же пса! Сердце-то у вас есть?

— Сердце здесь тоже ни при чём. Если контролёр по вагонам пойдёт, ему до моего сердца дела не будет. Я из-за вас премии лишусь.

— Да пока контролёр пойдёт, мы какой-нибудь намордник сообразим!

— Вот сначала сообразите, а потом садитесь в поезд... Сойдите с подножки, гражданин. Слышите, отправление дали? Или оставьте собаку.

Алексей Борисович взглянул на Серёжу.

— Нет, — шёпотом сказал Серёжа и обхватил Нока за шею.

Алексей Борисович чертыхнулся и спрыгнул на землю. Проводница старательно закрыла дверь. Вагон лязгнул и пошёл, наращивая скорость.

— Фу ты, как глупо вышло. Юная бюрократка... И не придерёшься ведь, инструкцию соблюдает, — сказал вслед вагону Алексей Борисович.

Серёже было очень стыдно. Ну как он не сообразил, что нужен намордник! И Алексей Борисович из-за него остался...

— Вам надо было ехать, — проговорил Серёжа. — Я виноват, вот и сидел бы здесь. А теперь вы из-за меня застряли.

— Ну, брат, что за чепуху ты говоришь, — недовольно произнёс Алексей Борисович.

Серёжа виновато помолчал и спросил:

— А что теперь делать?

— Ну, что делать... Сначала намордник. Потом ещё раз сыграем в морской бой. Через полтора часа, насколько я помню, должен ещё поезд быть... Только вот есть хочется. А? Что за станция, даже завалящийся бутерброд купить негде. Прямо хоть ремень жевать начинай. У тебя кожаный?

Серёжа улыбнулся всё ещё виновато.

— Кожаный. Только его жевать нельзя. Из чего тогда намордник делать?

— А может быть, от моего аппарата возьмём ремешок для намордника? У меня в портфеле фотоаппарат. Жалко, конечно, но... с тебя же штаны свалятся, если ты ремень снимешь.

— Нет, что вы, не надо от аппарата! — даже испугался Серёжа. — Да пусть они свалятся, у меня другие есть. А эти я под мышкой понесу, раз они в чемодан не влазят.

— Попробуем в мой портфель затолкать, — решил Алексей Борисович.

Они вернулись к скамейке. Алексей Борисович забрал у Серёжи ремень, моток проволоки и ножик. Он сказал, что никогда в жизни не делал намордников и хочет попробовать. Подозвал Нока и стал обмерять ему морду. Нок мотал головой и дёргал ушами. Попробовал даже улизнуть, но Алексей Борисович ухватил его за ошейник.

— Стой спокойно ты, беспризорник... Никакой культуры в тебе, никакого воспитания. Вот нацепим намордник, сразу почувствуешь, что такое дисциплина.

Серёжа переоделся, вместо брюк надел синие шорты от пионерской формы, а заодно сменил рубашку, которую по-

мял и перемазал, когда возился с Ноком. В коротких штанах и белой футболке он сделался тоньше и словно повыше ростом. И стал похож немного на того мальчика с жеребёнком. Особенно когда подошёл к Ноку и взял его за шею. Правда, Нок совсем не был похож на изящного жеребёнка.

— Отпусти его, пусть побегает, — сказал Алексей Борисович. — Может быть, он себе что-нибудь съестное отыщет.

Серёжа отпустил. Нок отошёл, но искать ничего не стал, а сел и с укоризной поглядел на Серёжу: «Эх ты, хозяин. Взял, а не кормишь».

Подошёл старичок в красной фуражке, дежурный по станции. Спросил с интересом:

— Что это вы, граждане пассажиры, не уехали? Понравилось, видать, у нас?

— Да вот так получилось. Из-за этого пассажира. — Алексей Борисович кивнул на Нока.

Тот сидел в трёх шагах и чесался с такой силой, что от него разлетался ветер.

— Не пустили без намордника, — объяснил Серёжа.

— Правило такое существует, — сказал старичок сочувственно. — А вообще-то как повезёт. На кого, значит, наткнёшься. Когда пустят, а когда нет... А сейчас, я думаю, для вас, граждане, самый правильный выход — это шагать до тракта да ловить попутку до города. Ежели только вы, конечно, ночевать не расположены.

— Это почему же ночевать? — встревожился Алексей Борисович. — А поезд?

— А какой же поезд, милый ты мой? Сегодня поездов в ту сторону больше не будет.

— Как же не будет? А в шестнадцать двадцать девять? Я же на прошлой неделе ездил на нём.

— Э-э, вон ты про что! Ты это в субботу или в воскресенье ездил. Это точно. Есть такой поезд по выходным дням. Дополнительный, значит, чтобы дачников возить. А сегодня нету.

— Ну, дела-а... — сказал Алексей Борисович, жалобно глядя на Серёжу. — Всё, брат, одно к одному.

— Всё из-за меня, — убитым голосом произнёс Серёжа.

— Нет, Сергей, ты эти речи брось, — тут же воспрянул Алексей Борисович. — Что ты, в самом деле, сразу нос опускаешь... Давай думать. Значит, так: на шоссе нам идти не стоит. Мало надежды. Грузовики нас не возьмут, их за это автоинспекция греет. А в легковую машину нас, такую компанию, тоже никто не пустит.

— Может быть, пешком? — робко предложил Серёжа.

— Шестьдесят-то вёрст! Да на голодное брюхо... Нет, брат, это не та романтика.

— Это верно, — вставил слово дежурный. — Пешком — это не тот фасон. Так что самое вам хорошее дело — сходить в посёлок, в столовую, да остаться ночевать. Ежели негде, то я могу вас у себя устроить, раз уж так случилось. Глядите, в общем... — Он вздохнул и побрёл к домику.

— Спасибо, — сказали ему вслед Серёжа и Алексей Борисович.

Затем Алексей Борисович решительно встал.

— Ночевать нам, Сергей, не годится. Мне вечером надо быть дома. Да и тебе не стоит зря болтаться здесь... Есть один способ. Хватай чемодан, и пошли. Только быстренько!

Он затолкал в карман почти готовый намордник Нока, взял портфель и куртку и, не говоря больше ни слова, зашагал куда-то через кусты, через канаву, прямо в поле.

— Нок, за мной! — крикнул Серёжа. Схватил свой чемоданчик и бросился догонять Алексея Борисовича.

9

Они шагали гуськом по тропинке, которая то и дело терялась в траве. Позади, рассеянно вертя головой, семенил Нок. Под носом у него пролетали жёлтые бабочки, и Нок щёлкал пастью.

Алексей Борисович шёл впереди. Он оборачивался и объяснял на ходу:

— На реке, километрах в полутора отсюда, стоит на приколе баржа. К ней иногда катера швартуются. Если какой-нибудь мимо пойдёт — посигналим. Может, повезёт нам.

Катер, конечно, не экспресс, но в сумерках до города, возможно, доберёмся... Ну, а если не повезёт — что ж, будем считать, что у нас ещё одно приключение.

Слово — удивительная вещь. Если скажешь «неудача», кисло на душе делается. А если скажешь «приключение», то сразу веселее. Серёжа догнал Алексея Борисовича и зашагал рядом — не по тропинке, а прямо сквозь траву.

Травы цвели. Высоко, иногда у самых Серёжиных плеч, качались длинные розово-лиловые свечки иван-чая. Желтел в путанице листьев львиный зев — смешные цветки, похожие на щенячьи мордочки. Чиркали по Серёжиным локтям головки мелких белых соцветий, у которых мало кто знает названия.

Путешественники незаметно перевалили плоский пригорок, и когда Серёжа оглянулся, то уже не увидел станции. Только башенка с петухом торчала среди травы.

Иногда открывались лужайки с тёмно-красными головками клевера. Над клевером неподвижными мохнатыми шариками висели шмели. Неторопливо пролетела очень крупная коричневая бабочка «павлиний глаз». Нок не выдержал, гавкнул и бросился в погоню.

— Не солидно он себя ведёт, — с улыбкой сказал Алексей Борисович.

А Серёжа с беспокойством следил за Ноком: не слопал бы пёс в самом деле такую симпатичную бабочку.

Не слопал, не догнал. И, виновато моргая, вернулся к хозяину.

— Будешь пиратничать — намордник наденем, — пообещал Серёжа.

Нок дурашливо фыркнул и замотал головой. К морде прилипли травинки.

— Смотрите, Алексей Борисович, он траву ел! Говорят, если собака траву ест, значит, дождь будет.

— Да нет, едва ли. Это он просто с голоду. Я и сам готов подорожник жевать. А дождя не должно быть, небо вон какое хорошее.

В небе замерли желтовато-белые груды облаков, которые никогда не закрывают солнца и не грозят ненастьем.

Ветра совсем не было. В прогретом воздухе стоял густой запах луга. Солнце припекало плечи.

— Придём к реке — искупаться можно будет, — мечтательно сказал Серёжа.

Реку ещё не было видно. Она лежала вровень с низкими берегами. Тёмные полоски прибрежных кустов и высокие травы закрывали воду. Лишь изредка пробивался вдали сквозь зелень синевато-стеклянный блеск.

Но вот кусты приблизились, расступились. Сразу же распахнулась перед путешественниками голубая вода с отражёнными облаками. Нок бросился к песчаной полоске, ступил в воду передними лапами и принялся лакать с таким усердием, что внутри у него забулькало.

— Алексей Борисович, я окунусь, можно? — заторопился Серёжа. — Мы с Ноком. На минуточку.

— Подожди-ка, дружище, — быстро сказал Алексей Борисович. Он смотрел вдоль берега. — Постой-ка. Нам, кажется, повезло больше, чем я ожидал. Пошли. Ты видишь?

В сотне метров от них стояла на отмели баржа, а к ней приткнулся бортом крупный катер с белой рубкой и тонкой мачтой.

— Поднажмём, — сказал Алексей Борисович, и они «поднажали».

Нок припустил за ними — по самой кромке воды, с плеском и брызгами.

— Точно, — отдуваясь, произнёс Алексей Борисович, когда различимы стали белые буквы на корме. — «Азимут». Ну, как здорово, честное слово!

По тонкой сходне они поднялись на баржу. Здесь пахло отсыревшей деревянной обшивкой бортов, сухими досками палубы и дёгтем. Нок медленно переступал и повизгивал: нагретые доски обжигали лапы.

— Не ходи босиком, — мельком сказал Алексей Борисович.

Нок обиделся и ушёл в тень высокого кормового люка.

Катер был ниже баржи. Алексей Борисович перегнулся через борт и позвал:

— Эй, на крейсере!

Из рубки выбрался широколицый веснушчатый парень. И заулыбался.

— Володя! — воскликнул Алексей Борисович. — Ну, как я рад! Здравствуй... Серёжа, это капитан Володя. Он прошлой весной снял меня с необитаемого острова, на котором я оказался из-за происков местных браконьеров. Я там почти сутки добросовестно играл роль Робинзона.

— Да вы и сейчас, мне кажется, товарищ Иванов, вроде Робинзона, — смеясь, проговорил Володя. — Хоть на что могу спорить, что до города транспорт ищете. Только не один вы сейчас Робинзон, а с Пятницей. Ага?

— Угадал. Насчёт транспорта. А насчёт Пятницы — это ты зря. Мы с Сергеем равноправные попутчики.

— Да я не к тому... Я про Пятницу вспомнил, потому что сегодня день-то как раз пятница.

— Ну-ну, вы опять путаете, мой капитан. Сегодня четверг.

— Вот уж тут-то я, товарищ Иванов, не путаю, — заупрямился Володя. — Я здесь стою как раз потому, что пятница. Витька, это наш новый моторист, взял на пятницу билеты в цирк на семь вечера, а к семи нам не успеть. Мы на базу, в Решетниково, запчасти отвозили, да там нас променежили. Вот он и побежал звонить в город, девушке своей, чтобы не волновалась. Тут рядом водоразборная станция, а на ней телефон есть...

— Ч-чёрт, — сказал Алексей Борисович. — Как же это я? Неужели пятница? Сергей, что же ты молчал?

— Ну, Алексей Борисович, вы же не спрашивали, какой сегодня день. А разве обязательно надо, чтобы четверг?

— Да в том-то и дело. Я же в студенческом отряде корреспонденцию заказал, чтобы ребята написали про свою работу. Завтра они должны её в редакцию привезти. Договорились, что обязательно завтра. А редакция в субботу не работает... Ах, братцы, старая перечница я стал. Склероз.

— Да что вы, товарищ Иванов, — снисходительно утешил Володя. — Склероза у вас нет. Это у вас, извините уж, просто характер такой. Помните, когда я вас с острова снимал, вы там свою сумку оставили. Пришлось назад повора-

чивать... А я вам вот что посоветую. Вы сходите сейчас на водоразборку да звякните по телефону в колхоз, объясните, как и что.

— А вы подождёте?

— А чего ждать? Это же рядом, шагов триста. Идите вниз по берегу, там деревянный дом да кирпичная будка. Увидите... А, вон Витька идёт! Вить, работает телефон?

— Работает, — буркнул хмурый долговязый Витька. — Лучше бы не работал. Она мне знаешь каких вещей наговорила...

— Ну ничего. Может, ещё успеем. Хотя бы на второе отделение. Только вот товарищ корреспондент сходит в колхоз позвонит, и мы сразу врубим на всю катушку.

— Я бегом, — заторопился Алексей Борисович.

— Да вы не спешите, товарищ, — скучным голосом сказал Витька. Мне лично, по крайней мере, спешить некуда. Раз уж она сказала, чтоб на глаза не показывался, это, значит, на три дня, не меньше.

— Да-а... — сочувственно протянул Алексей Борисович. — Ну, я всё-таки поспешу. Ты, Серёжа, подожди, я мигом. Кажется, кончаются наши приключения... Э, Сергей, да что с тобой?

А Серёжа стоял с опущенными руками и всем своим видом словно говорил:

«Ну, что же делать, если я такой никудышный, неудачливый, несчастный и бестолковый?»

— Что случилось, Серёжа?

— Брюки-то я забыл, — шёпотом сказал он. — Остались на скамейке. На спинке висят.

— Тьфу ты... Да ладно, Сергей. Неужели они тебе так уж нужны? Велики ведь они тебе. И порваны к тому же. Разве что клеймо интересное...

— Да не клеймо... Там же письмо в кармане осталось. Найдёт кто-нибудь, читать будет.

— Досадно. Ну, а, в общем-то, что в нём особенного, в этом письме? Пусть читают.

— А ещё там в кармане карточка. Мамина, — совсем тихо сказал Серёжа.

— М-да...

И больше Алексей Борисович ничего не сказал. А что скажешь?

Серёжа тоже молчал. Он ясно представил, как чужие любопытные пальцы выворачивают карманы, вытряхивают медяки, нащупывают и разворачивают письмо... А потом достают записную книжку, шелестят листками. Падает на скамейку снимок. Ведь никто же не знает, что это его, Серёжина, мама. Это для него мама, а для других — просто незнакомая, чужая женщина. И бросят ненужную карточку в траву...

Серёжа наклонился над бортом баржи.

— Товарищ капитан, — звенящим голосом сказал он Володе. — Я очень быстро сбегаю. Можно, а? Я бегом. Тут же недалеко!

— Да что случилось-то? Товарищ Иванов? — забеспокоился Володя. — Чего это парнишка расстроился?

— Имущество кой-какое забыли на станции, — виновато объяснил Алексей Борисович. — Ну, не везёт как по заказу.

— Да пусть малец сбегает, — сказал моторист Витька. — Это же дело-то пустяковое: туда и обратно километра три, не больше. За полчаса обернётся. А нам теперь и подождать можно, чего уж...

— Подождём, — решил Володя.

— Жми, Сергей, — сказал Алексей Борисович. — Собаку возьмёшь?

— Нет, придержите её, пожалуйста. Один я быстрее...

По правде говоря, он опасался, что вдруг на станции появятся поселковые ребята и предъявят на Нока права. Лучше не рисковать.

Он прыгнул на сходню, на берег, проскочил кусты и помчался так, что трава засвистела у ног.

Алексей Борисович удержал за ошейник встревоженного пса и сказал Володе:

— Славный парнишка... Вот сегодня утром я ещё и не знал, что есть он на свете. А сейчас будто вместе тысячу вёрст прошагали.

— Пацаны — они народ такой. К ним привязываешься, — согласился Володя. — Я прошлым летом две смены вожатым в лагере работал, от райкома комсомола. А потом отказался. Потому что как начинают разъезжаться по домам — будто от сердца отдираешь.

Алексей Борисович кивнул и отвернулся. У него болели глаза: перед этим он смотрел вслед Серёже, а тот убегал в сторону солнца. Чтобы глаза отдохнули от блеска, Алексей Борисович стал смотреть на северный берег. Там были луга, пёстрые домики, синий бор на горизонте, а перед ним — кудрявый берёзовый лес. За тем лесом прятался лагерь, где начальником Совков Тихон Михайлович.

Из леса выскочил серовато-голубой «газик» и запылил по дороге к мосту.

— Однако... — сказал Алексей Борисович. — Володя! Нет ли у тебя бинокля?

10

Ещё издали, с пригорка, Серёжа увидел, что брюки попрежнему висят на спинке скамьи. Осталось пробежать немного, перепрыгнуть заросшую канаву, проскочить кустарник — и вот скамейка.

Он перепрыгнул канаву. Но когда перед ним оказались кусты, оттуда, из засады, вышли четверо.

Это были, конечно, враги. Гутя, Витька Солобоев, Женька Скатов и Пудра.

— Гы... — сказал Пудра. — А вы говорили, уехал. Вот он, вовсе и не уехал даже. Ага.

— Привет, — насмешливо сказал Гутя. Он был, как всегда, красив и аккуратен, даже складочки на шортах отутюжены. Остальные трое были встрёпанные и вспотевшие, а Гутя даже причёску не разлохматил. Он вертел в пальцах одуванчик с пушистой головкой и улыбался.

Серёжа сделал ошибку. Ему бы сразу шарахнуться назад, за канаву, а там ещё посмотрели бы, кто быстрее бегает. Но он решил проскочить строй врагов, схватить со скамейки брюки и потом уже броситься к реке.

Не успел. Сразу шесть липких ладоней ухватили его за голые локти, за кисти рук. Серёжа рванулся, конечно, да толку мало. Его трое держали, и каждый был сильнее Серёжи.

— Не дрыгайся, силы береги, — сказал Гутя. — Ещё до лагеря четыре километра топать, а ты, наверно, не обедал, бедненький.

— Ну, чего пристали?! — отчаянно крикнул Серёжа. — Я что вам сделал?

— Нас из-за тебя на речку не пускают и в лес, — объяснил ему из-за плеча Витька Солобоев. Он дышал Серёже прямо в ухо, и от него пахло грушевым компотом.

— Я-то здесь при чём?

— А говорят, что если отпускать, то все начнут разбегаться, как ты. Ты больно хитрый. Сам — до хаты, а мы сидеть из-за тебя в палатах должны?

— Врёте вы всё, — убеждённо сказал Серёжа. — Вас директор послал.

— Ладно, это не твоё дело, — сказал Гутя. Он один из всех не держал Серёжу. Прохаживался перед ним. Помахивал одуванчиком. А в другой руке у него был маленький газетный свёрток.

— Я в лагерь всё равно не пойду, — убеждённо сказал Серёжа.

— За уши потащим, — пообещал Гутя.

«Ох, ну почему я не взял Нока?» — подумал Серёжа. И сказал:

— Надорвётесь.

— Справимся.

— Вы права не имеете. У меня же вещей нет, они на берегу остались.

— А собака? — спросил Женька Скатов.

— Тоже на берегу! — ответил Серёжа и спохватился: «Не надо было говорить. Если бы думали, что Нок близко, может, испугались бы...»

— Вот и хорошо, — обрадовался Женька. — Дай, Гутя, колбасу, я её вместо собаки съем. А то всё равно Солобоев слопает, ему сегодня добавки не дали...

— Дурак, — сказал Гутя и зашвырнул свёрток в кусты. — Не знаешь, что ли, что в этой колбасе?

— Не знаю, — растерянно отозвался Женька. — Я ещё на кухне откусить хотел. А что?

— Дурак, — опять сказал Гутя.

«Неужели иголку сунули? — подумал Серёжа. — Нок ведь не знает ещё, что у чужих брать нельзя. Нет, хорошо, что он там». И сказал:

— Живодёры.

— За живодёров поимеешь, — пообещал Гутя. — В лагере. Ладно, пошли.

Серёжа опять рванулся.

— Не пойду я! Меня там люди ждут! Катер!

— Гы, адмирал, — сказал Пудра. — Глядите, парни, катер его ждёт...

Остальные загоготали.

— Не волнуйся, деточка, — сказал Гутя. — За тобой в лагерь персональный самолёт пришлют.

— Вы ещё за это ответите, — пообещал Серёжа. — У меня там чемодан. Если вам за меня ничего не будет, за вещи вы всё равно ответите.

На Гутином лице мелькнуло сомнение. Но тут вмешался Пудра:

— А на кой нам твой чемодан? Нам про него ничего не сказали. Может, ты его куда выбросил или запрятал, а мы искать обязаны? Нам не чемодан ведь, а тебя велели в лагерь притащить.

— Негодяи, — сказал Серёжа с закипающей яростью и бесстрашием. — Точно!

— Ну, ты... — медленно произнёс Гутя и пушистой головкой одуванчика ткнул Серёжу в губы. А облетевшим стеблем стегнул его по носу. — За негодяев ты особо получишь, по первому разряду.

Серёжа мотнул головой и сплюнул прилипшие семена.

— Всё равно негодяи, — сказал он. — А кто вы? Хорошие люди, что ли?

— Ладно, тащите его, парни! — скомандовал Гутя.

Серёжу рванули вперёд. Он упёрся пятками, но кожа-

ные подошвы сандалий заскользили по траве. Серёжа постарался зацепиться ногой за куст, но только зря расцарапал кожу.

Ну, почему так устроен человек? И не боится он, и боли особой не чувствует, а только злость и плакать совсем не хочет, а слёзы сами по себе закипают где-то в глубине и грозят вырваться. Они ещё не очень близко были, эти слёзы, но Серёжа уже чувствовал их.

Вырываясь, он сказал сквозь сжатые зубы:

— Зря стараетесь. Ну, притащите в лагерь, а потом что? Всё равно за мной сейчас придут. Алексей Борисович придёт. И собака.

«В самом деле, — думал он, — ведь не уедет же Алексей Борисович. Всё равно искать будет. Только как он догадается, где я? И когда он в лагерь придёт?»

Гутя злорадно объяснил:

— Пусть ищут. С собакой. Там для тебя отдельная комнатка приготовлена в изоляторе. Будешь сидеть, пока маму-папу не вызовут. А потом на линейке коленом под... Ну, в общем, ясное дело.

— Могут и галстук снять, — пыхтя, добавил Солобоев.

— Не, — огорчённо сказал Гутя. — Не снимут. Гортензия говорила, что в лагере нельзя выгонять из пионеров. А то бы запросто.

«Если запрут, могут и не сказать Алексею Борисовичу, что я в лагере. Тогда что?» — подумал Серёжа. И рванулся так яростно, что его чуть не отпустили.

Витька Солобоев сказал, дыша компотом:

— Ну, я так не согласен. Четыре километра его переть. Машина-то небось уехала, а мы вкалывай. Я не лошадь.

— Чичас он сам побежит, — вдруг сообщил Пудра. — Вы его только подержите минуточку, я чичас...

Он отпустил Серёжу (а Витька с Женькой вцепились в него ещё крепче) и побежал к заросшей канаве. Мальчишки ждали. Серёжа видел, как Пудра натянул на ладонь обшлаг рубашки и вырвал длинный, почти метровый стебель крапивы с тёмно-зелёными узкими листьями.

— Гады, четверо на одного, — сказал Серёжа и даже

удивился, что ничуть не боится. И слёзы больше не грозили ему. Была в нём холодная, спокойная злость, только и всего.

А Пудра улыбался большим ехидным ртом, помахивал крапивой и медленно подходил.

— Ну, побежишь? — спросил он.

— Животное, — сказал Серёжа. — Попробуй только ударь.

Пудра сильно размахнулся и стеганул его повыше колен. Серёжа закусил губу, но не двинулся.

— Дураки. Вы меня хоть огнём жгите, я вам подчиняться всё равно не буду.

— Бу-удешь, — протянул Пудра и хлестнул ещё раз.

Неожиданно, то ли из книжки про разведчиков, то ли ещё откуда-то, вспомнились Серёже слова: «Если ударить противника под колено каблуком, можно сразу вывести его из строя...» И он без размаха, коротко, трахнул сандалией Пудру по ноге.

Пудра ойкнул, присел. Свободной ладонью зажал колено. Однако крапиву не выпустил. Глаза у него сузились, и он прошипел:

— Ну, чичас попляшешь... — и размахнулся.

— А ну, кончай, — сказал вдруг Женька Скатов и отпустил Серёжу.

Это было очень неожиданно, и Серёжа пропустил момент. Ему бы рвануться из Витькиных лап — и был бы свободен. А он прозевал, и в следующий миг его руку перехватил Гутя.

— Ты чего? — спросил Гутя у Женьки.

— А ничего, — хмуро бросил Женька. — Мучаете человека. Чего он размахался? — Женька кивнул на Пудру. — Ему бы так...

— Гы, а меня крапива не берёт. Я в неё могу без штанов прыгнуть. На спор, — сказал Пудра.

— Ну и болван, — отрезал Женька. Все вы... Собаку ещё погубить хотели. Она-то при чём?

— А тебе жалко? — с досадой сказал Гутя. — Она бы тебе ноги пообглодала.

— А мне чего их глодать? Я, если б знал, с вами бы не связался... Обождите, я ещё скажу в лагере, как вы его мучили...

Он вдруг повернулся, пролез через кусты и зашагал к дороге.

— Во изменник, — сказал Пудра, всё ещё держась за колено.

— Ему же хуже будет, — сказал Гутя.

— Хуже всех будет вам, — пообещал Серёжа. — Вы ещё вспомните...

— Ой, страшно. Он сейчас маму позовёт, — прохихикал Витька Солобоев.

Серёжа напряг плечи и сжал кулаки — кулаки-то у него были свободны. И Пудра, глядя на него, вдруг проговорил:

— Не-а. Он не маму позовёт. Он всадников своих позовёт чичас... Мюнхавузен. Ну, зови своих всадников! — И, скривив рот, он издевательски проблеял: — Ескадро-о-он!..

Ох, если бы на самом деле были всадники! Всё, что есть у него, отдал бы за это Серёжа! Полжизни отдал бы за минутное чудо, за то, чтобы гневные всадники примчались сейчас для защиты и мести. Чтобы и Гутя, и Витька, и гнусный Пудра затряслись и побелели от ужаса перед непонятной и неожиданной силой. Если бы!

И сильнее боли, сильнее обиды и злости жгучей волной поднялась в нём тоска по чуду, которого не может быть.

Ведь только совсем маленькие дети верят в сказки до конца...

Только очень маленькие дети верят в чудеса. Да ещё старые, много пожившие люди утверждают, что чудеса всё-таки бывают. Редко-редко, но случаются. Но Серёжа-то не был маленьким ребёнком. И старым опытным человеком он тоже не был. Он был просто мальчик и твёрдо знал: на свете не бывает чудес.

И он изумился и вздрогнул почти так же, как его враги, когда в полыхании рыжих грив и с глухим громом под-

ков пятеро кавалеристов вылетели на поляну и встали полукругом.

И самый главный всадник — смуглый, белозубый, в зелёной рубашке и парусиновой будёновке с суконной голубой звездой — негромко сказал:

— Не трро-огать...

И стало тихо-тихо. Только в сбруе у лошади звякнули медные колечки.

* * *

Катер рокотал мотором и разгонял по стеклянной воде длинные волны. Вода и небо были светлыми, несмотря на поздний час. А берега кутались в сумерки.

Мигая цветными огоньками, плавно прокатывались навстречу сухогрузы и буксиры. На них играло радио.

Впереди, там, где не гасли закатные облака, поднимался город: трубы, крыши, башни и узорчатые вышки. Там тоже мигали огоньки, и становилось их всё больше.

— Через полчаса причалим, — сказал Алексей Борисович. — Если больше не будет приключений. Если не сядем на рифы, не нападут пираты и не налетит тайфун.

Они с Серёжей стояли на носу у поручней. Серёжа молчал. Он не откликнулся на шутку. Смотрел перед собой и молчал.

— Сергей, — сказал Алексей Борисович. — Ты меня пугаешь, честное слово. Ты целый час будто в рот воды набрал. Что с тобой?

Серёжа повернул к нему лицо. Оранжевыми весёлыми точками блеснул в его глазах закат.

— Я вспоминаю, — сказал Серёжа. — Вы не смейтесь, Алексей Борисович, ладно? Я вспоминаю. Как они примчались! А говорят, чудес не бывает.

Алексей Борисович взял его за плечо. На Серёжином плече, под ключицей, часто билась горячая жилка.

— Чудеса бывают, — осторожно сказал Алексей Борисович. — Собственно говоря, что такое чудо? Несколько

редких случаев, совпавших друг с другом... Вот, допустим, открою я портфель и скажу: «Раз, два, три! Упади сюда метеорит!» Упадёт?

— Нет, — уверенно сказал Серёжа.

— А вдруг? Ведь они всё-таки падают на Землю. И если так совпадёт, что катер окажется на месте этого падения? И мой портфель тоже?

Серёжа засмеялся.

Алексей Борисович сказал:

— Так получилось. Надо было, чтобы я взглянул на берег и увидел «газик», который вдруг остановился у моста и высадил ребят. Надо было, чтобы рядом оказался телефон. И надо было, чтобы в правление колхоза в тот момент зашёл командир отряда Володя Малахов. Они как раз хотели ехать в Дмитровку, и лошади были осёдланы... Вот и получилось чудо. Это, брат, такие ребята, что лишнее чудо сотворить не откажутся.

— А почему у них форма?

— Все студенческие отряды сейчас форму себе шьют. Каждый свою. Ты разве не видел? А эти ребята всё время с конями, вот и завели будёновки, кто сумел. Красивая форма?

— Ещё бы.

Серёжа закрыл глаза и снова, как в кино, увидел рванувшиеся кусты, вскинутые конские головы, вздыбленного гнедого жеребца на краю поляны, острые шлемы с голубыми кавалерийскими звёздами...

«Не трро-огать!»

А потом крепкие руки, жёсткое седло. Трава, летящая под копытами.

«Не трро-огать!»

Серёжа засмеялся, вцепившись в поручень.

— Как они... Будто атака! Даже я ничего не понял. А те, кто меня ловил! Они, наверно, и сейчас ходят обалделые... Нет, всё равно это чудо, Алексей Борисович.

— Может быть... Но, видишь ли, Серёжа, такие чудеса случаются раз в жизни. Не чаще. И надеяться на них не надо.

— Я понимаю, — тихо сказал Серёжа. — Ну и что же? Мне и одного хватит на всю жизнь.

— Тебе... А другим?

— Другим?

— Да. А как же... Ты сейчас рад, спокоен даже. А кто-то в этот миг зовёт на помощь. Ты думаешь, всадники спешат и туда?

— А что же делать?

— Будь всадником сам. Не обязательно на коне и в шапке со звездой, не в этом главное.

— Я понимаю, — опять сказал Серёжа.

По берегам начинался город: с цветными неоновыми вывесками на магазинах, с яркими вспышками электросварки, с жёлтыми квадратиками окон. С тихой музыкой репродукторов. Мотор заработал тише. Стало слышно, как по-ребячьи сопит на свёрнутом брезенте Нок, слопавший два корабельных ужина.

— Почти приехали, — заметил Алексей Борисович.

Серёжа сказал:

— Всадникам, наверно, тоже приходится нелегко.

— Конечно. А ты испугался?

— Нисколечко. Просто я вспомнил. В прошлом году один тип у нас во дворе хотел кошку повесить. Говорил, что бродячая. А она даже не бродячая была, а просто заблудилась. Мы с ребятами вырвали и убежали. А потом нас все соседи ругали. Говорили: со взрослыми спорить не полагается.

— Ну что ж... Конечно, не полагается. Только разве всегда знаешь, что полагается, а что нет? Мне, наверно, по всем правилам полагалось отправить тебя в лагерь, а не подымать по тревоге кавалеристов. Но ты ждал всадников...

— Вы говорите, что другие ждут тоже.

— Да.

— А как узнать? Как всадник услышит, что его зовут?

— Учись... — откликнулся Алексей Борисович. — Слушай. Смотри.

Катер заглушил мотор и по инерции подходил к пирсу.

Там, под яркой лампочкой, сидел маленький мальчик-рыболов.

— Эй, пацан, ноги береги! — закричал выскочивший на палубу Витя-моторист.

Мальчик вскочил, взметнув длинную удочку.

Стало совсем тихо, только журчала у борта вода.

В этой тишине Серёжа негромко сказал:

— Я постараюсь.

ТАКАЯ БЫЛА ПЛАНЕТА

Дом был совсем новый. Стены в коридоре ещё пахли краской. А перила у лестницы были гладкие-гладкие. И блестящие. Они будто изо всех сил просили, чтобы кто-нибудь по ним прокатился.

Из квартиры на четвёртом этаже вышел мальчик. Дверь за ним захлопнулась. Мальчик оглянулся на дверь, потом посмотрел вниз. На лестнице и на площадках было пусто. Мальчик лёг на перила животом и оттолкнулся пяткой от ступеньки. Но перила его обманули. Они только казались гладкими, а скользить по ним было нельзя. Они прилипли

к животу, и живот чуть не свернулся набок, а рубашка смялась и выбилась из-под широкой поясной резинки. Кроме того, он крепко стукнулся о железные прутья перил ногой.

Но это лишь на секунду огорчило мальчика. Он поболтал ногой, чтобы разогнать боль, рывком сунул под резинку рубашку и запрыгал вниз: пять ступенек на левой ноге, пять — на правой. А потом — бегом через три ступеньки.

Но не думайте, что он был совсем беззаботен. Беспокойство всё-таки шевельнулось в нём, когда он допрыгал до нижней площадки. И прежде чем выйти из подъезда, мальчик быстро и настороженно оглядел двор.

Опасности он не заметил. Солнечный двор был почти пуст. Лишь худой рыжеусый дворник, ещё незнакомый, беспорядочно хлестал из шланга по асфальту, по одинокой, недавно сделанной клумбе и даже по глиняной куче, которую не успели вывезти после окончания стройки.

Пятиэтажный дом был построен в виде буквы «П». Ножки этой буквы соединял узорчатый бетонный забор с воротами. Мальчик зашагал к воротам. Струя из шланга со стремительным шипением пронеслась по асфальту поперёк его пути. Мальчик почувствовал на ногах холодные уколы брызг. Он замедлил шаги, но струя, пропуская его, взметнулась до окон второго этажа.

Мокрая полоса на асфальте отливала синим, с солнечными искрами, блеском. Мальчик с удовольствием прошлёпал по ней, а потом оглянулся. Он любовался следами. Следы тянулись за ним ломаной цепочкой. Чёткие, рубчатые, красивые. Потому что на ногах у мальчика были новенькие кеды с нестёршимися подошвами. Отличные кеды тридцать второго размера, марки «Два мяча», синие с белыми шнурками и отделкой. Мальчик радовался им уже второй день: это была настоящая обувь. Не то что хлипкие сандалеты из красных ремешков, похожие на женские босоножки...

...Следы становились бледнее и бледнее, но мальчик всё ещё шёл, глядя назад, через плечо. Поэтому он увидел свой портрет, когда уже наступил на него.

Это был плохой портрет. Просто издевательский. Его нарисовали мелом на асфальте. Похоже нарисовали. Но на всякий случай сбоку от рисунка было написано: «Вовушка — бедная головушка». А внизу — короче и понятнее: «Вовка — дурак!»

«Ну, вот, — с тоской подумал Вовка, — теперь она уже где-то пронюхала, как меня зовут».

Он остановился над портретом и попробовал сунуть в карманы кулаки. Но это не удалось: накладные кармашки на штанах были мелкие и тесные. Вовка заложил руки за спину, оглянулся и громко сказал:

— Ладно, жаба! Ты мне попадёшься.

Но он знал, что это ерунда. Как бы он сам не попался!

У неё были рыжие дерзкие глаза и почти мальчишечья светловолосая причёска: сзади волосы были подстрижены коротко, а спереди остался длинный чуб. Он часто падал на глаза, и девчонка сердито мотала головой. Наверно, ей это нравилось — так резко и зло отбрасывать назад волосы.

Первый раз Вовка увидел её четыре дня назад. Он вышел во двор, чтобы как следует осмотреть новые места. День был серый и холодный, и казалось, что лето уже не вернётся. А девчонка стояла у ворот в одном платьице и, скрестив руки, смотрела, как зелёный автокран усаживает в широкую яму большой вздрагивающий клён. Белое с разноцветными клетками платье билось на ветру, как оторванный парус. И растрёпанные волосы то взлетали, то падали на лоб девчонки.

Вовка стоял и смотрел на неё. Она его тоже увидела. Сначала взглянула просто так, а потом вдруг вытянула вниз руки, сцепила пальцы, склонила набок голову и состроила удивлённо-жалобную гримасу.

Это она его изобразила!

Вовка был тогда в длинных школьных штанах с просторными карманами. Кулаки в этих карманах помещались отлично. Вовка сунул их поглубже и шагнул вперёд. Он считал, что это выглядит грозно.

Девчонка перестала дразниться, но не двинулась с ме-

ста. Только сжала маленькие острые (наверно, очень твёрдые) кулачки и насмешливо сощурилась.

Она ничего не сказала, но весь её вид говорил: «Ну-ка подойди!»

Вовка не подошёл. Он понял, что, если подойдёт, будет драка. А драться он не любил. Вернее, не умел. Взрослые с удовольствием говорили: «Мягкий характер». Мальчишки про его характер говорили без удовольствия, но колотили Вовку редко: не было интереса. Так он дожил до девяти лет, а драться не научился. Про свой мягкий характер Вовка думал с ненавистью. Но что он мог сделать? Ведь характер — не сандалеты из красных ремешков, его не изорвёшь и не выбросишь раньше срока...

А девчонка вела себя нахально. Каждый день рисовала на асфальте Вовкины портреты. Она изображала его с жалобным лицом, испуганными глазами и уныло повисшими ушами. Уродливо, но похоже. Увидев Вовку, она бросала мел, поднималась и ждала. «Ну, давай, давай, подходи!» — говорили рыжие насмешливые глаза.

Вовка поворачивался и уходил.

Вовка плюнул на рисунок и перешагнул через него. Девчонки не было видно, и он не чувствовал обычной робости. Но настроение, конечно, стало не таким весёлым. И чтобы оно не испортилось совсем, Вовка решил дать клятву. Правда, позавчера и вчера он уже давал себе такие клятвы, но сейчас решил, что эта будет самая твёрдая и самая последняя.

Он широко зашагал к воротам и на ходу проговорил тихо, но решительно:

— Самое честное-расчестное слово, что сразу же надаю ей по шее, как только увижу... — Несколько шагов он сделал молча, а потом добавил: — Если будет ещё рисовать... или дразниться.

Он был уверен, что теперь обязательно выполнит свою клятву. Правда, ему не хотелось выполнять её сейчас. Лучше когда-нибудь потом. Вовка даже чуть не оглянулся с опаской: не появилась ли девчонка! Но тут же решил, что оглядываться не стоит, и отправился дальше, решительно

печатая шаг. От такого печатания выбились наружу белые с зелёными полосками носки, которые Вовка всегда заталкивал в кеды, чтобы не портили вида. Потому что это были какие-то девчоночьи носочки. Вовка нагнулся и стал запихивать их обратно, с глаз долой.

Он стоял теперь в тени клёна. Тень была такая густая, что солнце пробивалось лишь отдельными бликами. Блики были совершенно круглые — большие солнечные чешуйки. Они плясали вокруг Вовки, прыгали по ногам, по ладоням. Вовке даже показалось, что они щекочут его, словно крылья бабочек. И тихо-тихо шелестят. Но он не успел понять, правда это или нет. Большой жёлтый лист отделился от клёна и тихо лёг на Вовкино плечо. Зубцами вниз, как золотой генеральский эполет.

Вовка выпрямился и с благодарностью взглянул на клён. Там было много жёлтых листьев. Наверно, этот клён раньше других деревьев почувствовал, что тепло последних августовских дней обманчиво и лето вот-вот кончится. А может быть, он увядал потому, что его не вовремя и не очень удачно пересадили из старого парка в этот двор. Да и скучно одному на новом месте.

Вовка это знал по себе.

Он хотел сказать клёну что-нибудь хорошее, но не успел. Услышал окрик:

— Вова! Ну что ты копаешься! Иди скорей!

Это сестра. Она распахнула окно и с четвёртого этажа наблюдала за Вовкой.

Вовка снял с плеча лист, подумал и сунул его под рубашку. Бросать его было почему-то жаль.

— Во-ва!

Он шагнул к воротам.

— Подожди!

Вовка остановился. Он понимал, что сестре не очень нужно, чтобы он шёл скорее. Ей другое нужно. Она будет теперь на весь двор выкрикивать советы и наставления, пока в окне напротив не покажется длинный белобрысый парень с утиным носом. Он появится в окне и станет будто просто так оглядывать двор и насвистывать сквозь зубы. Тогда Вов-

кина сестра прокричит последнее наставление, плавно поведёт плечами и скроется в глубине комнаты.

Всё это Вовка отлично знал, и не одобрял он такого поведения. Но молчал.

Сестра была почти в два раза старше и держала его в строгости.

— Нигде не задерживайся! — крикнула она.

— Ладно!

— И не выбирай очень большой! А то будет тяжело нести!

— Не буду!

— И не потеряй сдачу!

Вовка с тоской покосился на окно, в котором должен был появиться его спаситель. Спасителя не было.

— Владимир! Я с тобой разговариваю!

«Разговаривает! Вопит, как репродуктор на стадионе...»

— Не потеряю! — крикнул Вовка и качнулся в сторону ворот.

— Подожди! Осторожней переходи через улицу! Там машины!

Надо же! Машины! А он думал, что слоны и дирижабли!

Парень в окне так и не появился. Значит, у сестры будет скверное настроение.

— Вова! Ты слышишь?!

— Хо! Ро! Шо! — крикнул он и рванулся за ворота.

Вовка пересек мостовую, добежал до угла и свернул в маленький сквер. Там над аллеей сомкнули ветки высокие тополя.

И плясали на песке чешуйки солнца.

Здесь их были тысячи. Они то и дело собирались вместе, но не сливались в расплывчатые пятна, а прыгали друг по другу, резвились, как светло-рыжие котята.

Вовка шагал по ним вприпрыжку, и кленовый лист шевелился под рубашкой, словно маленький зверёк. Скрёб по животу мягкими коготками.

— Тихо ты... — сказал ему Вовка.

Он вышел из сквера, проскакал ещё квартал и остановился у ларька с бело-синим навесом.

Под навесом в деревянной клетке лежали тёмные полосатые арбузы с поросячьими хвостиками. Как спящие кабанята. Сердитая продавщица в синем халате с размаху выхватывала из клетки то одного, то другого кабанёнка и опускала на шаткий прилавок.

Покупатели были придирчивы. Некоторые щёлкали по зелёному лакированному боку, придвигали ухо и слушали: гудит или не гудит? Другие щупали и крутили в пальцах тощие арбузьи хвостики. Третьи не доверяли никаким приметам и требовали сделать разрез. Продавщица ворчала и со свирепым лицом всаживала тонкий сверкающий нож. Вовка каждый раз ждал, что раздастся пронзительный поросячий визг. Продавщица ловко выхватывала из арбуза красную или розовую пирамидку мякоти и начинала крикливо доказывать, что арбуз не обязательно должен быть очень красным и что он и без красноты может быть сладким. Но откусить не давала, и ей не верили.

Чем ближе подходила Вовкина очередь, тем сильнее он беспокоился. Выбирать арбузы по хвостам и по звуку он не умел, а попросить продавщицу сделать вырез ни за что бы не решился.

А ему нужен был очень спелый арбуз. Сам-то Вовка съел бы и незрелый, но сестра любила только хорошие арбузы. Если Вовка купит хороший, настроение у сестры, может быть, улучшится. И, может быть, она вспомнит, что обещала сходить с Вовкой в Планетарий, который открылся в краеведческом музее. Андрюшка Лапин, Вовкин сосед по старой квартире, рассказывал, что там показывают, как крутится Земля и почему бывают затмения. И разные планеты показывают...

И когда подошла очередь, Вовка вытянул над прилавком руку и указал на самый большой арбуз. Самый большой — самый спелый. В этом Вовка был совершенно уверен.

Продавщица с сердитым удивлением уставилась на щуплого мальчишку-покупателя. Перевела взгляд на арбуз. Потом опять на Вовку. Снова на арбуз.

— Этот, что ли? — отрывисто спросила она.

Вовка робко кивнул.

— А кто потащит? Я его за тебя потащу? — поинтересовалась продавщица.

Вовка вспомнил, как помогал Андрюшке втаскивать на балкон велосипед, и сказал:

— Я сам...

— «Сам»! — передразнила она. — Брюхо надорвёшь, а с меня спросят.

«Не продаст», — подумал Вовка и соврал:

— Я близко. Я рядом живу.

— Рядом... — проворчала она, однако с кряхтеньем подняла арбуз и опустила на весы. Весы жалобно дзенькнули.

— Надорвётся пацан, — заговорили в очереди. — Виданное ли дело... Взрослому и то... Куда родители смотрят...

— Если что случится, моё дело маленькое, — заявила продавщица уже не для Вовки, а для других покупателей.

— Ничего не случится, — убедительно сказал Вовка.

Он чуть присел, и продавщица скатила ему арбуз на согнутые руки.

Ух! Вот тут-то Вовка понял, что значит земное притяжение! Просто удивительно, что в первую же секунду он не грохнул арбуз и сам удержался на ногах. Но он не грохнул и удержался. И в первую секунду. И во вторую. И в третью...

Потом он сделал шаг. Ещё. И пошёл.

Он шёл, хотя ему казалось, что руки вот-вот разогнутся или он вместе с арбузом провалится к самому центру планеты.

Прохожие охали и оглядывались на мальчишку с такой тяжеленной ношей. Казалось, что ноги у него в коленках не сгибаются, а переламываются от непосильного груза, как лучинки. И сам он скоро сломается.

Вовка нёс арбуз, откинувшись назад, чтобы часть тяжести перевалить с рук на грудь. Но от этого начинали сползать штаны, потому что резинка была не очень тугая. При-

ходилось их придерживать локтём. Кроме того, Вовка забыл сунуть в карман сдачу и держал её в кулаке. Это было тоже неудобно.

— Подсобить? — спросил высокий парень в железнодорожном кителе.

— М-м... — сказал Вовка. И разозлился на себя за своё упрямство. Ведь было бы здорово, если бы кто-нибудь помог. Но парень удивлённо покачал головой и ушёл.

Вовка двигался мелкими шажками. Носки с зелёными полосками снова выбились наружу, но он этого даже не знал. Он не видел своих ног. И дороги не видел. И многого другого. Арбуз загородил собой полмира. Его громадная круглая верхушка покачивалась перед Вовкиными глазами и отливала малахитовым блеском.

«Только бы добраться до сквера, — думал Вовка. — Пока руки не отломились...»

Только бы добраться до сквера. А там скамейки. Можно отдыхать хоть на каждой. А потом — через дорогу и в подъезд. Правда, там ещё лестница на четвёртый этаж, но ведь на лестнице тоже можно отдыхать... Только бы дотянуть до первой скамейки!

И он дотянул.

Он опустился перед скамейкой на колени и положил руки с арбузом на сиденье, сколоченное из пёстрых реек. Что-то очень острое попало под левую коленку, но Вовка сначала даже не обратил внимания.

— Ух... — тихонько сказал он и несколько секунд не шевелился. Только прижался к арбузу щекой. Арбуз был гладкий и прохладный. Вовка осторожно освободил из-под него ослабевшие руки и встал.

Оказалось, что в колено ему впилась острыми краями пробка от пивной бутылки. Теперь она отвалилась, и на коже остался тонкий красный отпечаток — звёздочка с мелкими зубцами. Вовка поморщился, послюнил палец и потёр колено. Звёздочка не оттёрлась, а колено покраснело.

Вовка сердито пнул пробку. Она подскочила и перевернулась кверху блестящей спинкой. Солнечные чешуйки сра-

зу же запрыгали через неё, выбивая мелкие искры. Тогда Вовка поднял пробку и наклонился над арбузом.

Интересная мысль у него появилась: украсить арбуз узорными отпечатками. Вовка вдавил пробку в твёрдую зелень корки и полюбовался первым оттиском. Потом хотел продолжить своё интересное дело, но услышал шаги и поднял голову.

Шли мальчишки.

Их было двое. Шаги их были медленны, лица непроницаемы, а намерения неясны.

Вовка ощутил тоскливое беспокойство.

А мальчишки приближались.

Каждый был года на три старше и на голову выше Вовки. И, наверно, поэтому они на него даже не смотрели. Они смотрели на арбуз. Конечно, такой необыкновенный арбуз был для них в сто раз интереснее обыкновенного Вовки.

Но это как раз и плохо. Ради такого интереса они могли сделать с арбузом что угодно. Вдруг им захочется узнать, как он выглядит внутри. Или попробовать на вкус. Или просто придёт в голову испытать, громко ли он треснет, если трахнется на землю. А заодно отвесить Вовке по шее «макаронину», чтобы не вздумал зареветь...

Мальчишки были уже в пяти шагах. Особенно опасным Вовке показался один — в синем тренировочном костюме, с тёмным ёжиком волос и чёрными, какими-то хитрыми глазами. У второго были светлые, зачёсанные набок волосы и такая же, как у Вовки, рубашка — белая, с красными поперечными полосками и квадратным воротом. Эта рубашка почему-то слегка успокаивала Вовку. Но всё-таки он ждал мальчишек с большой тревогой.

Они подошли и остановились у скамейки. И всё так же смотрели только на арбуз.

— Вот это шарик! — сказал темноволосый. — Глянь, Захар!

Захар потеребил пуговицу на такой же, как у Вовки, рубашке и медленно ответил:

— Я и так... гляжу. Ничего себе глобус.

Глобус... Вовка представил свой арбуз на чёрной лаки-

рованной подставке с тонкой ножкой и неосторожно хихикнул. Ребята разом глянули на него, и Вовка поспешно сжал губы.

Темноволосый мальчишка спросил:

— Это твой?

— Мой, — сказал Вовка и почему-то вздохнул.

— Сам тащил?

Вовка на всякий случай вздохнул ещё раз:

— Сам...

— Врёшь. — Острые чёрные глаза быстро и недоверчиво ощупали Вовку. В них ему почудились холодные огоньки.

— Честное слово, не вру, — торопливо заговорил он. — Я тащил, тащил... Думал, что лопну. — Он хотел пробудить в мальчишках жалость и отвлечь их от опасных мыслей, если такие мысли у них имелись.

— Силён! — произнёс Захар.

И Вовке показалось, что в голосе его появилось уважение. Но приятель Захара сказал без всякого уважения:

— «Силён»! Он его катил по земле, наверно. Катил?

— Тащил, — тихо, но твёрдо ответил Вовка. — Если бы катил, были бы вмятины. — И он с надеждой посмотрел на Захара.

Тот заступился:

— Шурка, ты чего пристал к человеку? Ему и без тебя тошно. Вон какую планету на себе нёс...

Вот это сказал! Планету! А ведь верно. Вовка вспомнил картинки про космос, которые видел в каком-то журнале. В чёрной мгле там светились туманные пятнистые шары планет. Жёлтые, розовые, голубоватые. А этот зелёный. Ну и что? Всё равно похоже.

Теперь понятно, почему в арбузе такая тяжесть: большая Земля притягивала к себе маленькую зелёную сестру...

А Захар и Шурка уже отвернулись и опять разглядывали арбуз. Будто и в самом деле изучали новое небесное тело. И Вовка слышал непонятные слова:

— По ходу стрелки...

— Период обращения...

— Если полнолуние, тогда наивысшая точка...

— При чём здесь точка?

— Ты чурбан...

Это последнее было уже понятно. Вовка осторожно просунул голову между спорщиками: о чём это они?

Шурка недовольно глянул на Вовку.

— Когда бывают самые большие приливы в океане? Знаешь? Ничего ты не знаешь.

— Наверно, когда шторм, — неуверенно высказался Вовка.

— Он так же, как ты, разбирается, — ехидно сказал Шурка Захару.

Тот хотел ответить, но вдруг посмотрел в конец аллеи и сообщил:

— Приближается мой братец. Чего ему надо?

По аллее бежал маленький мальчишка в большой красной тюбетейке. Он был толстый, и бежать ему было трудно. Он двигался тяжёлыми, неумелыми скачками. Тюбетейка держалась слабо и при каждом скачке подпрыгивала над головой, как крышка над чайником.

— Ну, чего тебе? — с досадой сказал Захар.

— Вот, на... — Толстый брат протянул ему блестящую монету. — Двадцать копеек. Лизка велела кусок мыла купить и сразу домой принести. А потом уже идите куда хочете.

— Не «хочете», а «хотите», — мрачно сказал Захар. — Кто тебя просил нас догонять? Мыло ещё какое-то ей понадобилось...

— Пусть забирает деньги и топает домой, — предложил Шурка. — Скажет, что не догнал нас. Талька, ты понял?

— Правда, Виталий... — просительно сказал Захар.

Но Талька уже отдышался и сделался спокойным и важным.

— Не пойду. Она меня отлупит, — объяснил он и решил, что с этим вопросом покончено. Вытянул из кармана жёлтое, как луна, яблоко и поднёс ко рту. Но не откусил. Увидел арбуз. — Это что? — спросил он.

— Это арбуз, — сдержанно ответил Захар. — По-моему, ты не слепой.

Талька глянул на Вовку.

— А это?

— Это хозяин арбуза, — сказал Шурка.

— Будем есть? — деловито поинтересовался Талька.

— Хозяина или арбуз? — спросил Шурка.

— Хватит вам, — вмешался Захар. — Талька, дай яблоко.

— Зачем?

— Дай сюда яблоко, — железным голосом повторил Захар.

Талька вздохнул и дал.

— Вот теперь смотри, Шурка. Это Луна. — Захар поднял яблоко над арбузом. — Видишь, во время полнолуния она стоит на одной линии с Солнцем, и вся вода в океане начинает притягиваться...

— Затмение получилось, — вдруг сказал Талька и ткнул пальцем в круглую тень яблока на арбузе.

Шурик удивился:

— Смотри-ка, правда!

Вовка тоже удивился. Он сам совсем недавно узнал, как и отчего случаются солнечные затмения, и гордился этим знанием. А толстый Талька, который, наверно, ещё и в школу не ходил, знает про затмения не хуже Вовки.

— Хорошая планета, — серьёзно сказал Талька. — Вот леса. — Он провёл пальцем по тёмно-зелёным полоскам.

— Меридиональные леса, — непонятно сказал Захар.

Талька указал на отпечаток звёздочки:

— А это что?

— Это главный город планеты, — осмелев, объяснил Вовка. Ему понравилась такая игра. Арбуз уже совсем превратился в планету, и она была не чья-нибудь, а Вовкина.

— Хороший город, — сказал Талька.

Захар отдал Тальке яблоко и повернулся к Шурке. Но тот напряжённо смотрел в сторону.

— Ой, полундра, — произнёс он слабым голосом. — Сюда движется Лизавета.

— Батюшки, — басом сказал Талька.

— Смываемся? — спросил Шурка.

Захар вздохнул:

— Поздно.

Стремительно и широко, словно Пётр Первый, по аллее шагала девчонка в спортивных брюках и чёрной блузке. Ростом она была с Захара. Волосы её развевались, а лицо было как у полководца перед атакой.

— Держитесь, мальчики, — шёпотом сказал Захар.

Шурик зябко повёл плечами.

Лизавета остановилась в двух шагах, прищурилась и сказала:

— Н-ну?

Захар, как дошколёнок, шмыгнул носом. Талька вроде бы похудел.

У Шурика сделалось глупое лицо, и он сказал:

— А чего...

— Вы уже сходили в магазин? — с ядовитой улыбкой спросила Лизавета.

— Ладно тебе... — произнёс Захар.

Лизавета не обратила на это внимания. Она стояла, упершись кулаками в бока.

— Где же мыло? — Улыбка Лизаветы сделалась зловещей.

— Не устраивай скандалов при посторонних, — тонким голосом сказал Шурка. — Мы не рысаки, чтобы с такой скоростью бежать.

— Вы не рысаки. Вы ослы, — ласково сказала Лизавета. — Вы бараны. — Голос её стал громче. — Столбы! Чугунные тумбы! Вросли в землю, как пни, а у меня стиральная машина рычит на холостом ходу и вода остывает! Я так и знала, что вы где-нибудь застрянете! Я это вам припомню. Тебе, Серёжка, особенно припомню. — Она в упор уставилась на Захара.

«Почему же Серёжка?» — машинально подумал Вовка. На Лизавету он смотрел с опаской и чувствовал себя неуютно.

— Обеда ты сегодня не увидишь, — пообещала Лизавета Захару. — Так и знай. Будешь голодным сидеть, пока мама не придёт. Тальку накормлю, а тебе — во! — И она показала крепкий кулак.

«Это его сестра. Все сёстры одинаковы», — подумал Вовка. И сказал:

— Они не виноваты. Они помогали мне тащить арбуз.

И как это ему пришло в голову? Зачем? Вовка не знал. Язык будто сам сработал.

Все сразу повернулись к нему, Захар и Шурка уставились с удивлением, Талька заморгал, а Лизавета глянула подозрительно.

— Врёшь, по-моему...

— Я? Я никогда не вру, — с беспримерным нахальством заявил Вовка. — Думаешь, я один тащил такую глыбу? Ну-ка подними!

В чёрных Шуркиных глазах опять заплясали искры.

— Мы, конечно, могли и не тащить, — небрежно сказал он. — Только это было бы свинство. Всё-таки раз человек просит...

Захар смотрел на Вовку с молчаливой благодарностью.

Шурик вдохновенно врал:

— Мы тащили, тащили, а потом решили посоветоваться, кому тащить дальше, а кому бежать в магазин за мылом. А тут как раз Талька и говорит: «У, какая планета!» Мы смотрим: правда, похоже. Ну, начали разглядывать и немножко задержались...

— «Задержались»! — хмуро передразнила Лизавета. Однако было уже видно, что без обеда Захар не останется.

Он тоже это почувствовал. И решил вступить в разговор.

— Понимаешь, мы тут про приливы вспомнили. Помнишь книжку «Тайны океана»? Ну вот. Вспомнили и стали разбирать, будто на глобусе. Это же нам пригодится... А арбуз — совсем как планета.

Лизавета остановилась перед арбузом.

— При-ливы... — медленно сказала она. Лицо её было уже не сердитым.

— Вообще-то на такой планете другие условия, — начал Шурка и замолчал.

Лизавета долго ничего не говорила, только щурилась и внимательно глядела на арбуз. А потом тихонько сказала, будто у самой себя спрашивала:

— А бывают такие планеты? Зелёные?

«Не знаю», — подумал Вовка. И вдруг представил себе сказку. Это было как сон, который он увидел, даже не закрывая глаз: в очень чёрном небе светила яблочная луна и серебристо сверкали звёзды, похожие на жестяные пробки от бутылок; свет их запутывался в тонких, как папиросная бумага, маленьких облаках; и под этой луной, под этими звёздами и облаками медленно поворачивался громадный шар зелёной планеты. Шар с тёмными линиями лесов, блестящими пятнами морей и жёлто-серой пустыней у Северного полюса. По пустыне, звякая бубенцами, тянулся караван зелёных верблюдов, и длинные чёрные тени их торжественно шагали рядом на песке. Погонщики в халатах и тюрбанах салатного цвета медленно качались на горбах и в полудрёме клевали носами, похожими на прыщеватые огурцы. В пустыне не росло ничего, кроме кактусов. Это были зелёные шары и колбасы с длинными колючками. От одного кактуса к другому перебежками крался за караваном светло-зелёный, с тёмными полосками тигр. Колючки царапали его пыльную шкуру, и тигр мяукал жалобно и сердито, как голодный кот.

Пустыня кончалась на берегу океана, где волны, прозрачные и тёмные, как бутылочное стекло, лизали с ворчанием глыбы малахита. Вдали от опасных береговых скал прыгали на волнах пузатые корабли, похожие на выдолбленные половинки громадных арбузов. У кораблей были паруса в светлую и тёмно-зелёную клетку. Отчаянные капитаны, позеленев от натуги, кричали в рупоры непонятные команды. Они плыли открывать неведомые земли.

Эти земли заросли густым тропическим лесом. В чащах орали хриплыми голосами ночные птицы, а на полянах, среди хижин из пальмовых листьев, толпились весёлые охотники — лесные жители. Они спорили: пустить к себе отчаянных морских капитанов или с помощью метких стрел предложить им убраться подальше, в свой океан? Самый старый охотник с бородой, похожей на водоросли, говорил, что пусть убираются. Потому что в прошлом году эти капитаны побывали на Острове Табачного Листа и вели себя там совер-

шенно неприлично: они научили местных попугаев ужасным пиратским песням. Теперь все попугаи острова круглыми сутками вопят в лесах:

Мы бесстрашны, как акулы!
Наша жизнь — сплошные каникулы!

...— А полярная шапка у этой планеты есть? — придирчиво спросила Лизавета.

— А это что? — Шурка ткнул в светлое пятно на арбузьей макушке.

— Это пустыня, — ревниво сказал Вовка.

— Тогда посмотрим на Южном полюсе, — решил Захар. — Взяли.

Они втроём подняли арбуз над головами и стали похожи на скульптуру соседнего фонтана — ребята с большим мячом.

— Тут, наверно, тоже пустыня, — сказала Лизавета. — Жёлтое пятно... Ой!

И случилось непоправимое.

«А он не такой уж спелый», — вот что подумал Вовка в первую секунду. И лишь после этого испугался.

Куски арбуза были розовато-красными. Белые и тёмно-коричневые семечки блестели в них рядами, словно кнопки нового баяна. Ветер заботливо относил в сторону облако пыли, поднявшееся от удара.

— Всё... — сказал Шурка.

Вовка стоял и ничего не говорил. Двигаться и говорить было бесполезно. Большая Земля всё-таки притянула маленькую Зелёную Планету. А когда планеты сталкиваются, обязательно бывает катастрофа. «Что же теперь делать? — думал он. — Что же теперь делать? Что же теперь?..»

— Здорово попадёт? — шёпотом спросил Шурка.

— Наверно... — откликнулся Вовка.

— Такая была планета!.. — тихо сказал Талька.

И вдруг Вовка понял, что не боится. Ему было просто очень жаль арбуза. Не арбуза, а планеты. Жаль зелёной сказки, которая разбилась. А больше всего было жаль, что

вот сейчас эти мальчишки и Лизавета уйдут и он потащится домой один.

Дома ему, конечно, влетит, но не в этом дело. Была сказка, была игра, были ребята, уже немножко знакомые. Было хорошо.

А сейчас стало плохо...

— Такая хорошая была планета, — снова сказал Талька.

— Перестань хныкать! — приказала Лизавета. И спросила у Вовки: — Сколько он стоит?

— Рубль восемьдесят.

— А у нас только двадцать копеек, — уныло сказал Шурка.

Вовка покачал головой.

— Второй покупать нельзя. Всё равно она догадается. По сдаче догадается. Таких больших арбузов больше нет, а если маленький купить, значит, должно денег больше остаться. А у меня мало...

— Кто это «она»? — спросила Лизавета.

— Ну, сестра... Старшая.

— Все сёстры такие, — мрачно сказал Захар.

— Умолкни! — сказала Лизавета.

Вовка вздохнул:

— Лучше уж я так... Объясню.

Лизавета молчала.

— Он ведь сам тащил этот арбуз. Без нас, — сказал Шурка.

Лизавета всё равно молчала.

— Слушайте, Захаровы! — начал Шурка. — Давайте дотащим до его дома все эти куски. Скажем: нарочно разбили, чтобы легче нести было.

«Значит, у них такая фамилия, — подумал Вовка. — Захар — это Серёжка Захаров».

— Понесём! — настаивал Шурка.

— Не городи ерунду, — поморщилась Лизавета.

Вовка понял, что надо что-то сказать.

— Чепуха. Не стоит переживать. — Это получилось у него довольно храбро. Ещё он добавил: — Мне даже лучше: не тащить такую тяжесть.

— Ненормальный! — возмутилась Лизавета. — Неужели бы мы дали тебе одному нести?!

Вовке показалось, будто тёплая волна прошла по нему. И захотелось сделать что-нибудь хорошее для этой грозной девчонки и для этих ребят. Но ничего хорошего он сделать не мог и только сказал:

— Давайте съедим планету. Всё равно уж теперь.

— А правда... — сказал Шурка.

— Справимся? — спросил Серёжа Захаров.

— Справимся, — уверенно ответил Талька.

Это было нелёгкое дело — съесть такой арбуз. Нужно было время. И терпение.

Они впятером сидели на скамейке и по уши вгрызались в мягкие красные куски. Семечки прилипали к щекам и подбородку.

— Ты где живёшь? — спросил Серёжка.

Вовка, не переставая жевать, объяснил.

— Это же рядом с нами, — заметила Лизавета. — Всего через дом.

— Приходи, — сказал Шурка. — Мы в «царя Гороха» играть будем. Умеешь?

— Ну как он может уметь? — вмешался Серёжка. И объяснил: — Мы сами эту игру придумали. Вроде лапты, только с тремя мячиками. Мы тебя на левый край поставим.

Лизавета подняла голову. На ушах, как клипсы, висели прилипшие семечки.

— На левом крае у нас Павлик Сенцов играет, — сказала она. — Куда же его девать?

— А в запасные, — объяснил Шурка. — Он же слабак. Думаешь, он поднял бы такой арбуз?

— Лопнул бы, — откликнулся Серёжка.

Шурка вытер рукавом подбородок, посмотрел на всех по очереди и осторожно спросил:

— А насчёт ПЭС? Сказать? Ведь из-за неё же всё...

— Можно, — решил Серёжка и повернул к Вовке мокрое лицо. — Мы электрическую станцию делаем, которая от морских приливов работает. Ну, пока модель, в ванне. Уже десять дней возимся. Приходи — увидишь...

Вовке стало весело.

— Я приду, — пообещал он. — Обязательно. Сегодня меня, наверно, не выпустят, а завтра приду. А то у нас во дворе даже ребят нет. Только мелкота всякая. Есть ещё одна девчонка, да она какая-то... не поймёшь.

Вовка пошёл во двор и сразу отыскал взглядом своё окно. Он подумал, что, может быть, увидит в окне сестру и та его сразу спросит: «Ты где это бродяжничал столько времени? Где арбуз?» И тогда Вовка отсюда, издалека, объяснил бы ей всё. Издалека такие вещи объяснять гораздо лучше.

Но окно было закрыто и отражало синее блестящее небо.

Вовка тихонько вздохнул. И, наверно, от этого вздоха проснулся и зашелестел клён. Сверху снова сорвался светлый пятипалый лист и снова упал на Вовкино плечо. Как будто дерево хотело утешить мальчика и положило ему на плечо лёгкую ладонь.

— Такая хорошая была планета... — доверительно сказал Вовка клёну.

Тот сочувственно закивал ветвями.

— Ладно, ничего, — сказал Вовка.

Он посмотрел на свой подъезд и тогда увидел девчонку.

Она сидела на корточках недалеко от крыльца и опять что-то рисовала на асфальте. Видимо, новый Вовкин портрет.

Ведь она ничего не знала. Она думала, что Вовка сейчас такой же, как вчера. Такой же, как утром. А он уже понимал, почему бывают приливы и отливы. Он умел устраивать солнечные затмения. Он пережил гибель Зелёной Планеты, и стоило ли после этого думать о глупой девчонке с её дурацкими рисунками.

— Такая была планета... — негромко и с чувством повторил Вовка. Потом он затолкал кулаки в тесные кармашки штанов и зашагал к подъезду.

До девчонки оставалось шагов десять. Тогда она быстро поднялась и повернулась навстречу Вовке. Пальцы опущен-

ных рук сжались в твёрдые кулачки. Глаза тихо сузились и сделались как два тонких золотых полумесяца.

— Только подойди... — негромко сказала она.

Вовка шёл.

Девчонка мотнула головой, убирая со лба длинные пряди.

— Только подойди, — повторила она напружиненным голосом.

Вовка шёл. Кеды «Два мяча» медленно ступали по серому асфальту. Было в этой мягкой неторопливости что-то непонятное и тревожное. Острые кулачки девчонки дрогнули. Глаза стали широкими.

— Подойди только! — сказала она громко и растерянно. И поняла, что он подойдёт. И что лучше ей не ждать, когда он подойдёт.

Она отскочила. Отбежала в сторону. Хотела крикнуть Вовке что-нибудь обидное. Хотела и не смогла. Кончилась её власть. Рухнуло её могущество. Теперь не от неё, а от Вовки зависело то, о чём она потихонечку мечтала: чтобы перестать быть врагами и чтобы вместе рисовать на асфальте не страшных уродов, а удивительных и весёлых зверей.

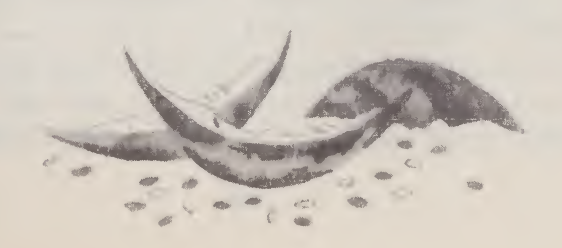
Она смотрела на Вовку удивлённо и грустно. А он прошёл и не взглянул на неё. И растоптал её рисунок.

Она тихонько пошла следом и остановилась в подъезде.

Вовка медленно поднимался по лестнице. Он шёл навстречу неприятностям и невзгодам. Но он не боялся. Он шёл печальный и гордый.

А внизу, прислонившись к косяку, стояла девчонка. Тоже печальная. И слушала, как затихают Вовкины шаги...

Но, наверно, оба они немного притворялись. Чуть-чуть. Грусть их не была такой уж сильной. Потому что пробивались сквозь неё светлые пятнышки, похожие на круглые чешуйки солнца.

ДАЛЁКИЕ ГОРНИСТЫ

Это просто сон. Я расскажу его точно, как видел. Ни до этого раза, ни потом не снились мне такие подробные и яркие сны. Всё помню так отчётливо. Помню, как трогал старые перила в лунном доме и рука ощущала тёплое дерево: волнистые прожилки и крепкие затылочки сучков, отшлифованных многими ладонями. Помню, как пружинили доски деревянного тротуара, когда на них качался Братик. Помню, какой большой и выпуклой была тогда луна...

Я видел, что мне одиннадцать лет и я приехал на каникулы к дяде в Северо-Подольск. Не знаю, есть ли на свете

такой город. Если и есть, то не тот и не такой. А дядя и вправду есть, но живёт он в Тюмени. Впрочем, это неважно, в рассказе он всё равно не участвует.

Сон мой начинался так: будто я проснулся в дядином доме, в пустой деревянной комнате, звонкой, как внутренность гитары. И понял, что пришло хорошее утро.

Утро и в самом деле было славное. Весело ссорились воробьи, и чириканье их громко отдавалось в комнате. Часто вскрикивали автомобили. В большом городе такого не услышишь.

Я и раньше знал, что дядин дом стоит у крепостного холма, но не думал, что так близко. Окно смотрело прямо в заросший откос. Он был щедро усыпан цветами одуванчиков. Неба я не видел, но одуванчики горели так ярко, что было ясно: солнце светит вовсю.

Я машинально потянулся за одеждой. На спинке скрипучего стула оказались старенькие синие шорты и клетчатая рубашка. Я таких у себя не помнил, но было всё равно. Оделся. Заметил, что рубашка чуть маловата и одна пуговица болтается на длинной нитке.

Потом я распахнул окно. Зелёный с жёлтой россыпью откос как бы качнулся мне навстречу. Я встал на подоконник и прыгнул в утро, полное травы и солнца.

Я стал подниматься по холму к развалинам белых башен. Солнце сразу взялось за меня. Даже сквозь рубашку я чувствовал его горячие ладони. Старенькие кеды скользили по траве, и я немного устал. Вытянул руки и лёг лицом в жёлтые одуванчики. Они были мягкие и пушистые. Вы замечали, что у них даже запах какой-то пушистый? Запах летнего утра. Пахло ещё травой и землёй, но этот пушистый запах был сильнее.

Лежал я недолго. Солнце слишком припекало спину, я вскочил и одним броском добрался до остатков крепости.

Только снизу они казались белыми. Здесь камень был

светло-серый, с рыжими подпалинами какого-то лишайника.

Стены почти все были разрушены. Уцелевшими выглядели только две остроконечные шатровые башни. Совсем такие, как рисуют в книжках с русскими сказками. А ещё на холме был высокий собор с заколоченным крест-накрест входом, полуразрушенная часовенка и низкий каменный дом. Тоже пустой.

И тихо-тихо. Ни кузнечиков, ни воробьёв.

Я оглянулся на город. Увидел коричневое железо крыши, тёмную зелень тополей, электричку, бегущую по жёлтой насыпи, два подъёмных крана... Там всё было так, как нужно. А здесь было не так. Я оказался как бы на острове.

У разрушенной стены валялась чугунная пушка с выпуклым двуглавым орлом на чёрной спине. Чугун был тёплый и шероховатый, весь в оспинках. Я поглядел на уснувшую пушку, перелез через камни и вошёл в густую траву. Хорошо помню это ласковое ощущение детства: идёшь по высокой траве, раздвигаешь её коленками и метёлки травы мягко щекочут кожу.

Мне хотелось найти старинную монету или обломок меча, но кругом были трава и камни. Тогда я пошёл к башне. Низко, за травой, темнел полукруглый вход.

Я сделал несколько шагов — пять или шесть, — и ничего не случилось, но, как мягкий толчок, меня остановило предчувствие тайны. Тайны или приключения. Так бывает и во сне, и наяву: возникает ожидание чего-то необычного. Во сне это чувствуешь резче.

Я остановился и стал ждать. И тут появились эти двое.

Впрочем, не было в них ничего странного. Просто двое мальчишек. Пригнувшись, они вынырнули из похожего на туннель входа и пошли мне навстречу.

Одному было лет одиннадцать, как мне, другому поменьше — наверное, лет восемь.

Старшего я не сумею описать точно. Знаю только, что он был темноглазый, тонкоплечий, с тёмной, косо срезанной чёлкой. Черты лица почти забылись, но выражение, сосредоточенное и сдержанно-грустное, я помню очень хорошо. И запомнилась ещё такая мелочь: пуговицы на тёмной ру-

башке шли наискосок, словно через плечо была переброшена тонкая блестящая цепочка.

Потом, когда мы узнали друг друга, я называл его по имени. Имя было короткое и звучное. Я забыл его и не могу придумать теперь ничего похожего. Я буду называть его Валеркой: он похож на одного знакомого Валерку. Но это потом. А сначала он был для меня просто Мальчик, немного непонятный и печальный.

Младшего я помню лучше. Это странно, потому что он был всё время как-то позади, за старшим братом. И не о нём, в общем-то, главная речь. Но я запомнил его до мелочей. Ясноглазый такой, с отросшим светлым чубиком, который на лбу распадался на отдельные прядки. Он был в сильно выцветших вельветовых штанишках с оттопыренными карманами и в светло-зелёной, в мелкую клетку, рубашке. Помятая рубашка смешно разъехалась на животе, и, как василёк, голубел клочок майки.

У него были тёмные от въевшейся пыли коленки и стоптанные сандалии. На левой сандалии спереди разошёлся шов: получилась щель, похожая на полуоткрытый рыбий рот. Из этого «рта» забавно торчала сухая травинка.

На переносице у малыша сидели две или три крапинки-веснушки, а на подбородке темнела длинная царапина. Она была уже старая, распавшаяся на коричневые точки.

Верхняя губа у него была всё время чуть приподнята. Казалось, что малыш хочет что-то спросить и не решается.

Конечно, разглядел я всё это позже, а пока мы сходились в шелестящей высокой траве, молча и выжидательно посматривая друг на друга. Я опять ощутил оторванность от мира. Будто я не в середине города, а в незнакомом пустом поле, и навстречу идут люди неведомой страны. Почти сразу это прошло, но ожидание таинственных событий осталось.

Вдали протяжно затрубил тепловоз. Оба они обернулись. Младший быстро и порывисто, старший как-то нехотя.

— Ничего там нет, — громко сказал Мальчик.

Я подумал, что они говорят про башню, где недавно был.

Видимо, это были «исследователи» вроде меня.

— Что вы ищете? — спросил я.

— Следы, — сказал Мальчик.

Малыш встал на цыпочки и что-то зашептал ему в ухо. Мальчик улыбнулся чуть-чуть и молча взъерошил малышу затылок. Тот смущённо вздохнул и смешно сморщил переносицу. «Братик», — подумал я. И с той минуты всегда звал его про себя Братиком. Может быть, это звучит сентиментально, однако другого имени я ему не найду. Был у Мальчика не просто младший братишка, а именно братик — ласковый и преданный.

Но вернёмся к разговору. Мальчик сказал про следы.

— Чьи следы?

— Времени, — спокойно ответил он.

— Ничего нет, — понимающе сказал я. — Никаких монет, никакого ржавого обрывочка кольчуги не найдёшь. Только пушка. Но её не утащишь для коллекции.

— Пушка — это не то, — сказал он рассеянно. И спросил, как бы спохватившись: — А камней с буквами не видел?

— Нет.

— Значит, никто не знает, где мы, — сказал он почти шёпотом и опустил голову. — Иначе они вырубили бы на камнях какой-нибудь знак. Такой, что не стёрся бы... Хотя бы одно слово.

— Твои знакомые? Туристы? — спросил я с разочарованием, потому что только туристы пишут на старинных камнях.

— Нет, — с короткой усмешкой ответил он. — Тогда туристов не было.

«Когда?» — хотел спросить я, но что-то помешало. Не страх и не смущение, а какая-то догадка. И потом, когда он всё рассказал, я не удивился и поверил сразу.

Мы стояли по колено в траве, и на её верхушках лежала между нами тень жестяного флага-флюгера башни. Я шагнул, разорвал тень коленями и встал рядом с Мальчиком.

— Пойдём, — не то сказал, не то спросил он.

И мы пошли рядом, словно сговорившись, что у нас одна дорога.

Из травы мы выбрались на каменистый пятачок. Там

сидел и щурился рыжий котёнок. Он увидел нас и разинул маленький розовый рот: или зевнул, или сипло мяукнул.

— Ой!.. — радостно сказал Братик. Шагнул было к котёнку, но раздумал и стал шевелить пальцами в разорванной сандалии. Торчащая соломинка задёргалась.

Котёнок припал к камню и задрожал от азарта. Потом он прыгнул на сандалию.

— Пф, — сказал Братик и легонько топнул.

Ух, какой свечкой взвился рыжий охотник! А потом вздыбил спину и боком, боком, боком, на прямых ногах ринулся прыжками в травяные джунгли.

— Ой! — уже встревоженно воскликнул Братик. И помчался следом.

И мы тоже.

Котёнка мы не нашли, но было так здорово бежать по травке под горячим солнцем! Мы промчались через весь холм и остановились у противоположного откоса. Глинистая крутая тропинка сбегала среди одуванчиков к городу. Братик раскинул руки и помчался, поднимая подошвами дымки рыжей пыли. Мальчик молниеносно и как-то встревоженно бросился за ним. И я помчался!

Цветы одуванчиков сливались в жёлтые полосы. Синий воздух шумно рвался у щёк, свистел в ногах. Город летел ко мне, и я летел к нему навстречу.

Впрочем, внизу я полетел по-настоящему — запнулся за кирпич. Левое колено попало на щебень. Ещё не открывая глаз, я знал, что кожа содрана до крови. Тоже ощущение детства, хотя и не очень ласковое. Конечно, хотелось зареветь, но пришлось сдержаться. Я открыл глаза.

Мальчик лежал рядом. Ничком. Над ним встревоженно склонился Братик. Резкий страх поднял меня на ноги. Я тряхнул Мальчика за плечо.

— Что с тобой?

Он приподнял голову и посмотрел так, словно хотел увидеть не меня, не эту улицу, а что-то совсем другое.

— Ничего, — устало сказал он и встал. — Всё то же.

Я занялся своей раной. На колене багровел кровоподтёк.

Из длинных чёрных царапин щедро выкатывались алые горошинки крови.

— Приложи подорожник, и всё пройдёт, — негромко, со знанием дела посоветовал Братик.

Я кивнул и, хромая, отправился искать подорожник. И не знаю, как оказался в незнакомом переулке. Темнели с двух сторон массивные старинные ворота, лежала тень, и сами по себе скрипели деревянные тротуары.

Стало грустно, что вдруг потерялись новые друзья. Чувствовал я, что встреча была не случайной.

Я стал искать. Менялись улицы, наклонялись навстречу дома. Пружинили под ногами тротуары, и качались травы. Солнце уходило за купол старинного крепостного собора.

Наконец я увидел Мальчика и Братика. Они стояли у массивных ворот бревенчатого дома. Дом был похож на деревянную крепость.

Мальчик стоял, прислонившись к столбу калитки, а Братик лениво качался на прогнувшейся доске тротуара.

— Куда вы исчезли? — обрадованно сказал я. — Бегаю, ищу...

— Никуда, — равнодушно сказал Мальчик.

— Пойдём наверх.

— Нет.

— Почему?

— Не знаю.

— Ну... разве здесь лучше?

— Не знаю... — опять сказал он. — Не пойму. Здесь всё какое-то ненастоящее. Будто всё только кажется. — Он пошатал доску забора, словно проверял: может быть, и она не настоящая.

Я не удивился, только стало обидно.

— А я? — спросил я с неожиданной горечью. — Значит, и я не настоящий. Ну, посмотри... — Я протянул ему ладонь.

Он подумал, взял меня за рукав. Потом его узкая ладонь охватила мою кисть.

— Ты? Ты настоящий! — сказал он как-то светло и радостно.

И я понял, что он мне нужен, что я хочу такого друга. Помню, что с этого момента я стал звать его по имени. А Братик смотрел на нас молча и покачивался на доске.

Над крышами зеленел край холма, и острые башни с флюгерами белели, как декорации к сказке.

Глядя на башни, Валерка сказал:

— Мы жили здесь... Вернее, здесь, но... не так. Крепость была целая, и башни новые. И люди там жили... А кругом поля. И такая высокая трава. Она при луне как серебро.

— Когда это было? — спросил я, и стало немного страшно.

Он вздохнул и, как бы делая трудный шаг, тихо ответил:

— Ну... наверное, пятьсот лет.

— Да, — неожиданно подтвердил Братик.

Как будто холодная волна прошла между нами. Словно все эти пятьсот лет дохнули ветром, чтобы развеять нас в стороны. Я торопливо шагнул ближе к Валерке.

— Слушай... А может быть... это тебе только приснилось?

Он не обиделся и не ответил. Только головой покачал. Потом сказал:

— Это здесь как во сне... если бы не ты.

И было так хорошо, что он сказал: «Если бы не ты». Значит, он тоже хотел, чтобы я был. С ним!

Но это время... Пятьсот лет!

— Как же ты... Ну, как вы попали сюда?

— Я расскажу. Потом, ладно?

Мы помолчали.

— А как вы живёте, у кого?

Валерка небрежно оглянулся на дом.

— Не знаю. Мне всё равно. Какие-то старики... Вот он знает, наверное... — И Валерка посмотрел на Братика.

Тот молчал и понимающе слушал нас. Видимо, он знал. Кажется, он вообще знал больше брата.

— А... — начал я и вдруг замолчал, устыдившись пустых слов. Отчётливо и на всю глубину вдруг почувствовал,

какая же тоска должна быть у этого мальчишки. Как ему хочется домой, где новые белые башни и лунная трава у крепостных стен.

— И никак нельзя вернуться?

Он медленно поднял глаза на меня и пожал плечами.

И тогда опять на цыпочки встал Братик. Он что-то сказал ему. Валерка слушал недоверчиво, но внимательно. Потом произнёс вполголоса:

— Да ну... сказка.

Братик зашептал опять. Валерка виновато взглянул на меня.

— Он говорит, что, если найти очень старый дом... со старинными часами...

— Ну?

— И перевести часы назад...

— На пятьсот лет? — спросил я у Братика.

— Да, — шёпотом сказал он.

— И тогда что?

— Тогда, наверное, порвётся цепь...

— Какая цепь?

— Не знаю...

— А откуда ты всё это взял?

— Не знаю... — Он чуть не плакал, оттого что не знает.

Валерка ласково взял его за плечо.

Я сказал:

— Рядом с нами есть очень старый дом. Он заколочен.

— А часы?

— Надо посмотреть.

Но я уже был уверен, что часы там есть.

События нарастали, и время ускоряло бег.

Я помню пустой солнечный двор старого дома. Крыльцо с витыми столбиками, потрескавшиеся узоры на карнизах, галерею с перилами. Окна и дверь были забиты досками. Мы подошли к окну.

— Надо оторвать доски, — сказал я.

— А если увидят? — засомневался Валерка.

— Всё равно, лучше сейчас оторвать. Если сейчас увидят, скажем: просто так, поиграть хотели. А если ночью заметят, решат, что воры...

— Давайте, — согласился он.

И тут пришёл страх. Непонятный и тяжёлый. Это бывает лишь во сне: кругом пусто и солнечно, а страшно так, что хочется бежать без оглядки. Но если побежишь, ноги откажут и случится что-то жуткое.

Я не побежал. Тугим, почти физическим усилием я скрутил страх и взялся за край доски. Валерка — за другой. С отвратительным кряканьем выползали ржавые гвозди.

Освободив окно, мы пошатали раму, и створки мягко разошлись. В доме стоял зелёный полумрак, пробитый пыльным солнечным лучом.

Часов мы не увидели, но из глубины доносилось тяжёлое металлическое тиканье.

Страх медленно проходил.

— Лезем, — прошептал я.

— Надо в полночь, — возразил Валерка.

— Конечно! — сказал я с неожиданной досадой. — Ну конечно! Все такие дела обязательно делаются в полночь... Чушь какая-то!

— Да не обязательно, — откликнулся он виновато. — Но стрелки можно вертеть, пока бьют часы. Вертеть надо очень долго, а в полночь часы бьют дольше всего.

На это нечего было возразить.

Мы закрыли окно.

— Слышишь? — вдруг спросил Валерка.

— Что?

— Труба играет. Далеко-далеко.

Я не слышал. И сказал:

— Наверное, электричка трубит.

— Да? — неуверенно проговорил он.

А Братик посмотрел на меня осуждающе.

И тут наступил вечер.

Мы снова поднялись на холм, к развалинам стены, и сели на пушку. Она ещё не остыла от дневного солнца. От стены тоже веяло дневным теплом, но воздух посвежел. Резко

пахло остывающими травами. Последние краски дня перемешались с вечерней синевой. И встала круглая луна. Очень большая и какая-то медная.

— Луна была такая же, — вдруг тихо сказал Братик.

Я не видел его, потому что между нами сидел Валерка. Я наклонился и посмотрел на Братика. Мне показалось, что он плачет, но он просто сидел, упершись лбом в колени. И теребил траву. Потом он резко поднял голову.

— Опять, — напряжённо сказал Валерка. — Слышишь?

Я прислушался и на этот раз действительно услыхал, как играют горнисты. Далеко-далеко. Пять медленных и печальных нот перекатывались в тишине. Вернее, где-то позади этой тишины, за горизонтом уснувших звуков. «Та-а-та-та-а-а-та...»

— Ну и что? — неуверенно спросил я. — Кругом много лагерей. Отбой играют. Что такого?

— Наверное... — согласился Валерка. — Только... разве это отбой?

— Это зовущий сигнал, — спокойно и уверенно сказал Братик. — Ты не помнишь?

Валерка не ответил.

Сигнал, печальный и незнакомый, звучал во мне и всё повторялся. Как-то сами собой подобрались к нему слова: «Спать не ложи-и-те-есь... Ждёт вас доро-о-о-о-ога-а...»

Что им не спалось, горнистам?

— Я был трубачом, — вдруг сказал Валерка, не глядя на меня. — Ну... я обещал рассказать. Я был трубачом и дежурил на левой угловой башне... Всегда... И в тот вечер тоже. Они взяли крепость в кольцо, а у нас не хватало стрел. Они жгли костры, и всадники Данаты скакали у самого рва...

— Кто такой Даната? Князь? Или вождь?

— Начальник арила, — сказал Валерка.

И я больше не стал спрашивать.

— И Даната послал Ассана, своего брата и друга, будто для переговоров. Ассан поднял шлем на копьё, и мы, когда увидели его без шлема, опустили мост. Мы не знали... Он въехал на мост и перерубил канат; мост уже нельзя было поднять. Даната с конниками ворвался в ворота. А следом

вошли тяжёлые меченосцы. И полезли на стены, на галереи. На башни...

— Ты был без оружия?

— Вот у него, — Валерка посмотрел на Братика, — был маленький лук. Ну, игрушка. Даже кожаный щит пробить было нельзя. А меченосцы пришли в панцирях... Они, наверное, не тронули бы нас, но я заиграл, чтобы у дальних стен построились для рукопашного боя. Тогда меченосец замахнулся на меня. Я закрылся от меча трубой, отступил на карниз. А мы были вместе... — Он неожиданно притянул Братика за плечо, и тот послушно прижался к старшему брату. — Я отступил, — сказал Валерка, — и толкнул его нечаянно. Он упал в ров. Тут уж я про всё забыл, обернулся, чтобы посмотреть, испугался. А он даже не ушибся: было невысоко и трава густая. Стоит внизу и на меня смотрит. Я обрадовался, а меня вдруг как толкнёт что-то. Я упал... и вот здесь... Если бы ты знал, — тихо сказал он. — Ходишь, ходишь по этой траве... Думаешь, может... может, хоть камушек знакомый попадётся. А ничего нет... И как там кончился бой?

Я молчал.

— У меня даже трубы не осталось, — вздохнул Валерка.

Наяву я, конечно, бросился бы в тёмную пропасть догадок: кто он, откуда? Не было здесь никакого Данаты с тяжёлыми меченосцами. С какой планеты эти двое мальчишек, из какой Атлантиды? Уж чего-чего, а фантастики я начитался и умел размышлять о таинственных ветрах пространства и времени.

Но там, на крепостном холме, я думал совсем о другом. Я с возрастающей грустью думал, что скоро он уйдёт. Мне очень нужен был друг, но Валерка собирался уйти, и Братик тоже.

Из жерла пушки не торопясь вылез котёнок. Было ещё не совсем темно, и я разглядел, что это наш знакомый — рыжик.

Он опять сипло мяукнул, выгнул спину и начал мягко тереться о мою ногу.

— Смотри, — сказал я Братику.

Он тихонько обрадовался, подхватил котёнка на колени, и тот заурчал негромко, будто наш электросчётчик в коридоре.

— Пойдём искупаемся, — сказал Валерка. — До двенадцати далеко.

Я встал. Я тоже любил купаться в сумерках. Мы гуськом спустились к маленькому пруду.

Вечер темнел. Был он не синий, не сиреневый, а какой-то коричневатый. Бывают такие вечера. Жёлтый шар луны повис в тёплом воздухе и отражался в воде расплывчатым блином. Высокие кусты окружили пруд, закрыв огоньки и тёмные силуэты крыши. Пахло чуть-чуть болотом и горьковатой корой деревьев.

Мы ступили на дощатый мостик.

— Раздевайся, — сказал Валерка Братику.

— Нет. Он тогда убежит... — Братик покачал у груди котёнка. Потом он стряхнул сандалии и сел, опустив ноги в воду. — Ух, какая тёплая...

Мы с Валеркой разделись. Я сразу скользнул с мостика — осторожно, чтобы не испугать плеском тишину. Вода и в самом деле была словно кипячёная. Дно оказалось илистым, но не очень вязким. Я пяткой попал на бугорок из увядших водорослей. Оттуда, рванувшись, побежала вверх по ноге щекочущая цепочка воздушных пузырьков.

Я присел на корточки, распрямился у самого дна и поплыл под водой, раздвигая редкие камышинки. Потом открыл глаза и глянул вверх. Луна просвечивала, как большой желток. Я вылез на мостик, дождался Валерку. Мы молчали. Оделись и пошли к старому дому...

Вечер превратился в ночь. Небо стало тёмно-зелёным, а луна почти белой.

Я боялся только одного: вдруг появится опять непонятный тягучий страх. Но страха не было. Тёмный дом под луной казался таинственным, но не опасным.

Мы раскрыли окно. Я скользнул в него первым. Пол был ниже земли, и, когда я прыгнул внутрь, подоконник оказался выше моей головы. Я принял на руки Братика. Он сразу прижался ко мне.

— Боишься? — удивился я.

— Немножко, — шёпотом сказал он.

Спустился Валерка. Половицы дружелюбно скрипнули.

Мы были в широком коридоре, вдоль которого посередине зачем-то тянулись точёные перила. На горбатом полу раскинулись зелёные лунные квадраты. От них было светло.

Скользя ладонью по перилам, я пошёл к открытой двери, из которой доносился стук часов. Был он громкий, словно в металлический ковшик роняли железные шарики. Братик обогнал меня, он уже перестал бояться.

Мы вошли в квадратную комнату и сразу увидели часы. Они были очень старые и громадные, ростом со взрослого мужчину. Стояли они на полу — такой узкий застеклённый шкаф с резными деревянными рыцарями по бокам дверцы. Рыцари были ростом с Братика. Они стояли, положив руки в боевых перчатках на перекладины мечей. Я почему-то подумал о меченосцах Данаты.

Высоко вверху за стеклом дверцы мерцал фарфоровый круг с чёрными трещинами и медными римскими цифрами. Узорные стрелки показывали без двух минут двенадцать. Внизу тяжело ходил маятник, похожий на медную сковородку.

— Ну, давай берись за стрелки, — сказал я. — Пора.

Валерка с досадой пожал плечами.

— Да не могу я. Ну... нельзя нам. Ничего не выйдет. Это ты один можешь. Понимаешь?

Я кивнул и, покосившись на рыцарей, потянул дверцу. Она отошла, и стук часов стал ещё громче. Я поднялся на цыпочки и прикоснулся к большой стрелке. Она была холодная, как сосулька. Внутри часов нарастало скрежетание. Мы напряжённо замерли. Скрежетание исчезло, и мягко, негромко толкнулся первый удар.

— Верти! — тонко крикнул Братик.

Я завертел стрелку так, что она расплылась в прозрачный круг, на котором вспыхнули лунные искры. Часы удивлённо промолчали, потом ударили ещё два раза. И тут я с отчётливой тоской понял, что мы расстаёмся. Валерка и Братик исчезнут сейчас, и я останусь в этом пустом лунном

одиночестве. Мы даже не успеем ничего сказать друг другу.

Я так не мог!

Рука слегка задержала стрелку.

— Ну, что ты? — не сердито, а как-то жалобно крикнул Валерка. — Крути! Боишься?

Я подумал, что теперь всю жизнь он будет считать меня предателем. И снова нажал на стрелку. Но тут пришла спасительная мысль.

— Бесполезно, — сказал я, устало обернувшись. — Потому что не успеть. Ну смотри: один круг — это один час. В сутках двадцать четыре часа. В году триста шестьдесят пять суток. А за пятьсот лет? Это больше четырёх миллионов оборотов!

Наяву я ни за что бы не сосчитал так быстро: арифметику всегда еле тянул на тройку...

Часы ударили последний раз, и навалилась тишина.

Валерка и Братик были рядом, но я не радовался. Им было грустно, и я чувствовал себя виноватым. Надо было всё же вертеть стрелки до конца. Всегда надо вертеть до конца.

— Тогда пусть возьмёт меч, — вполголоса, но настойчиво сказал Братик.

— Какой меч? — спросил я.

— Он не тяжёлый, — торопливо сказал Братик. — Только им надо убить железного змея. Это он держит нас в плену.

— Сможешь? — нерешительно и с надеждой спросил Валерка.

Начиналась совсем уже сказка. А у сказки свои правила. Я знал, что смогу. Убью железного змея, и всё будет хорошо. Для Валерки и для Братика. А для меня?

— Только этот меч на старом кладбище, — виновато сказал Валерка.

— Подумаешь...

— Тогда пойдём?

— Пойдём.

Мне очень не хотелось идти. Я ни капельки не боялся ночного кладбища, но опять стало тоскливо. Сказка разво-

рачивалась по своим законам, и я знал: скоро надо расставаться с Валеркой.

Можно было бы не ходить, придумать что-нибудь, отказаться. Я чувствовал, что он даже не обидится. Но я шёл, потому что ни во сне, ни наяву дружбу не завоюешь предательством.

Лунные улицы были совсем не похожи на дневные. Афишные тумбы напоминали маленькие терема. От них падали очень чёрные тени. На углу, где раньше стоял киоск, возвышалась трансформаторная будка, очень странная: на громадном разлапистом пне — бревенчатая кособокая избушка. От неё тянулись провода. С пня прыгнул на асфальт крошечный гном с электрическим фонариком и юркнул в подворотню. Я не удивился.

Мы вышли на освещённое луной место. Кругом были травянистые холмики и серые продолговатые камни, похожие на обломки бетонных панелей. На камнях темнели буквы. Торчало несколько кривых крестов. Один крест — очень маленький, но на длинной ножке — ярко блестел.

И вдруг я понял: это воткнутый в холмик меч с крестообразной рукоятью.

Валерка с Братиком остановились. Я шагнул к мечу. Витая рукоятка с перекладиной была на уровне моих плеч. Я ухватил её двумя руками и потянул. Клинок легко-легко вышел из земли. На лезвии не осталось ни крошки чернозёма. Лунный свет буквально стекал по сверкающему лезвию. Казалось, он начнёт падать с острия тяжёлыми каплями.

Меч был удобный — рукоятка увесистая, а клинок лёгкий. Крути над головой как хочешь. Я взмахнул им и...

Земля ушла из-под ног, словно пол рванувшегося автобуса. Пространство сдвинулось, перекосилось... И мы опять оказались в старом доме.

Шкаф из-под часов стоял на прежнем месте, но циферблата и маятника не было. Вместо них блестел за стеклом дверцы мой меч.

— Теперь бери смело, — сказал Валерка.

— Бери, — сказал Братик.

И я взял, хотя сердце бухало, как колокол.

— Ну, где ваш змей?

— Пойдём, — как-то скованно отозвался Валерка.

Я его понимал: ему было неловко, что не он идёт на поединок. Но ведь он был не виноват, что у этой сказки такие законы.

Снова мы пошли по ночному городу. По краям улицы стояли тёмные деревья. Идти было грустно.

— Знаешь что... — сказал Валерка.

Я знал. Он хотел сказать, что остался бы, но не может. Обязательно ему надо туда, где не закончена битва, где он оставил свою трубу.

— Понимаю... — сказал я и посмотрел на Братика. Вот Братик, пожалуй, остался бы. Если с Валеркой. Потому что ему важно одно: чтобы рядом был старший брат.

Улица становилась всё темнее, превращалась в глухую аллею. Стволы и ветки смыкались, заслоняя лунный свет. А мы шли и шли.

А потом за поворотом ударили по глазам лучи, и мы увидели, что уже утро, почти день.

Мы стояли на большом пустыре, поросшем чахлой полынью. В полыни валялся белый конский череп. Костлявый старик таскал за собой на верёвке костлявую козу: искал, где трава получше. На нас он посмотрел со злобой и опаской.

На краю пустыря желтел глинистый бугор с чёрной норой, похожей на подземный ход.

— Смотрите, — звонко сказал Братик. Из чёрной дыры выбиралось на свет смешное железное чудовище. Этакий громыхающий Змей Горыныч. Туловище было похоже на ржавую цистерну с наростами из помятых рыцарских панцирей и кирас. Сзади волочился членистый хвост из металлических бочек, дырявых вёдер и бидонов. Между ними я заметил несколько сломанных набедренников и налокотников от старинных лат. Скрежетали крылья из кровельных листов и автомобильных дверок. Голова щёлкала челюстями, как медвежьим капканом. Вместо глаз у неё блестели треснувшие фары.

Я с любопытством следил за этой живой грудой металлолома. Она вдруг перестала грохотать, бесшумно поднялась в воздух и понеслась на меня с нарастающим реактивным свистом.

Без страха, даже без всякой тревоги я поднял навстречу сверкающий меч. Он прошёл сквозь железную рухлядь, как сквозь бумагу. И тут же вокруг меня стали падать друг на друга гремящие обломки. Последним упало к моей ноге автомобильное колесо.

— Вот и всё, — сказал я.

— Вот и всё, — повторил Валерка.

Сухо пахло пылью и полынью.

Валерка и Братик стояли рядом. Они были рядом со мной, но уже как бы за стеклянной стенкой. Они думали не обо мне. Смотрели мимо, за горизонт.

«Может быть, останутся всё-таки?» — подумал я, но вслух не спросил. Знал, что не останутся, и было горько.

Что-то пушистое задело мою ногу. На автомобильном колесе сидел и зевал рыжий котёнок. А я забыл о нём! Я взял котёнка на руки, и он, конечно, опять заурчал. Валерка и Братик смотрели на меня молча.

— Как же вы попадёте домой? — спросил я.

— А, теперь это всё равно как. Пустяки, — с какой-то преувеличенной бодростью откликнулся Валерка. Он уложил поровнее на земле дверцу от самосвала, пристроил к ней железную стойку, а на неё прицепил автомобильный руль. — Вот и машина, —сказал он. — Это ведь неважно... Пора.

Он и Братик встали на дверцу. Я понял, что сейчас они уйдут совсем. Было нечего сказать на прощание. Вернее, незачем было говорить.

Валерка смотрел на меня виновато.

Братик вдруг встал на цыпочки и зашептал ему на ухо. Валерка неловко улыбнулся:

— Он спрашивает, можно ли взять с собой котёнка.

— Конечно! — торопливо воскликнул я.

Невидимая стеклянная стенка на несколько секунд растаяла. Братик прыгнул с дверцы, подошёл и торопливо

взял в ладошки нашего рыжего найдёныша. Тот даже не перестал урчать.

— Спасибо, — одними губами сказал Братик.

Потом они опять встали рядом, и «машина», приподнявшись над землёй, заскользила к горизонту. И сразу стала таять...

— Может быть, ещё вернутся? — сказал я себе вполголоса.

— Зачем? — скрипуче спросил подошедший старик.

Я промолчал.

— Хулиганство одно на уме, — проворчал он.

У меня скребло в горле: не то от слёз, не то от полыни. И болела рука. На тыльной стороне ладони алел глубокий порез. Видно, царапнуло обломком железного змея.

«Приложи подорожник, и всё пройдёт...» — вспомнил я. И пошёл искать подорожник. Но его не было. За пустырём началась густая трава. Я брёл по ней, и пушистые метёлки ласково трогали колени. Я слизывал с руки капельки крови. Сон угасал, как гаснет киноэкран, когда на кадрах бывает затемнение.

Я просыпался, будто проваливаясь в светлую щель. В окно било яркое утро. Однако сон ещё держал меня в мягких ладонях. Я машинально поднёс к губам руку, чтобы слизнуть кровь. Но пореза не было, боль быстро проходила....

Во дворе хлопала калитка и деловито орал соседский петух. Я вскочил, оделся и стал жужжать электробритвой.

И тут пришёл Володька, с которым два дня назад мы сильно поссорились. Он был сам виноват тогда, но обиделся и ушёл со слезинками на ресницах. Ушёл, не сказав ничего, не ответив на оклик. Так уходят, чтобы совсем уж не возвращаться. И мне было очень горько, что он не придёт, не будет, сидя в кресле, листать мои книги, не будет «давить клопов» на моей пишущей машинке и рассказывать о своих приключениях. И я хотел даже найти Володьку, чтобы помириться, хотя и не был виноват. Но не помирился. Не потому, что я взрослый, а он маленький. Просто он уехал к своему деду на другой конец города.

И вот он пришёл. Вернее, прибежал. Коричневый, в белой маечке, натянутой на мокрое тело, с влажными волосами. Лёгкий и тонконогий, как оленёнок.

— Здравствуй, — сказал он. — Ты дома? Пойдём купаться! Знаешь, какая тёплая вода! Ну, пойдём... Да?

Он говорил, пританцовывая на пороге, и смотрел весёлыми влажными глазами. И только в глубине этих глаз была виноватинка: «Ты не вспомнишь обиду?»

А обиды у меня не было. Была только радость, что он вернулся.

И мы, конечно, пошли купаться на пруд, к плотине, где уже собрались все мальчишки с нашей улицы. По краям тропинки цвела белая кашка, отчаянно звенели кузнечики, а в небе стояли жёлтые кучевые облака, похожие на дирижабли.

Володька прыгал впереди и порой оглядывался. Виноватинки в глазах ещё не совсем исчезли.

Я улыбался ему и вспоминал сон. Хороший сон про возвращение в детство. Про то, как грустно бывает расставаться с другом, но тут уж ничего не поделаешь. Раз у него страна, где не доиграна битва и где он оставил свою трубу.

А может быть, он всё-таки вернулся бы?

Я тоже порой ухожу в далёкую страну, где живёт мой друг Алька Головкин из четвёртого «А», и пружинит под ногами тротуар, и сосновые кораблики с клетчатыми парусами плывут к дальним архипелагам. Там сколько хочешь можно ходить по колено в траве, запускать с крыши бумажного змея и воевать с пиратами. Там всегда выходишь победителем из поединка со злом, потому что нет оружия сильнее, чем деревянная шпага.

Но ведь я возвращаюсь. К Володьке. Ко всем.

Конечно, если бы сделать, чтобы никакие ветры, никакие годы не разделяли друзей! Если бы время не отнимало у человека детство... А может быть, это можно сделать?
Если очень постараться?

— Если постараться, всего добьёшься. Да, Володька? — спросил я.

— Нет, — сказал он, даже не обернувшись. — Не всего.
— Почему?
— Нипочему. Не всего, вот и всё.
— Например? — начал я раздражаться.
— Например, попробуй загнать муху в мыльный пузырь, и чтобы он не лопнул.
Я обиделся, но он даже не заметил. Потом я перестал обижаться, и мы купались, пока не перемёрзли до крупной дрожи. Тогда мы пошли домой.
Я насвистывал сигнал, который запомнился мне во сне: «Та-а-та-та-та...»
— Это ты «исполнение» свистишь? — вдруг спросил Володька.
— Что?
— Ну, сигнал. Я же знаю. Я два раза в лагере горнистом был. Это сигнал «Все исполняйте».
И он просвистел так же, как я, пять протяжных нот.
— Выдумываешь всё, — проворчал я.
— Пойдём напрямик, через парк, — сказал Володя.
— А куда ты идёшь? Вон где ворота!
Он вздохнул, удивляясь моей недогадливости. Отодвинул в заборе доску и показал: лезь.
По ту сторону забора, на опрокинутой мусорной урне, сидел рыжий котёнок с удивительно знакомой мордой.
— Что-то знакомая личность, — сказал я.
— Это же Митька. Мы его в беседке нашли. Кормим по очереди. А он привык и за нами бегает, за всеми ребятами... Ну, опять сбежал из дома, разбойник!
Митька беззвучно мяукнул.
Володька сгрёб его и сунул под майку.
— Сиди тихо.
Я свернул на дорожку, но Володька сказал:
— Куда ты? Пойдём прямо.
Он дал мне ладошку и повёл через высокую траву и кусты шиповника.
— И как ты ухитряешься не исцарапаться? — спросил я.
— Пфе, — сказал он. И шлёпнул по животу, чтобы рыжий разбойник Митька сидел спокойно.

СТАРЫЙ ДОМ

Этот случай принёс много неприятностей товарищу Кычикову. Товарищ Кычиков был домоуправляющим. Неприятности у него бывали и раньше. В подъездах терялись мусорные вёдра и веники. Однажды потерялся дворник дядя Митя, но потом нашёлся. Пропали доски, привезённые для ремонта, и не нашлись (тоже была неприятность). Но чтобы исчез целый дом!.. Тем более, что в нём имелся жилец, не уплативший вовремя за квартиру.

Товарищ Кычиков не верил своим глазам. И другие товарищи сначала тоже не верили. Но хочешь верь, хо-

чешь нет, а на углу улиц Садовой и Холодильной до сих пор пустое место. Летом оно зарастает одуванчиком, а зимой там ребятишки из детского сада номер двадцать восемь лепят снежных баб.

Дом был небольшой. Старый и деревянный. Двухэтажный. Жили в нём разные люди: монтёр Веточкин, который всем чинил электроплитки и любил играть в домино; фотограф, по фамилии Кит, который фотографировал только на работе, а дома — никогда; очень застенчивый музыкант Соловейкин, который играл на трубе. Жила Аделаида Фёдоровна — женщина, считавшая, что её все обижают. Жил Вовка — обыкновенный третьеклассник. Ещё обитал в доме ничей котёнок с удивительным именем — Акулич. И, кроме того, в квартире номер шесть проживал Пётр Иванович. Днём он работал в конторе, а по вечерам писал жалобы. На всех по очереди. На монтёра Веточкина — за то, что он чинит электроплитки, а телевизоры чинить не умеет. На музыканта Соловейкина — за то, что однажды он солнечным майским утром заиграл дома на трубе. На Вовку — за то, что он не поздоровался на лестнице. На Акулича — за то, что он ничей. На товарища Кычикова — за то, что он допускает все эти безобразия.

Ответы на жалобы иногда приходили с опозданием. Тогда Пётр Иванович писал жалобы на тех, кто задерживает ответы.

У старого дома был свой характер. Одних жильцов дом любил, других — не очень. Иногда он бывал в хорошем настроении, весело хлопал дверьми, празднично звякал стёклами, посвистывал всеми щелями и даже в самые тёмные углы пускал солнечных зайчиков, за которыми охотился Акулич. Иногда дом сердился или скучал. Ступени сварливо скрипели, углы с кряхтеньем оседали, с потолков сыпались чешуйки мела.

Но не думайте, что дом был ворчлив и страдал болезнями. Грустил он редко, ревматизма у него не было, и он не боялся сырой погоды.

О том, что у дома есть характер, знали только Вовка и Акулич. Но Акулич никому про это не рассказывал, потому что не умел говорить. А Вовка не рассказывал потому что некому было. О таких важных вещах говорят лишь самым надёжным друзьям, которые всё понимают. Но Вовкин друг Сеня Крабиков уехал. Насовсем. В город, который лежит у Очень Синего Моря. Иногда получается в жизни так неправильно: живут два хороших друга, а потом вдруг один уезжает. Далеко-далеко. А второй остаётся. И обоим грустно. Ведь не так легко найти нового хорошего друга. А если и найдёшь, он не заменит старого.

Летом в доме появился новый жилец. Капитан Самого Дальнего Плавания, который вышел на пенсию. Это был настоящий Старый Капитан. Как все старые капитаны, он курил большую трубку, скучал по морю и носил куртку с блестящими пуговицами и нашивками.

Он поселился в квартире номер пять у своей взрослой дочери. Дочь говорила, что очень рада. Она и в самом деле была рада. Но Капитан громко кашлял по ночам, и была у него привычка тяжело ходить из угла в угол. А со своей комнатой Капитан сделал что-то непонятное. Он развесил по стенам бело-синие морские карты и фотографии больших пароходов. Напротив двери он прибил портрет бородатого хмурого человека. А в углу у шкафа... Нет, вы только подумайте! Старый Капитан укрепил там на стене корабельный штурвал. А рядом поставил тумбочку с морским компáсом. Компас был величиной с кастрюлю и назывался «компас». Тумбочку Капитан сколотил сам. Называлась она «нактоуз».

В компасе не было видно стрелки. Вместо неё качалась на игле круглая шкала с маленькими цифрами и большими буквами: «N, O, W, S». Шкала называлась «картушка». Учтите: не «катушка» и не «картошка», а «картушка». Сверху, по краю компаса, лежало широкое медное кольцо, а под ним — на белой внутренней стенке компаса — была черта. Курсовая черта. Раньше, когда компас находился на судне, черта смотрела вперёд. Туда же, куда был устремлён нос корабля. А картушка всегда смотрела буквой N на север (под ней всё-таки были спрятаны магнитные стрелки). Когда

корабль поворачивал, курсовая черта поворачивалась тоже и скользила над числами картушки. А потом останавливалась и показывала курс: куда плывёт корабль...

Дом — не пароход и не фрегат. Он стоит на месте. И поэтому черта, уткнувшись в стену, застыла на одном курсе: двести тридцать пять градусов. Это было немножко грустно...

Конечно, Вовка быстро подружился со Старым Капитаном. Они оба любили сквозняки, фильмы про море, серьёзные разговоры и приключения. Оба не любили рано ложиться спать, книжки, где только одна любовь, манную кашу и Аделаиду Фёдоровну.

По вечерам Вовка часто приходил к Старому Капитану. Он крутил штурвал, смотрел на компас и слушал Истории. Их рассказывал Капитан. Истории были разные: про извержение нового вулкана на острове Тристан д'Акунья, про Арктику, про ручного пингвина Сёмку, про плавания по Дуге Большого Круга, про Сингапур, тайфуны и последнего пиратского капитана Питера Гринхауза, который потом исправился и жил на маяке вдвоём с собакой по имени Ахтер-Буба. Дом тоже слушал Истории. Он впитывал их щелями высохших брёвен вместе с дымом капитанского табака.

Иногда приходил Акулич. Капитан давал ему сардельку. Акулич хватал её поперёк туловища, уволакивал под нактоуз и там урчал от аппетита. Это урчание напоминало отдалённый шум судовых машин.

Однажды, во время Истории про голубого кита и подводную лодку, поднялся за окнами ветер. Это был августовский ветер — предвестник осенних ветров. Хлопали ставни. Звякали стёкла. Дом скрипел и шевелился. В квартире Петра Ивановича распахнулась форточка, и порыв ветра унёс со стола все жалобы, написанные за этот вечер. В квартире музыканта Соловейкина сама собой тихонько заиграла труба. Замигали лампочки. Акулич притих под нактоузом. А картушка в компасе, покачавшись, вдруг медленно пошла вправо, и курсовая черта сползла на два градуса к югу.

— Мы поворачиваем, — сказал Вовка.

— Ну и дела, — сказал Старый Капитан. — А может быть, это Акулич сдвинул нактоуз?

— Не сдвигал он, — сказал Вовка. — И я не двигал.

— Не мог же повернуться дом, — сказал Капитан.

— Лишь бы не узнал товарищ Кычиков, — задумчиво сказал Вовка.

...Дочь Старого Капитана купила телевизор. Она долго вздыхала и жаловалась, что его некуда поставить. Вот когда этажерка стояла в том углу, где сейчас штурвал, в квартире было просторнее и уютнее...

Капитан послушал её речи, подымил трубкой и подарил Вовке штурвал и компас с нактоузом.

У Вовки дома был свой угол. В нём Вовка играл солдатиками, мастерил подъёмный кран и писал письма Сене Крабикову. Сюда же Вовку ставили за всякие провинности: просто другого свободного угла в квартире не было.

Вовка прикрепил штурвал и поставил нактоуз.

— Ну вот, — сказала мама. — Теперь стояние в углу превратится для него в сплошное удовольствие.

— Не превратится, — успокоил отец. — Такие игры быстро надоедают.

Угол был на том же месте, что и в комнате Капитана. Только не на втором этаже, а на первом. Картушка покачалась и застыла. Курсовая черта снова замерла над делением двести тридцать пять градусов. Вернее, уже двести тридцать два. А ещё точнее — двести тридцать два с половиной.

Вовка любил разглядывать стены в комнате Старого Капитана. Любил морские карты, совсем не похожие на те, что в учебниках, любил фотографии пароходов. Любил даже большого крючконосого идола, которого Капитан привёз из Африки. И только портрет бородатого человека не нравился Вовке.

Лицо бородатого человека было неприветливым. Одну щеку от глаза до губы пересекал шрам. Человек смотрел на Вовку (а может быть, мимо Вовки) угрюмо и неодобрительно. И Вовка прятал глаза.

Один раз он спросил:
— Это кто? Писатель?
— Нет, что ты, — сказал Старый Капитан.
— А кто? Путешественник?
— Путешественник? Да, пожалуй...
— Знаменитый?
— Ну, нет... Пожалуй, не знаменитый.
— Нисколько?
— Наверно, нисколько. Но какая разница? — сказал Старый Капитан.
— Если не знаменитый, тогда зачем он здесь? — сумрачно спросил Вовка. — Такой некрасивый и сердитый...
Старый Капитан удивлённо взглянул на Вовку. Потом долго смотрел на портрет.
— Нет, — сказал он уверенно. — Неправда. Это мой Лучший Друг. Лучшие друзья не бывают сердитые и некрасивые.
Тогда Вовка поднял глаза и тоже стал смотреть на портрет.
А дома Вовка вырвал из тетради листок и достал цветные карандаши. Он не умел хорошо рисовать, но сейчас посидел с закрытыми глазами и всё как следует вспомнил.
Вовка нарисовал жёлтые как пшеница волосы и коричневые глаза. Потом нарисовал большой смеющийся рот и немножко оттопыренные уши. И получился портрет Сени Крабикова. Вовка взял четыре кнопки и приколол портрет в углу над штурвалом.
И, наверно, Вовка задел нактоуз. Потому что картушка качнулась, и курсовая черта перешла ещё на два градуса к зюйду.

Стоял очень тёплый сентябрь. И деревья были ещё зелёные, и цвели в канавах мелкие аптечные ромашки. Только синий цвет неба стал чище и плотней, чем летом. И в этой синеве пролетали иногда над городской окраиной неровные треугольники гусиных стай. Это молодые птицы учились искусству полёта перед трудным и дальним путём.

Щурясь от солнца, Капитан и Вовка смотрели из окошка на птиц. Старый Капитан достал из ящика стола стопку разноцветных флагов и сказал:

— Хорошо им, молодым. Но первый рейс — всегда нелёгкий. Давай поднимем для них морской сигнал «Счастливого пути».

Вовка подпрыгнул:

— Давайте!

Из форточки они забросили на антенну телевизора бельевую верёвку. И на этой верёвке подняли над крышей флаги:

один — синий с белым прямоугольником посередине;

второй — красный с жёлтыми косыми полосками;

третий — с квадратами, как на шахматной доске: два белых и два красных.

Солнечный ветер подхватил флаги, и они захлопали как большие крылья.

Но через полчаса к Старому Капитану постучал товарищ Кычиков.

— Я, конечно, извиняюсь, — сказал он. — Здравствуйте. Вы только поймите меня правильно. Мне лично всё равно, висят эти флаги или нет. Но с начальством получатся неприятности. Нет у нас в домоуправлении такого порядка, чтобы, значит, морские флаги. Без особого распоряжения...

— Ну, нет так нет, — вздохнул Старый Капитан. — Ничего не поделаешь.

— Вы только поймите меня правильно, — снова сказал товарищ Кычиков. — Неприятности...

Потом он спускался по лестнице, и дом сердито гудел и потрескивал. Он был, видимо, недоволен.

— Ничего, — сказал Вовка, чтобы утешить Капитана. — Птицы всё равно уже видели сигнал. Это факт.

Они хотели снять флаги. Но конец верёвки выскользнул из форточки и качался на ветру. Нельзя было до него дотянуться.

Вовка выскочил во двор. Его, конечно, не волновало, что у товарища Кычикова могут быть неприятности. Но он не хотел, чтобы неприятности были у Старого Капитана.

По шаткой приставной лестнице Вовка забрался на крышу. Это было страшно. Крыша оказалась очень высокой и очень крутой. И ветер здесь гудел сильнее, чем внизу. Но Вовка вёл себя смело. Он всё же добрался до антенны и снял флаги, хотя два раза чуть не покатился кубарем и ободрал о ржавое железо оба колена.

Прежде чем спуститься, Вовка посмотрел на горизонт. Горизонт был дымчато-синим, словно там стояло туманное море.

Старый Капитан сначала рассердился на Вовку: ведь тот мог свалиться и сломать шею. Но потом он сказал, что Вовка — молодец.

Капитан забинтовал Вовке колени и подарил за смелость старинный морской бинокль с медными ободками у стёкол.

Вы представляете, как был счастлив Вовка!

Прежде всего он ещё раз слазил на крышу и осмотрел весь горизонт. Правда, моря он не увидел, но настроение от этого не испортилось. Весь вечер Вовка не выпускал бинокль из ладоней. Он рассматривал ближние дома и улицы. Разглядывал в бинокль прохожих... Смотрел на себя сквозь него в зеркало. И даже котлету в тарелке пытался рассмотреть таким же способом.

А потом Вовка открыл в бинокле одно свойство: если смотреть в него наоборот, всё близкое кажется далёким. Комната превращается в длинный коридор, потолок убегает на звёздную высоту, а котёнок Акулич делается крошечным, как муха.

А когда Вовка смотрел на свои ноги, они становились тонкими и такими длинными, что бинты на коленях казались белыми точками. А тротуар казался просто ниточкой.

Попробуйте пройтись по такой ниточке на таких высоченных ногах! Вовка вышел за калитку и попробовал. Его сразу зашатало, как неумелого канатоходца. Но зато было интересно.

Жаль только, что Вовка смотрел в бинокль и, кроме ног, ничего не видел. Именно поэтому он стукнул головой Аделаиду Фёдоровну, которая возвращалась с работы.

Представляете, что тут было?

Аделаида Фёдоровна сказала, что она всегда считала Вовку невоспитанным ребёнком, но не думала, что он решится на такое хулиганство.

Конечно, она пошла к Вовкиным родителям и наябедничала. Она сказала, что это сверхвозмутительно, когда дети как сумасшедшие кидаются на больных людей и чуть не ломают им рёбра.

И родители велели Вовке идти и как следует просить прощения.

Вовка уставился в пол и сказал:

— Не пойду. Я уже один раз сказал «простите», когда стукнулся. А она ещё ябедничает...

— Я вот покажу тебе «не пойду»! — сказал отец.

— Будешь стоять в углу, пока не извинишься, — сказала мама.

— Ну и пожалуйста, — сказал Вовка. И начал стоять в углу.

Он не смотрел телевизор. Не ужинал. Не читал книжку «Водители фрегатов». Он стоял, прижимаясь лбом к тёплому дереву штурвала, и вспоминал, как полоскались на ветру флаги.

А наверху кашлял и шагал из угла в угол Старый Капитан. Может быть, он огорчался, что Вовка не зашёл к нему в этот вечер. А может быть, просто сильно тосковал о море.

— Ну, довольно, — не выдержала мама. — Отправляйся спать. А завтра извинишься перед Аделаидой Фёдоровной.

— Не извинюсь, — сказал Вовка.

— Будешь стоять всю ночь, — пригрозил отец.

— Буду.

— Ну и стой!

Конечно, родители думали так: захочет Вовка спать и всё равно отправится в постель.

Но Вовка не отправился. У него появилась гордость. Ведь он был уже немного капитаном: он умел обращаться с компасом, держал в руках настоящий штурвал и поднимал на ветер морские флаги.

Когда был выключен свет и наступила тишина, Вовка

зажёг лампочку нактоуза и осветил картушку. Она вела себя неспокойно.

Вовка взял в ладони рукоятки штурвала.

Сеня Крабиков смотрел на Вовку с портрета.

— Очень хочу к тебе, — сказал Вовка.

Сеня Крабиков улыбался.

За окнами нарастал ветер.

Вовка сел на пол, прислонился к нактоузу и уткнулся лбом в забинтованные колени.

Он уснул.

И все в доме уснули.

Спал Пётр Иванович, и ему снилось, что на все его жалобы пришёл Положительный Ответ.

Спал Старый Капитан. Ему снилось, что на шведском судне «Викинг» загорелись тюки с джутовым волокном и надо спешить на помощь.

Музыкант Соловейкин видел, будто он выступает с концертом в пионерском лагере, и улыбался.

Аделаиде Фёдоровне снилась всякая неразбериха.

А Вовке?

Вовка видел, будто в светлую луговую речку зашёл с дальнего моря громадный пароход. У него был высокий чёрный корпус, блестящие иллюминаторы, многоэтажные белые надстройки и жёлтые мачты. Пароход заполнил собой речку от берега до берега. Он двигался медленно и бесшумно, и его борта нависали над солнечными травами. Крупные ромашки ласково касались бортов лепестками.

А дом не спал. Он ждал, когда с ночной прогулки явится Акулич.

Акулич явился.

Больше ждать было нечего.

Дом уже ничего не скрывал и не таился.

Он приподнял со скрипом один угол, потом другой, медленно повернулся. Звякнув, лопнули провода. Теперь ни одна нитка не держала дом на месте. Он качнулся, двинулся вперёд, расшатывая кирпичи фундамента. А потом пе-

рестал вздрагивать и бесшумно, как в немом фильме, поднялся в воздух...

Зачем он это сделал?

Ну, во-первых, он любил Вовку. Любил Старого Капитана. А во-вторых, его построили из брёвен, которые были когда-то прямыми и высокими соснами. Их называют корабельными. Эти сосны мечтали стать мачтами барков и бригантин. Потом, улёгшись в сруб, они задремали и забыли о мечтах. Старый Капитан разбудил их своими Историями...

А может быть, дело в другом. Говорят, что, если в доме появляются штурвал и компас, дом понемногу становится кораблём. Его тихо разворачивает курсовой чертой к зюйду — в ту сторону, где тёплые моря и Ревущие Сороковые Широты. И неизвестно, чем это кончится, если не вмешается домоуправление.

Итак, дом поднялся и полетел на юг. Он летел под самыми облаками, среди которых мчалась круглая белая луна. Лунные пятна проскальзывали в щели и прыгали по морде Акулича, который спал в коридоре. Акулич дёргал ушами.

А внизу по тёмным травам стремительно скользила большая квадратная тень...

Вовка проснулся от непонятного ощущения. Ему показалось, что за ночь комната сделалась шире и выше. Её заполнял удивительный синий свет, пересыпанный солнечными бликами. За стенами нарастал и откатывался незнакомый и в то же время очень знакомый рокот.

Вовка подбежал к окну.

Изумлёнными синими глазами он смотрел на Очень Синее Море, которое катило на песок волны. Волны были с шипучими белыми гребешками. Их гнал к берегу Утренний Ветер.

Вовка чуть-чуть не заплакал, засмеялся и, распахнув створки, прыгнул навстречу.

Распластанная по песку волна сейчас же залила его сандалии и добралась почти до колен. У ног завертелся цара-

пающий вихрь мелких камушков и песчинок. Убегая, волна мягко потянула Вовку за собой, но тут накатила другая.

Вода была тёплая и упругая, а ветер прохладный и плотный, но очень добрый. Он поставил торчком отросший Вовкин чубчик, вытащил из-за пояса и надул парусом его рубашку. Вовка повернул к ветру ладони. Они покрылись брызгами, похожими на стеклянную пыль.

Над морем косо расчерчивали воздух чайки. Они удивлённо кричали. Конечно, они удивлялись не Вовке: мало ли мальчишек бродит по берегу. Чайкам было непонятно, откуда взялся на берегу старинный бревенчатый дом.

Вовка оглянулся.

Дом стоял, зарывшись одним углом в песок. Он ещё не совсем замер после движения, поскрипывал и оседал. Под брёвнами хрустели ракушки. Стёкла сверкали синим отблеском волн.

— Это сверхвозмутительно! — донёсся со второго этажа голос Аделаиды Фёдоровны. — Я теперь опоздаю в поликлинику! Это всё ваши фокусы, товарищ Капитан Самого Дальнего Плавания!

Старый Капитан не отвечал. Под его шагами весело пела лестница: он спускался к морю, чтобы поздороваться с волнами и Утренним Ветром.

За тюлевой шторкой маячила согнутая у стола фигура Петра Ивановича. Наверно, он составлял план жалобы в Управление Всех Морей и Океанов.

На крыльце сидел Акулич. Он вышел на воздух, чтобы умыться, и очень удивился. Иногда он взъерошивал спину и замахивался растопыренной лапой на гривастые волны.

БЕГСТВО РОГАТЫХ ВИКИНГОВ

Про викингов рассказал мне Серёжа Волошин, рассудительный и спокойный человек двенадцати лет. Я жил тогда в подмосковном городке, и Серёжа был моим соседом.

Улица наша называлась Крепостная. Дело в том, что в давние времена, когда по полям шастали орды кочевников, здесь стояла крепость. Небольшая, деревянная, с бревенчатыми восьмиугольными башнями. Потом она сгорела. Остался только земляной вал да овраг, который раньше был крепостным рвом. Да ещё название улицы напоминало о старине.

Вал густо порос травой. В овраге росла крапива, булькал ручеёк и жили стрекозы и лягушки. На Крепостной улице жили мальчишки.

Конечно, были там и взрослые, но речь главным образом пойдёт о мальчишках.

Улица была широкая, но тихая. Машины по ней не ходили, потому что она упиралась в овраг. Дорога заросла, и даже сквозь узкий асфальтовый тротуар пробивались лопухи. Домики прятались в палисадниках с сиренью.

Сами понимаете, что такая улица — рай для футболистов.

Серёжа возвращался поздно вечером и на кухне, сдержанно кряхтя, начинал заклеивать пластырем ссадины на ногах.

— Ну и побоища у вас, — сказал я однажды. — Каждый раз с отметинами приходишь.

Серёжа, вытянув шею, пытался облизать ссаженный локоть.

— Подумаешь... побоища, — ответил он. — Какие это... побоища... Чушь... Вот в прошлом году...

И, лизнув наконец локоть, поведал эту историю.

В конце июня их осталось пятеро. Почти все «овражники» — ребята с этого конца — разъехались кто куда: в лагерь, к бабушкам, на юг, а один даже в тайгу с отцом-геологом.

А из компании Тольки Самохина никто не разъехался. Или сговорились, или случайно так получилось, но их как было, так и осталось шестнадцать, не считая всякой мелкоты.

У Серёжки и его друзей никогда не было прочного мира с Толькиной компанией. Кто тут виноват, сказать нелегко. Однако все отмечали, что Самохин — человек въедливый и зловредный. Он ко всем придирался и никогда ничего не прощал. Серёже он, видно, не мог простить, что тот не подчиняется. Не считает его, Тольку, за командира в здешних местах, а сам имеет армию. Правда, Серёжкина армия бы-

ла не такая большая и воинственная, но пока она была в сборе, могла постоять за себя. И вдруг неприятность — разъехались!

...Те, кто остался, жили в одном дворе. В двухэтажном доме — мальчишки, а в маленьком, в глубине двора, — девчонка Виктория. Или попросту Вика. Одноклассница Сергея.

Викины родители были путешественники. Они не поднимались на снежные вершины, не искали рудные залежи и не раскапывали в песках древние города, они просто ездили. Каждый отпуск они проводили с туристическими группами то на Чёрном море, то в Ленинграде, то на Волге. А воспитывать Вику приглашали папину сестру Нину Валерьевну.

Нина Валерьевна была худая, длинноносая и печальная женщина. То, что она тяжело больна, подразумевалось само собой. Это все знали, когда ещё Виктории на свете не было. А если кто-нибудь спохватывался и пытался узнать о её болезнях подробнее, Нина Валерьевна медленно и выразительно поднимала глаза на невежу. «Как же вам не стыдно? — говорил этот взгляд. — Мучить бедную женщину, жизнь которой висит на паутинке!» И невеже становилось стыдно.

Чтобы окружающие не забывали о её страданиях, Нина Валерьевна постоянно сообщала: «Ах, как у меня болит голова». Фразу эту она произносила регулярно через каждые четыре с половиной минуты.

То, что ей приходится воспитывать Вику, Нина Валерьевна считала подвигом. Она так и говорила: «Надеюсь, люди когда-нибудь поймут, какой подвиг я совершаю».

Может быть, Викины родители это понимали, но они были далеко. А Вика не понимала.

— Уик-то-о-риа-а! — на иностранный манер голосила по вечерам Нина Валерьевна. — Пора домой! Слышишь?! Все нормальные дети уже спят! Уик (Ах, как у меня болит голова!)... ториа! Не заставляй меня снова принимать валокордин!

— Выходит, я ненормальная? — шептала в каком-нибудь укрытии Вика. — Ну и отлично. Тогда мы ещё погуляем. Ага, мальчики?

Как все нормальные девчонки, Вика гоняла с ребятами футбол, временами дралась, ныряла с полузатопленной баржи и никогда не забывала, что она девочка. Довольно часто Вика появлялась во дворе в модном сарафане или платье и вопросительно поглядывала на ребят. Мальчишки понимали девчоночью слабость и сдержанно хвалили обнову. Платья и сарафаны Виктория кроила из прошлогодних туристских нарядов матери и шила на расхлябанной швейной машинке, которая постоянно ломалась.

Чинили машинку братья Дорины.

Братья были близнецы. Но ничуть не похожие. И это, пожалуй, хорошо. Говорят, одинаковые близнецы не умеют жить мирно, а белобрысый Стасик и худой темноволосый Борька жили душа в душу. И увлечения у Дориных были одинаковые. Больше всего они любили книжки про технику и роботов. Дома у них был механический кот для ловли мышей, звали его Меркурий. Правда, ни одной мыши он не поймал, зато бросался под ноги гостям и хватал их за ботинки железными челюстями...

Ещё в этой компании был первоклассник Джонни. Вернее, даже не первоклассник. В школу он лишь собирался, а пока ходил в «подготовишку» — самую старшую группу детсада. Но ведь те, кто, например, только перешёл в пятый класс, тут же называют себя пятиклассниками, не дожидаясь новой осени. Вот и Джонни не стал ждать.

Имя Джонни было ненастоящее. Вообще-то его звали Женька. Но Женькин язык имел маленькую странность: не умел выговаривать букву «ж». Получалось «дж». Вместо «железо» Женька говорил «джелезо», вместо «жулик» — «джулик». И себя называл Дженькой. Но что за имя — Дженька! Вот и переделали в Джонни.

Детсадовскую жизнь и порядки Джонни холодно презирал. Он отлично умел читать, знал, как устроены космические ракеты и электропробки, и терпеть не мог всякие хороводы и «гуси-лебеди».

В группу Джонни являлся в выцветшей футболке и потрёпанных техасских штанах с мордастым ковбоем на заднем кармане. Техасы подметали бахромой паркет и пылили,

как мотоцикл на деревенской улице. Воспитательницу Веру Сергеевну этот костюм доводил до истерики, но Джонни оставался спокоен. Во-первых, Вера Сергеевна была его двоюродной сестрой, во-вторых, он никогда не унижался до споров с начальством. Если жизнь в группе становилась нестерпимой, он просто брал под мышку «Сказки братьев Гримм» и уходил к малышам. Малыши смотрели на Джонни, как новобранцы на прославленного генерала. А их воспитательница на него чуть не молилась: Джонни избавлял её от многих забот.

Ребят из младшей и средней группы Джонни любил. Конечно, они были народ необразованный, но это по малолетству, а не по глупости. И нос они не задирали. А как они слушали сказки!

Малыши верили в Джонни и, чуть что — бежали к нему. И в тот воскресный день, когда викинги совершили первое преступление, два пятилетних гонца отыскали Джонни.

А Джонни отыскал друзей.

...Серёжка, Виктория, Стасик и Борька сидели на верхней перекладине забора, которая называлась «насест». Это было их любимое место. Они сидели и бездельничали. Хмурый Джонни влез на насест и сообщил:

— Самохин опять пиратничает...

— Что? — напруженно переспросил Сергей.

— Понаделали всякого оружия и на всех лезут. У Митьки Волкова и Павлика Гаврина плотину сломали. Они её в овраге на ручье делали, а её растоптали.

— Шакалы! — искренне сказала Вика. — Нашли на кого нападать!

Серёжка прищурился и медленно произнёс:

— Думают, если Санька уехал, Митьку можно задевать...

Санька был братом пятилетнего Митьки и приятелем Сергея.

— Пошли поговорим с ними, — деловито предложил Борис.

— Их шестнадцать, — сказал Джонни. — И мечи, и щиты, и копья. Вот они скоро здесь проходить будут, увидите.

И правда, через минуту раздался дружный топот и бренчание. Топала Толькина компания, а бренчали доспехи.

— Укройсь, — велел Серёжка.

Они прыгнули с забора и прильнули к щелям.

По дороге шло грозное войско.

Необычный был у войска строй. Впереди шёл один человек, за ним два, плечом к плечу, потом шеренга из трёх, за ней — из четырёх. А дальше снова шли три, два и один. Получался остроконечный четырёхугольник — ромб.

Каждый воин держал громадный, как цирковая афиша, щит, который закрывал хозяина от щиколоток до плеч. Все щиты смыкались краями и опоясывали строй, как сплошная броня.

Но удивительней всего оказались шлемы. Чего здесь только не было! Ржавые каски, кастрюли с прорезями для глаз, колпаки от автомобильных фар, алюминиевые тазики. И каждый шлем был с рогами! Рога из железных трубок, из проволоки, из жести — припаянные, приклёпанные, прикрученные — торчали грозно и вызывающе.

Самохин шёл первым. На нём сверкал никелированный чайник. Из носика чайника получился отличный рог. Второй рог — такой же — был припаян с другой стороны. Крышка, видно, тоже была припаяна. Чайник закрывал лицо до подбородка. На блестящем металле чернели прорези для глаз.

Над щитами, над шлемами гордо подымались копья. Мочальные хвосты и пёстрые флажки реяли у наконечников.

— Ну и стадо, — сказала Вика.

— Смех смехом, а не подступишься, — возразил Борька. — Даже из рогаток не прошибёшь.

В середине строя, за щитами, дробно стучал металлический барабан.

— Понятно, — зло сказал Серёжка. — Начитался Самохин про викингов. Есть такая книжка — «Чёрный ярл». Слыхали, кто такие викинги? Это морские бродяги были, вроде пиратов. Давно ещё. Они в Скандинавии жили, где сейчас Швеция и Норвегия... В пешем строю они всегда таким ром-

бом ходили. Закроются с четырёх сторон щитами, и не подступишься. И шлемы у них рогатые были, чтобы страх нагонять.

— Ну и страх! Потеха одна! — громко заявила Вика. — Что-то вы побледнели, мальчики. Животы в порядке?

— Уикториа-а! — укоризненно протянул Стасик. — Зачем ты так говоришь? Не заставляй нас принимать валерьянку.

— А ярл — это кто? — спросил Борис.

— Это значит вождь, — объяснил Серёжка. — Вроде князя.

— Он негр? — поинтересовался Джонни.

— Почему?

— Ну, раз чёрный!

— Да это прозвище. Тоже для страха.

— А ярла в чайнике мы тоже боимся? — спросила Вика.

— Мы его вечером поймаем, — решил Серёжка. — Когда будет без чайника.

Тольку Самохина друзья повстречали у входа в летний кинотеатр. Толька хотел попасть на двухсерийный фильм про трёх мушкетёров. Но не попал. Его прижали спиной к решётчатой оградке, над которой поднималась трёхметровая фанерная афиша. На афише д'Артаньян ловко раскидывал длинной рапирой целый взвод кардинальских гвардейцев, но Тольке от этого было не легче.

— Поговорим? — сказал Серёжка.

— Четверо на одного? — сказал Толька.

— А разве много? — язвительно спросила Вика. — Вас-то сколько было, когда плотину у двух малышей раздавили?

— Мы? Раздавили?

— А не давили, да?

— Мы по ней только через ручей прошли! У нас на той стороне тактические занятия были! Мы что, знали, что она сломается?

— Думать надо было, — наставительно сказал Борька.

— Головой, — добавил Стасик.

— А у него не голова, — произнёс остроумный Джонни, — у него джестянка с рогами.

— Ты мои рога не тронь, — мрачно сказал предводитель викингов.

— Можно и потрогать, — заметил Серёжка.

— Четверо на одного?

— Пятеро!! — взвился уязвлённый Джонни. Только сейчас он понял, что Самохин не желает его даже считать. — Вот как вделаю по уху!

— Козявка, — сказал викинг. — Вделай.

Джонни зажмурился и «вделал»...

В общем, Самохин вырвался из окружения помятый и взъерошенный. Наверно, хотелось ему зареветь. Но он не заревел. Он, часто дыша, сказал издали:

— Ну, увидимся ещё! Не будет вам жизни теперь ни ночью ни днём.

Друзья озабоченно молчали и не смотрели друг на друга.

— Вот что, люди, — заговорил наконец командир Серёжка. — Давайте-ка топать на свою территорию. И поскорее. Полезное это будет дело.

Он оказался прав. Едва укрылись во дворе, как Джонни известил с «насеста»:

— Идут!

Все забрались на перекладину.

Противник двигался в боевом порядке. Мерно колыхались копья, и звякало железо.

— Красиво идут, черти, — со вздохом сказал Серёжка. Наверно, всё-таки завидовал, что нет у него такой могучей армии.

— Ну и красота! Понацепляли утильсырьё... — откликнулась Вика.

Викинги приближались. Толька шёл впереди. Рогатый чайник его вспыхивал на вечернем солнце. Лучи отскакивали от него, как оранжевые стрелы. Справа и позади командира шагал верный адъютант Вовка Песков по прозвищу Пескарь. Впрочем, знающие люди утверждают, что прозви-

ще это надо писать через «и», потому что оно не от фамилии, а от Вовкиной писклявости. Пескарь, или Пискарь, тоже был в чайнике, только не в блестящем, а в эмалированном. Крышки у чайника не было, и в круглом отверстии торчал белобрысый хохол.

Строй викингов остановился, нацелившись остриём на забор.

— Ну, чего расселись, как курицы? — глухо спросил Самохин из-под шлема. — Идите, побеседуем.

— Сено к корове не ходит, — сказал Серёжка.

— Трусы, — заявил Толька, презрительно глядя сквозь прорези. — Это вам не пятеро на одного.

Джонни гордо улыбнулся.

— И не шестнадцать на двух малышей, — сказала Вика.

— Пескарь, давай! — приказал Самохин.

Адъютант вышел из строя и приблизился к забору. Тонким голосом он отрапортовал:

— Объявляем вам всем смертельную войну до полной победы, чтоб не было вам нигде проходу!

— Всё? — спросил Серёжка.

— Всё, — сказал Пескарь и нерешительно оглянулся на ярла.

— Объявил — и катись отсюда, — предложил Серёжка.

— Сам катись, — ответил Пескарь, потому что приказа отступать не было.

Джонни ловко плюнул, целясь в неприкрытую макушку викинга, но не попал. Оскорблённый Пескарь поднял копьё, чтобы отомстить обидчику. Борька и Стасик ухватили копьё за наконечник, дёрнули к себе. Пескарь не ожидал такого фокуса и выпустил оружие. Дорины тупым концом копья трахнули Пескаря по щиту, и посол викингов шлёпнулся на асфальт, раскидав худые, как циркуль, ноги.

Викинги склонили копья и ринулись к забору. Пятеро друзей, как парашютисты, посыпались вниз, во двор.

— Минуточку! — крикнула Вика и метнулась к своему крыльцу.

Буквально через несколько секунд она примчалась с ведёрком. Вода блестящим языком перехлестнулась через за-

бор. Послышались яростные крики, и викинги отступили. Вика снова уселась на заборе.

— Эй вы, мелкий рогатый скот! — радовалась она. — Обезьяны в дырявых мисках! Получили? Мы вас всех переловим по одному, рога пообломаем!

— Уикто-ориа-а! — раздался позади возмущённый вопль. — Что ты говоришь! Сию же минуту ступай домой! Ты сведёшь меня в могилу!

— До завтра, мальчики, — вздохнула Вика и шумно упала с забора. — Сегодня меня весь вечер будут перевоспитывать.

— Держись, — откликнулся Серёжка. — Утро вечера мудренее.

Но утро не оказалось мудренее. Оно не принесло ни радостей, ни свежих мыслей, ни особых новостей. Была только одна новость: Джонни оказался именинником. Ему исполнилось семь лет, и он на законных основаниях не пошёл в детский сад.

— Уговаривали, — сказал Джонни. — Хотели, чтобы я туда до самой осени таскался. Я сказал, что фиг. Джирно будет.

Джонни явился к друзьям не в обычном ковбойском костюме, а в октябрятской форме, купленной вчера в магазине «Светлячок».

— Джонни, ты — генерал, — сказала Вика, разглядывая синюю пилотку и голубую рубашку с погончиками. — Тебя, именинника, надо бы за уши потаскать, да я подступиться боюсь.

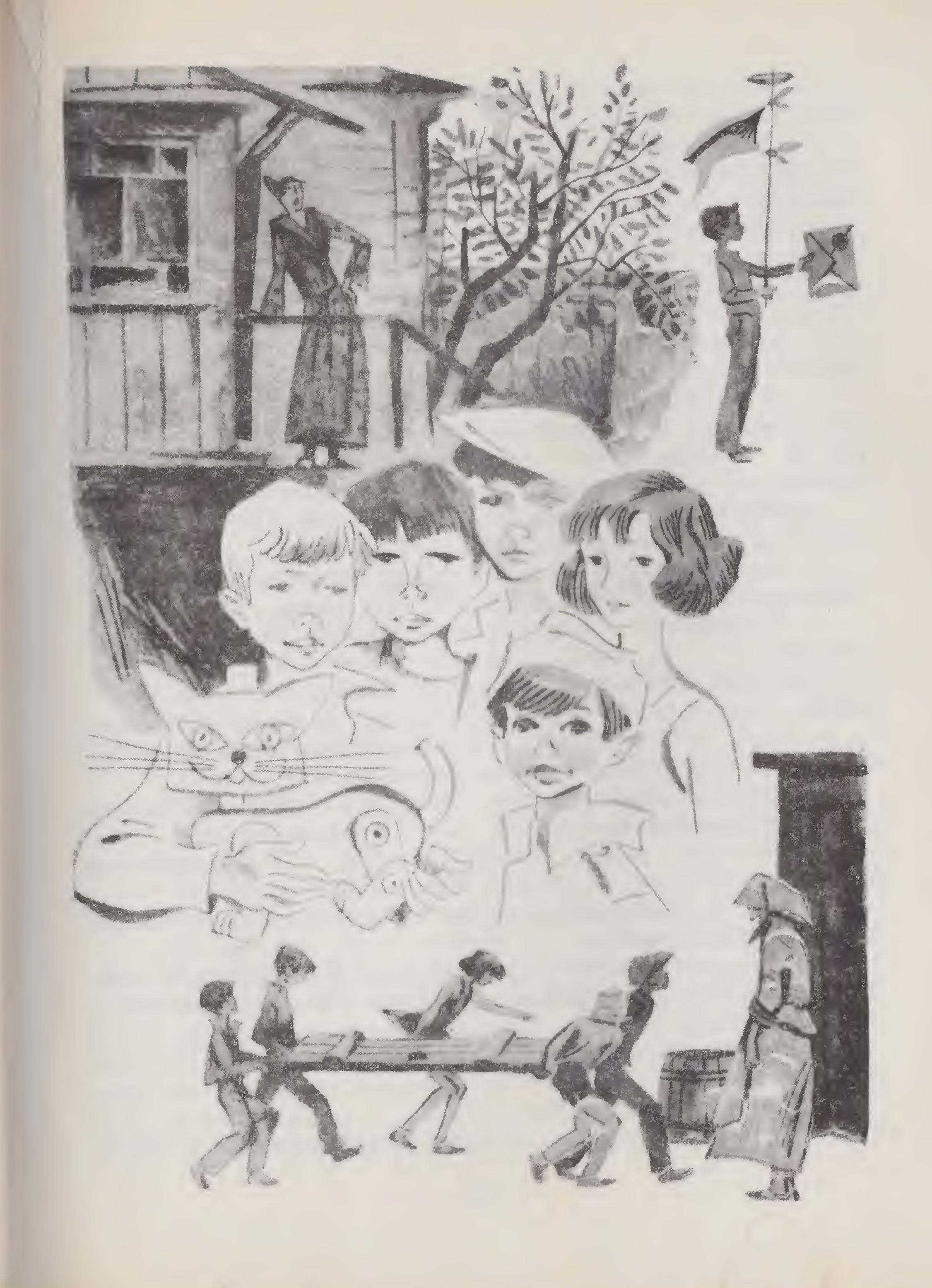
— Мы ему железного кота подарим, — пообещал Стасик.

Слова о генерале повернули все мысли к военным делам.

— Эти паразиты вчера до ночи маршировали, — сказал Борька.

Серёжка вздохнул. Это был вздох полководца без армии. Серёжка сказал:

— Набрать бы человек двадцать, поставить бы впереди всех Джонни с барабаном... Дали бы мы этой рогатой банде!

— Может, на них вашего кота напустить? — спросил Джонни у Дориных.

— Мелковат, — сказал Борька.

— А если что-нибудь покрупнее смастерить? — оживилась Вика.

— Пушку? — спросил Борька.

— За пушку влетит, — рассудительно заметил Джонни.

— Броневик бы склепать... — задумчиво произнёс Стасик. — И на всём ходу на них: др-р-р-р!

— «Др-р-р»! — передразнил Борька. — На каком ходу? Двигатель где возьмёшь?

— А на педалях?

— Много ты наездишь на педалях? — спросил Серёжка. — Тебя в этом «броневике», как в мышеловке, накроют.

— Мы и так как в мышеловке, — сказал Стасик. — На улицу не сунешься, чтоб футбол погонять.

— Вот в августе вернутся наши, тогда мы дадим жизни, — мечтательно сказала Вика.

— В августе! — возмутился Джонни. — А сейчас как воевать?

Настроение было неважное, и Вике захотелось поспорить:

— Вам, мальчишкам, только воевать да футбол гонять!

— А что делать? Взаперти сидеть?

— Необязательно сидеть. Тыщу дел можно придумать, самых интересных!

— Не надо тыщу. Придумай одно, — попросил Сергей.

Ничего не придумывалось, но отступать было нельзя, и с разгона Вика заявила:

— Ну... звено можно организовать! Для шефской работы. Как в зоне пионерского действия. Помогать там комунибудь или ещё что...

— Бабушкам водичку с колонки носить, — вставил Стасик.

— Ну и что? Рассыплешься?

— Не рассыплемся, — ответил за брата Борька. — Толь-

ко, пока ей воду таскаешь, она будет на рынке земляникой торговать. Знаю я таких.

— Не все же такие.

— Не все! Есть и другие, которые во двор не пустят. Сунешься, а там кобель здоровенный. Враз штаны оборвёт.

Вмешался Серёжка и сказал, что затея так себе. Никаких бабушек и стариков, которым помощь нужна, не найдёшь. У каждого толпа здоровенных родственников и детей. Это раньше были одинокие старушки, а сейчас...

— Есть одна бабушка, — вдруг сказал Джонни. — Она без никого живёт. Её бабкой Наташей зовут. Да вы же знаете, у неё щенок Родька.

Щенка Родьку знали. Он был весёлый и добродушный. А хозяйка...

— Неподходящая бабка, — твёрдо сказал Сергей. — Ерунду ты выдумал, Джонни. Она ребят просто видеть не может.

— Кричит, что все мы бандиты, — заметила Вика.

— Ну... — нерешительно сказал Джонни. — Мы, наверно, сами виноваты...

— Мы?! — хором возмутились Дорины.

— Ну... то есть, наверно, я... Я в прошлом году нечаянно свой вертолёт ей в огород пустил. И полез за ним... И там нечаянно два огурца сорвал...

— А она нечаянно тебе уши надрала, — обрадованно добавил Стасик.

— Нет, не успела. Только я от неё по парникам убегал, по стёклам...

— Понятно, почему она кричит, — задумчиво сказала Вика.

— Я там все ноги изрезал, — огрызнулся Джонни.

— Теперь к ней не сунешься, — сказал Борька.

Серёжка молчал. Он обдумывал. И все тоже замолчали, вопросительно глядя на командира.

— А может, попробуем? — спросил Серёжка. — Трудно, конечно... А вдруг перевоспитаем бабку? Всё-таки польза для человечества.

Решили попробовать.

...На разведку пошли Стасик и Борька.

Бабка Наташа жила в угловом домике. Домишко был старый, осевший в землю одним углом. Словно кто-то сверху стукнул его кулаком по краю. Калитка тоже была старая. Она оказалась запертой, но Борька просунул в щель руку и отодвинул засов.

По двору ходили куры и петух Гарька (полное имя Маргарин). Из фанерного ящика выкатился толстопузый Родька, тявкнул и помчался к разведчикам, виляя хвостиком, похожим на указательный палец. В углу двора из ветхого сарайчика появилась бабка Наташа.

Бабка была ещё крепкая. Высокая, худая и сутулая. Она колюче глянула на ребят из-под клочкастых бровей, и Стасик торопливо посмотрел назад: открыта ли калитка.

— Здрасте... — сказал Борька.

— Нету макулатуры! — заговорила бабка голосом, неожиданно чистым и громким. — И железа нету! Ничего нету!

— И не надо, — поспешно сказал Борька. — Мы к вам, бабушка, по другому делу.

— И никаких делов нету! Хулиганство одно, — неприступно отвечала бабка Наташа, зачем-то подбирая с земли хворостину, похожую на гигантский крысиный хвост.

Стасик жалобно сказал:

— Никакого хулиганства. Мы совсем наоборот...

— Ну и шагайте отседова, раз наоборот. И нечего собаку со двора сманивать! Брысь! — Она подняла хворостину, и Родька пушечным ядром влетел в ящик.

Стасик и Борька зажмурились, но остались на месте.

— Непонятно вы говорите, — начал Борька, приоткрывая один глаз. — При чём тут хулиганство? Разве можно считать хулиганами всех людей?

— Я про людей и не говорю, — ворчливо ответила бабка. — А вас ещё сколько надо палкой учить, пока людями станете.

— Не всё же палкой. Можно и по-хорошему, — ввернул Стасик.

— С вами-то?

— С нами, — твёрдо сказал Борька. — Мы к вам по хорошему делу пришли. Починить что-нибудь, если надо, помочь где-нибудь. У нас пионерское звено для этого создано. Шефская работа.

— И чего это мне помогать... — неуверенно сказала бабка.

— Мало ли чего! — перешёл в наступление Борька. — Забор починить или крыльцо... Или вон дверь на сарае! Ну что за дверь!

— Чихнёшь — и отпадёт, — сказал Стасик.

Дверь и правда была никудышная. Три кое-как сбитые доски висели на одной петле.

— Мы бы вам такую дверь отгрохали, — мечтательно сказал Стасик.

— «Отгрохали», — опасливо повторила бабка. — Ещё стянете чего-нибудь из сарая-то.

Братья Дорины оскорблённо вскинули головы.

— Во-первых, — сказал Борька, — мы не жулики...

— Во-вторых, — сказал Стасик, — было бы что тянуть! Золото, что ли, там спрятано?

— Там у меня коза, — с достоинством ответила бабка Наташа.

Борька вздохнул и устало спросил:

— Бабушка! Ну подумайте, зачем нам коза? В велосипед запрягать?

Бабка смотрела то на ребят, то на дверь. Дорины с обиженным видом ждали. Родька опять вылез из ящика и тявкал на Маргарина.

— А... почём возьмёте-то? — поинтересовалась бабка Наташа.

— Да что вы, бабушка! — хором сказали братья.

Дверь делали у себя во дворе. Доски для неё собрали старые, разные, но Борька прошёлся по ним фуганком, опилил концы, и они заблестели — одна к одной. Потом их сбили двумя поперечными брусьями. Стасик притащил из своих запасов две тяжёлые дверные петли и щеколду.

Серёжка у себя в чулане оторвал от старого сундука узорную медную ручку. Вика отыскала полбанки оранжевой краски, которой покрывают деревянные полы. Краска осталась от ремонта дома.

Один Джонни бездельничал. В начале работы он треснул молотком по пальцу, и его отправили «на отдых». Сказали, что, во-первых, он именинник, во-вторых, испачкает свою форму, а в-третьих, кто его знает: может быть, в другой раз он стукнет не по своему пальцу, а по чужому. Джонни сидел на Викином крыльце и канючил, что хочет работать.

Потом, когда развернулись главные события, Джонни отвоевал себе основную роль. «Хватит заджимать человека, — сказал он. — Тогда не дали работать и сейчас не пускаете?» И его пустили... Но это было после. А пока друзья возились с дверью. Они унесли готовую дверь в бабкин двор, приладили к сараю и взялись за кисти. Через полчаса дверь снаружи полыхала оранжевым пламенем. Сияла на солнце. Бабка Наташа тоже сияла. Вся её суровость растаяла, как эскимо на солнцепёке.

— Голубчики, — повторяла она. — Работнички! Я вам конфеточек... — И она заспешила к дому.

— А ну, пошли, ребята, — распорядился Серёжка. — А то ещё правда начнёт конфетки совать.

Они побежали на улицу.

Джонни задержался в калитке. Опустился на колено. Его заторопили.

— Идите! — откликнулся он. — Я догоню! Только сандалию поправлю! Ремешок порвался...

Вся компания, кроме Джонни, устроилась на крыльце у Вики. Вика чинила Борькину рубашку. Борька, сидя на корточках, чистил бензином штаны Стасика. Стасик оглядывался и давал советы. Серёжка зачем-то старался укусить свою ладонь.

— У-ик-то-о-ориа-а! — доносилось изредка из дома. — Почему ты не идёшь обедать? Я напишу папе и маме!

— Ах, как у меня болит голова, — деревянным голосом сказала Вика.

— Джонни куда-то исчез, — озабоченно заметил Серёжка. — А тут ещё эта заноза...

— Ты имеешь в виду мою тётю? — спросила Вика.

— Я имею в виду настоящую занозу. В ладони сидит...

— Вот он, Джонни, бежит, — сказал Борька.

Встрёпанный Джонни подлетел к друзьям и перевёл дух.

— Викинги? — спросил Сергей.

— Братцы, — громким шёпотом сказал Джонни, — Липа взбесилась.

Борька приоткрыл рот и вылил на Стасика бензин. Вика воткнула в палец иголку. Серёжка лязгнул зубами и проглотил занозу.

Липа взбесилась! Все знали бабкину Липу как пожилую мирную козу. Что случилось?

Случилось вот что. Хитрый Джонни услыхал от бабки про конфеты и решил не упускать случая. Поэтому и застрял в калитке, а никакой ремешок у него не рвался. Ребята ушли, а Джонни сидел на корточках, теребил у сандалии пряжку и поглядывал на крыльцо.

Появилась бабка Наташа, но без конфет. На Джонни она не взглянула, видно, не заметила. Бабка побрела к сарайчику, полюбовалась дверью, осторожно открыла её и медовым голосом позвала:

— Иди сюда, голубушка, иди сюда, сладкая...

Появилась «сладкая голубушка» Липа. При свете солнца особенно заметно было, какая она худая и клочкастая. Бабка распутала у неё на рогах верёвку.

— Пойдём, матушка, я тебя привяжу, травки пощиплешь.

Липа ничего не имела против. Сонно качая бородой, она побрела за хозяйкой. Но тут нахальный петух Гарька боком начал подбираться к открытой двери. У бабки, видно, были причины, чтобы Гарьку туда не пускать.

— Брысь, нечистая сила! — гаркнула она. Оставила козу и побежала к сараю.

Петух развязной походкой удалился в курятник. Бабка Наташа прикрыла дверь и заложила щеколду, приговаривая:

— Сейчас, сейчас, моя Липушка.

Липа ревниво оглянулась...

И увидела дверь.

Никто никогда не узнает, что произошло в её душе. Козья душа — потёмки. Но Джонни видел, как Липины глаза вспыхнули жёлтой ненавистью. Липа сразу как-то помолодела.

«Им-м-мэх!» — энергично сказала она. Широко расставила ноги, подалась назад и, разбежавшись, врезала рогами по оранжевой двери.

— Голубушка! — ахнула бабка.

Липа тяжёлой кавалерийской рысью вернулась на прежнее место и склонила рога.

— Ладушка... — позвала бабка Наташа и сделала к ней шаг.

Липа рванулась и смела её с дороги, как охапку соломы. Сарай слегка закачало от могучего удара.

— Спасите... — нерешительно сказала бабка и, пригибаясь, побежала за угол.

Джонни вскочил и, хлопая расстёгнутой сандалией, помчался к друзьям...

Когда ребята ворвались в калитку, Липа готовилась к очередному штурму. Она дышала со свистом, словно внутри у неё работал дырявый насос. Рыла землю передним копытом и качала опущенными рогами. На рогах пламенели следы краски. Глаза у Липы тоже пламенели.

«М-мэу-ау», — хрипло сказала Липа и, наращивая скорость, устремилась к сараю.

Трах!

Дверь крякнула. Внутри сарайчика что-то заскрежетало и ухнуло. С козырька крыши посыпался мусор. В курятнике скандально завопил Гарька. В глубине своего ящика нерешительно вякнул Родька.

— Красавица моя... — плаксиво сказала бабка Наташа, укрываясь за кадкой.

«Красавица» гордо тряхнула бородой, встала на задние ноги, развернулась, как танцовщица, и бегом отправилась на исходную позицию. Там она снова ударила копытом и с ненавистью глянула на дверь.

Борька, срывая через голову рубашку, метнулся к взбесившейся козе. Коза метнулась к двери. Они сшиблись на полпути. Падая, Борька набросил рубашку Липе на рога. Клетчатый подол закрыл козью морду. Липа по инерции пробежала почти до сарая и остолбенело замерла.

«Мэ?..» — нерешительно спросила она.

Подскочила Вика и покрепче укутала рубашкой Липину голову.

Бабка Наташа выбралась из укрытия.

— Это что же? — спросила она со сдержанным упрёком. — Значит, так оно и будет с нонешнего дня?

— А мы при чём? — огрызнулся Борька. Он ладонью растирал на голом боку кровоподтёки от Липиных рогов. — Дура бешеная! Больная, что ли?

— «Больная»! — обиделась бабка. — Да сроду она не болела! Вот что! Сымайте-ка вашу дверь, мне коза дороже!

— Ну и... — со злостью начал Борька.

Но Серёжка одними губами произнёс:

— Тихо... — и повернулся к бабке. — Дверь снять недолго, — покладисто сказал он. — Только как вы без двери будете? Старая-то совсем рассыпалась. Украдут ведь козу, бабушка. Или сбежит.

Бабка открыла рот, чтобы обрушить на Серёжку гром и молнии... и не обрушила. Потому что без двери в самом деле как?

— Ироды, — плаксиво сказала она.

— Да вы не расстраивайтесь, бабушка, — убеждал Серёжка. — Ну разволновалась коза немножко. С непривычки. Бывает... А может быть, у козы вашей какая-нибудь испанская порода? Как у быков. Знаете, испанские быки на всё такое яркое кидаются.

— Сам ты порода-урода! — опять взвилась бабка. — Значит, так и будет она кидаться?

— Да перекрасим дверь, — спокойно объяснил Серёж-

ка. — О чём разговор! В зелёный цвет перекрасим. Не будет она кидаться на зелень. Ведь на траву она не кидается.

Бабка подозрительно молчала. Но, подумав, решила, что нет Липе никакого резона кидаться на зелёную дверь.

— А когда перекрасите?

— Ну, сперва пусть эта краска высохнет... А пока мы Липушку в овраге попасём, — сладко пообещал Серёжка. — Раз уж так получилось... Главное, вы не беспокойтесь. Мы ей дверь показывать не будем. Уведём и приведём аккуратненько. Там и травка густая, сочная, не то что здесь...

Когда Липу вывели за калитку, Борька в сердцах саданул ей коленом в худые рёбра.

— У, кляча испанская!

— Вот и нашлось дело. А боялись, что заскучаем, — ехидно заметила Вика.

— Зачем связались? — возмущённо спросил Стасик. — Ну и пускай разносит сарай! Мы-то при чём? — И он треснул Липу с другой стороны.

— Не тронь дживотное, — сердито сказал Джонни.

— А в овраге нас викинги живьём возьмут, — заметил Стасик.

— Не возьмут. Мы за поворот уйдём, они туда не полезут в своих доспехах, — объяснил Серёжка.

— Звено козопасов, — сказала Вика и вздохнула. — Да ещё зелёную краску добывать надо. Предупреждаю: у меня нет.

— Зелёная подождёт, — сказал Серёжка. — Надо оранжевую. Осталась?

— А зачем?

— Осталась?

— Немножко, — сказала Вика. — А...

— Пока хватит немножко. А вообще... Фанера есть?

— Есть, — откликнулись Дорины.

— В чём дело, Сергей? — строго спросила Виктория. Серёжка зорко глянул по сторонам и шёпотом сообщил:

— Есть одна мысль...

...В тот же день Джонни появился в детском саду. Он пришёл на площадку независимой походкой вольного человека. Бывшая Джоннина группа хором вздохнула, завидуя его свободе и ослепительной форме. Вера Сергеевна сказала:

— Не понимаю, Воробьёв, что тебе здесь нужно.

Джонни ответил непочтительно и отправился к малышам. В тенистом уголке за деревянной горкой Джонни собрал верных людей.

— Вот что, парни, — сказал он. — Есть важное дело.

Малыши часто дышали от внимания и почтительности.

— Кто знает, что такое ремонт?

— Это когда папка мотоцикл чинит, — сказал крошечный, как игрушка, Юрик Молчанов.

— Молодец, — сказал Джонни. — А ещё?

— У нас был ремонт холодильника, — сообщил толстый Мишка Панин. — Только это плохой ремонт, потому что холодильник всё равно не работает.

Два голоса вместе сказали, что бывает ещё ремонт телевизоров.

— Правильно, — терпеливо согласился Джонни.

— А у нас дома везде ремонт, — послышался голос у него за спиной.

Джонни обернулся, как охотник, услышавший зверя.

— И пол красят?

— Ага, — сказал стриженый малыш Дима.

— Вот! Это самое главное! — торжественно объявил Джонни. — Нам такой ремонт и нужен. Там, где есть оранжевая краска.

— Какая? — спросил Юрик Молчанов.

— О-ран-жевая. Ну, которой полы красят... Ну, вот как штаны у Димки.

Все с уважением посмотрели на Димкины штаны с вышитым на кармане цыплёнком.

— У нас есть такая!

— И у нас! — раздались голоса.

Джонни рассчитал правильно: летом хозяева деревянных домов всегда стараются заняться ремонтом: белят, шпаклюют, крыши чинят, полы красят. Три Джонниных агента сра-

зу пообещали добыть краску. Остальные сказали, что разведают у соседей.

— Приносите утром, — велел Джонни. — Каждый по консервной банке. И спрячьте там, под... Ну, вы знаете где.

— Ага. А зачем? — спросил Мишка Панин.

— Потом скажу. Пока военная тайна. Если проболтаюсь, за язык повесят, — серьёзно ответил Джонни. — И вы помалкивайте.

— Есть, — шёпотом сказал Мишка.

Утром викинги снова ступили на тропу войны. Пёстрые флажки реяли на ветру. Шлемы блестели и грозно брякали. Викинги шли на поиски подвигов и славы.

Но чтобы совершить подвиг, надо победить врага. А врагов не было.

Местные собаки заранее убирались с дороги и гавкали за крепкими заборами. Кошки смотрели с крыш зелёными глазами и тихо стонали от ненависти. Куры, заслышав мерный тяжёлый шаг, разлетались по палисадникам, и даже заносчивый Маргарин поспешил исчезнуть в чужой подворотне.

Сомкнутый четырёхугольник воинов прошёл уже полулицы. Подвигов не предвиделось. Под рогатыми кастрюлями и чайниками начинали шевелиться недовольные мысли. Шаг стал сбивчивым. Кое-кто за спиной предводителя стянул со взмокшей головы шлем и взял его под мышку. Дисциплина падала.

Но зоркие глаза вождя разглядели впереди сине-голубую фигурку.

— Внимание!! — взревел обрадованный ярл. — Впереди вражеский лазутчик!

— Внимание! — тонким голосом поддержал его верный адъютант. — Впереди вражеский лазутчик Джонни по прозвищу Карапуз!

Никогда не было у Джонни такого прозвища! И все это знали. Но Толька на ходу приказал:

— Полк, слушай боевую задачу! Изловить подлого

Джонни Карапуза, взять его в заложники и выведать все военные секреты!

— Ура! — рявкнули воодушевлённые викинги.

Джонни, однако, не хотел, чтобы его изловили. Он заметил врагов и поднажал, стараясь успеть к своей калитке раньше викингов.

Рогатое войско тоже поднажало.

Джонни был не такой противник, на которого надо идти сомкнутым строем. Викинги сломали ряды и кинулись за добычей наперегонки. Но быстро бежать им не давали щиты и копья.

А Джонни мешало бежать ведёрко с краской. Он тащил его из детсада. Малыши постарались, и ведёрко было полное. И тяжёлое. Оно цеплялось липким боком за ногу, краска плескала через край, и за Джонни по асфальту тянулась рваная оранжевая цепочка. Ну как тут побежишь?

Наверно, поэтому Джонни не успел к калитке. Викинги опередили, и казалось, что спасения нет.

Но спасение было. Джонни затормозил и юркнул в проход между заборами.

Это был очень узкий коридор. Если бы Джонни развёл руки, он коснулся бы того и другого забора. Проход вёл к ручью, который убегал из оврага и журчал позади огородов. Зимой хозяйки ходили на ручей полоскать бельё, а летом здесь никто не ходил, и проход зарос лопухами.

Джонни вошёл в лопухи, повернулся и стал ждать.

Надо сказать, что, кроме ведра, у Джонни были две мочальные кисти, которыми белят стены. Ведёрко он поставил перед собой, а кисти взял как гранаты.

Громыхая щитами и шлемами, полезли в проход викинги. Впереди были Самохин и Пескарь.

— Только суньтесь, коровы, — холодно сказал Джонни. И по самый корень окунул в ведёрко кисть.

Это непонятное движение слегка смутило суровых воинов. Они остановились.

— Сдавайся, — неуверенно сказал Пескарь.

Свободной рукой Джонни показал фигу. На этот возмутительный жест викинги ответили нестройными угрозами.

Но не двинулись. Краска падала с кисти, и её тяжёлые капли щёлкали по лопухам.

— А ну, положи свою мазилку, — устрашающим голосом сказал Самохин.

Джонни дерзко хмыкнул.

— Взять шпиона! — приказал Толька. Склонил копьё и двинулся на противника.

Джонни изогнулся и метнул кисть в щит предводителя. Бамм! Фанера тяжело ухнула, и на ней расцвела оранжевая клякса величиной с кошку. Кисть рикошетом ушла в задние ряды и зацепила ещё несколько щитов.

— Я так не играю, у меня рубаха новая, — сказали оттуда.

— Молчать! Не отступать! — крикнул Самохин.

Джонни обмакнул вторую кисть:

— Джить надоело?

Викингам не надоело жить, но надо было спасать свой авторитет. Они опять склонили копья.

Бамм! Вторая кисть разукрасила щит Пескаря и щедро окропила других викингов. Джонни, не теряя секунды, схватил с земли гнилую палку, перешиб о колено и оба конца макнул в краску. Палки полетели вслед за кистями. Викинги яростно взревели. Безоружный Джонни подхватил ведёрко и пустился к ручью.

Путаясь в лопухах, цепляясь друг за друга копьями и рогами, грозные покорители северных морей кинулись в погоню. Жажда мести подхлёстывала их. Они догоняли беднягу Джонни.

Что делает охотник, когда его настигает разъярённый медведь? Он бросает по очереди зверю одну рукавицу, вторую, потом шапку... Рукавиц у Джонни не было, а новенькую пилотку он не отдал бы даже Змею Горынычу. И Джонни бросил врагам ведёрко. Вернее, не бросил, а оставил в лопухах.

Неожиданный трофей на минуту задержал орущих викингов. Джонни оторвался от погони. Он, не снимая сандалий, перешёл ручей, погрозил с того берега кулаком и по чужим огородам вернулся к своему забору. Там его ждали.

— Получилось? — спросил Серёжка, бледнея от нетерпения.

— Железно, — сказал Джонни. — Сейчас увидите.

Они повисли на заборе.

Викинги выбирались из прохода и смыкали ряды. К забору они подошли уже неприступным ромбом. Их щиты сверкали оранжевыми заплатами всех размеров.

— Вашего Джонни мы всё равно поймаем, — сказал Толька, сдвигая на затылок чайник. — Оторвём ноги и приставим к ушам.

— Самохин, ты грабитель, — с достоинством ответил Серёжка. — Вы не викинги, а мародёры. Такая банда — на одного первоклассника! Краску отобрали!

— Он её сам бросил! — возмутился Толька.

— Сам! — хором подтвердили викинги.

— Вы бы не лезли, я бы не бросил! Джульё! — вмешался Джонни.

— До тебя мы ещё доберёмся! — пообещал Пескарь.

— Отдавайте краску! — потребовала Вика.

— Да? А сметаны не хотите? — язвительно спросил Толька.

А услужливый Пескарь захохотал.

— Ну послушай, Толька, — сказал Серёжка с неожиданным миролюбием. — Ну зачем она вам? А нам она правда нужна.

Самохин удивился: противник не ругался, а просил. Но уступать Толька не хотел.

— Сами виноваты, — непреклонно ответил он и нахлобучил чайник. — Зачем ваш Джонни нам щиты заляпал? Думаешь, мы такие ляпаные ходить будем?

— А что будете? — с подозрительным нетерпением спросила Виктория.

Толька мстительно сказал из-под чайника:

— Будем вашей краской наши щиты красить. Чтоб пятен не было. Чтоб одинаковые были. А остаточек вам вернём, так и быть.

— Чтоб вы подавились этим остаточком! — с восторгом в душе воскликнула Вика.

И друзья посыпались с забора, чтобы враг не заметил их ликования.

Но они ещё не были уверены до конца. Они сидели на Викином крыльце и ждали, и грызла их тревога.

В два часа дня появились в калитке два Джонниных пятилетних разведчика. Джонни, сдерживая нетерпение, пошёл навстречу.

— Ну?

— Красят! — отчеканили разведчики.

— Красят, — небрежно сообщил Джонни, возвратившись на крыльцо.

— Джонни, ты великий человек, — проникновенно сказал Серёжка.

— Мы подарим тебе Меркурия, — снова пообещал Борька.

Стасик в немом восторге встал на руки. А Вика... Ну что возьмёшь с девчонки! На радостях она чмокнула героя в перемазанную краской щёку. Джонни шарахнулся и покраснел...

— Ой! — спохватился Стасик и встал на ноги. — Борька, пора!

— Куда вы? — спросил Серёжка.

— Липушку на выпас, — ласково сказал Борька.

— Липушку на тренировочку, — нежно добавил Стасик. — Тренировка — залог победы.

— Вы там не очень, — предупредил Серёжка. — А то как снизит удои, да как запрёт её от нас бабка...

— Снизит?! — возмутился Стасик. — У нас режим! Программа! Распорядок. Всё по-научному!

В тот же вечер Стасик Дорин бесстрашно явился во двор к Самохиным. В одной руке он держал пакет с пластилиновой печатью, в другой — лыжную палку с белым полотенцем.

— Что надо? — нелюбезно спросил предводитель викингов, появляясь на крыльце.

Стасик повыше поднял флаг и протянул пакет. Толька с сожалением поглядел на полотенце. Никакие законы не разрешали отлупить посла. А так хотелось! Он вздохнул, разорвал пакет и вынул бумагу.

«Вызываем на бой!!! Послезавтра. В четверг. В девять часов утра», — прочитал он. Придраться было не к чему: ни одного оскорбительного выражения.

— Будет ответ? — вежливо спросил Стасик.

— Будет, — сказал Самохин. — Послезавтра в девять. Вам понравится.

— Вот и хорошо, — сказал Стасик.

Утро решающей битвы было безоблачным, синим, ослепительным. Не воевать бы, а радоваться. Но суровые покорители северных морей, повелители фиордов, грозные бойцы в рогатых шлемах созданы не для мирной жизни. Их дни проходят в боях... Правда, на этот раз они знали, что больших подвигов совершить не удастся. Велика ли заслуга — обратить в бегство маленький, почти беззащитный отряд! Но проучить непокорного врага следовало, и ровно в девять боевой четырёхугольник викингов показался на улице. Заполыхали на солнце оранжевые щиты.

И вот викинги увидели противника.

— Тихо! — сурово сказал Самохин, потому что в рядах началось неприличное, подрывающее дисциплину веселье.

Ну, а как было не веселиться? Противник был такой беспомощный, потешный! Пять человек стояли поперёк дороги, вооружённые чем попало. У девчонки вместо щита была деревянная крышка от бочки. Джонни Карапуз держал игрушечный автомат, бесполезный в настоящем бою. У Серёжки Волошина вообще не видно было оружия. Лишь братья Дорины укрылись за настоящими, как у викингов, щитами. Пятёрка эта растянулась в редкую шеренгу, только Борька и Стасик стояли рядом, сдвинув некрашеные щиты.

— Сейчас побегут, — пропищал Пескарь. — Не будет никакого боя.

Но противник не бежал.

— Может быть, они решили геройски погибнуть? — с опаской спросил Пескарь.

— Помолчи, — обрезал предводитель. И, не оглядываясь, приказал: — Пленных заприте до вечера в нашем штабе. А Джонни — сразу ко мне. Я из него сделаю чучело.

...А Серёжкин отряд молча ждал врага.

— Не тяни, — прошептал наконец Стасик. — Оставь место для разбега.

— Давай, — попросила Вика.

Викинги надвигались, как рыжий танк.

— Внимание... — сказал Серёжка. — Старт!

Братья Дорины раздвинули щиты и убрали руки с Липиных рогов.

Липа глянула вдаль, и её затрясло, как вентилятор со сломанной лопастью. Ещё бы! Раньше она воевала только с одной отвратительно оранжевой дверью, а сейчас такие двери двигались на неё толпой!

Липа коротко замычала. Вернее, это было не мычание, а глухой звук, похожий на стон раненого льва. Потом она тяжело встала на дыбы, оттолкнулась задними копытами и ринулась на врага, поднимая клочковатые дымки пыли.

— Ха-ррашо идёт, — сказал Серёжа.

Викинги замедлили шаг. Едва ли они испугались. Скорее, просто удивились. А потом, разглядев, что мчится на них не носорог, не дикий бык и не баллистическая ракета, со смехом опустили щиты и склонили копья.

Ох, как это опасно — недооценивать врага! Что были тонкие копья для разъярённой Липы? Остановить её удалось бы, пожалуй, только прямым попаданием из пушки.

Раздался сухой треск фанеры и нестройный крик растерявшихся викингов. Строй дрогнул и развалился. Липа исчезла в гуще копий, шлемов и щитов. Она бесновалась в середине толпы рогатых воинов.

В армии викингов стремительно нарастала паника.

— Бешеная! — раздался крик, и это было как сигнал.

Бойцы кинулись в калитки, на заборы и в подворотни, устилая поле брани рогатыми кастрюлями и огненными

прямоугольниками щитов. Правда, четыре человека сомкнули ряд и хотели встретить грудью дикого врага, но пустились в бегство, едва Липа обратила на них горящий взгляд.

Не бросил оружие только ярл. Грозный вождь викингов не мог покинуть место битвы, оставив на нём меч и щит. Копьё он тоже не хотел оставлять. Закинув щит за плечи и взяв копьё под мышку, Самохин крупной рысью помчался к своей калитке. Блестящий шлем слетел с него на дорогу и несколько метров, бренча и прыгая, катился за хозяином. Потом застрял в травянистом кювете.

Если бы Толька догадался повернуть щит крашеной стороной к себе, он легко спасся бы от погони. Но фанерный квадрат прыгал у него на спине, сверкая оранжевой краской, и Липа расценила это как издевательство. Набирая скорость, она пустилась за последним викингом, настигла и атаковала с тыла. Щит рогами она не достала и ударила несколько ниже, но Тольке от этого было не легче.

Получив ещё два удара, Толька понял, что не уйдёт. Он бросил снаряжение у кривого тополя и с цирковой ловкостью взлетел на толстый сук. Липа остановилась. Её клочкастые бока взлетали и падали от яростного дыхания. Она ударила копытом брошенный щит и с отвращением сказала: «М-мэ!..»

Очевидно, она хотела сказать: «М-мэрзость!»

Толька смотрел на неё с тоскливой безнадёжностью.

Победители окружили тополь.

— Сидишь? — ласково спросила Вика. — Ну, и как там? Удобно?

— Да ничего, — уклончиво ответил Толька. Он немного пришёл в себя. Всё-таки сейчас он был не один на один с бешеным зверем.

— Слезай, джаба с рогами, — потребовал Джонни.

— Фиг, — сказал Толька.

— Хуже будет, — предупредил Борька.

— За штаны стянем, — пообещал Стасик.

— Попробуй. Как врежу каблуком по носу.

Серёжка молчал. Он считал, что побеждённый враг не стоит разговоров. Он гладил Липу и чесал её за ухом. Липа

хрипела и косилась на щит. Серёжка повернул его краской вниз. Потом взглянул на Тольку и спросил у ребят:

— Что с ним делать?

— Дать ему джару, чтоб запомнил, — мрачно сказал Джонни.

— Десять раз по шее, — предложил Стасик.

— Точно, — откликнулся Борька.

— Нельзя, — с сожалением сказал Серёжка. — Пленных лупить не полагается.

— А хоть два разика по шее можно пленному? — с надеждой спросил Стасик.

— Я ещё не пленный, — подал голос Толька. — Вы меня сперва достаньте.

— Очень надо, — сказала Виктория. — Сиди. А мы здесь посидим. Спешить некуда. Кто кого пересидит?

Толька вдруг почувствовал, что сук не такой уж толстый. Он при каждом движении скрипел и потрескивал.

— Драться будете, если спущусь?

— Не будем, — сказал Серёжка. — Нужен ты нам...

— Хватит с тебя козы, — усмехнулась Вика.

— Уберите её, — хмуро сказал Толька. — И где нашли такую сатану...

Вика отвела Липу. Толька уцепился за сук, повис и прыгнул в траву.

Несколько секунд все молчали.

— Забирай барахло и топай, — сказал наконец Серёжка.

Толька поднял копьё, меч и щит. Вика закрыла Липины глаза ладонями.

— Столько рогатых не могли с одной козой справиться, — хмыкнул Джонни.

— Ещё полезете — четырёх боевых козлов выставим, — пообещал Серёжка.

Конечно, сгоряча он прихвастнул. Четырёх козлов не нашлось бы на всех окрестных улицах. Но Толька ничего не сказал. Волоча снаряжение, он уходил к своему дому.

История викингов кончилась.

БАРКЕНТИНА С ИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ

Баркентина, иначе называемая шхуна-барк, — большое морское парусное судно, имеющее не менее трёх мачт... Фок-мачта всегда вооружена только прямыми парусами, а все остальные мачты — сухие, то есть несут лишь косые паруса.

Морской словарь.

— А всё же этот парень держит судно в руках, — сказал самый старший матрос...

Ф. Купер. «*Красный корсар*».

ДАМБА

Жил-был Мальчик. Очень обыкновенный. Светлоглазый и чуть веснушчатый. Он жил в новом городе, в новом доме и ходил в новую школу.

В комнате Мальчика на стене висела синяя Карта Всех Морей и Океанов. А на письменном столике, рядом с пластмассовым стаканом для карандашей, стоял кораблик из коричневой сосновой коры, с бумажными парусами.

Отец и мать были довольны картой. Считали, что она помогает Мальчику лучше изучать Природоведение. А на кораблик они не обращали внимания.

Потом родители Мальчика переехали в другой город. И Мальчик, разумеется, переехал. Карту он привёз с собой, а кораблик сломался по дороге, и его незаметно выбросили.

Город, где они стали жить, был совсем непохожим на прежний. Он был старинный. Там встречались такие узкие улицы, что Мальчик даже без разбега перепрыгивал с тротуара на тротуар. С домов смотрели на прохожих каменные львиные морды, а у тяжёлых ворот поскрипывали на ветру железные фонари.

А у маленькой кирпичной крепости лежали вросшие в землю чугунные пушки.

Узкие улицы разбегались от крепости и выходили к Широкой реке. Там у причалов стояли суда. Рыбацкие — с растянутыми для просушки сетями, грузовые — с чёрными бортами, белыми надстройками и разноцветными трубами, пассажирские — совсем белые. Плескались флаги и бегали неутомимые буксиры.

Корабли приходили с моря. Море лежало в нескольких милях от города. Его не было видно, и всё-таки оно чувствовалось за треугольными крышами и высокими острыми башнями.

На крышах и башнях стояли флюгера. Это были узорчатые флаги, рыцари на конях, трубачи, парусные корабли и крылатые звери. Под некоторыми флюгерами находились перекрещенные стрелы — они смотрели в четыре стороны.

Когда начинался ветер, всадники, корабли, трубачи и звери со скрежетом поворачивались ему навстречу, а стрелы оставались неподвижными. На их наконечниках чернели жестяные буквы: «N, S, W, O».

Мальчик понимал, что они означают страны света: норд, зюйд, вест и ост. Это были морские названия. Моряки не говорят «дует ветер с северо-запада». Они говорят «дует норд-вест».

Норд-весты дули чаще других ветров. Они приносили влажную прохладу, серые облака и запах водорослей. Взрослые ворчали и обижались на сырую погоду.

Мальчик не обижался. В ветре было Дыхание Атлантики...

— Папа, — сказал Мальчик за ужином. — Дай мне рубль и пятьдесят копеек... пожалуйста. Я куплю словарь.

— Что за сумасшедшие цены! — сказала мама. — Я спрошу в школе, почему такие дорогие учебники.

— Это не учебник, — сказал Мальчик и стал качать ногой под столом. — Это так... «Морской словарь».

— Не болтай ногами, — велела мама. — Что ещё за новости — «Морской словарь»? Ты бы лучше вспомнил, что через месяц в школу, а у тебя нет «Английского языка» для пятого класса.

Днём у неё на работе были неприятности, а сейчас Плохое Настроение.

— Зачем же тебе «Морской словарь»? — спросил отец.

— Так просто... — неловко ответил Мальчик, но тут же подумал, что лучше отвечать прямо. — Я буду Моряком Дальнего Плавания.

— Не царапай вилкой скатерть, — сказала мама. — Моряком Дальнего Плавания! Этого ещё не хватало.

— Ну хорошо, хорошо, — торопливо сказал отец. — Я подумаю. Может быть. После зарплаты.

Он знал, что почти половина мальчиков хочет стать Моряком Дальнего Плавания и никто из них не собирается быть зубным врачом, бухгалтером или управдомом.

Но отец не знал о другом. О том, что его Мальчик по тёмному силуэту на светлой воде уже легко отличал сухогрузное судно от рефрижератора, что купленные для школы тетради он изрисовал схемами барков и фрегатов и на каждом из рисунков мог с точностью показать, где ка-

кой стоит парус, и сказать, как он называется. Он никогда не спутал бы адмиралтейский якорь с якорем Холла. В углу за диваном он хранил звено якорной цепи, которое подобрал на пирсе и отчистил от ржавчины. Это было могучее железное кольцо весом в добрый десяток килограммов. В кольце была перемычка. Они делаются для того, чтобы цепь не перекручивалась и не запутывалась.

Многие мальчики мечтают о капитанских мостиках и дальних морских походах. Но многие ли смогут ответить, как называется перемычка в звене якорной цепи? Между прочим, называется она «контрфорс».

Мальчик полюбил продутый морскими ветрами город. А в городе больше всех мест ему нравилась Старая гавань. Южная улица, где жил Мальчик, выходила прямо к гавани, и от калитки до берега добежать можно было за четыре минуты.

Обычно гавань пустовала. Лишь иногда здесь отстаивались перед ремонтом рыбацкие сейнеры, которые вернулись из бурной Атлантики. Они отдыхали, прижавшись обшарпанными бортами к деревянным сваям причала. Причал зарос тонкой травой и мелкими ромашками.

В гавани росли кувшинки. Их цветы были похожи на солнечные шарики, рассыпанные по тёмной воде, а стебли уходили в зеленоватую глубину. На листьях кувшинок иногда сидели любопытные лягушки и разглядывали берег.

Большая дамба отделяла гавань от широкой реки. Она была похожа на длинную букву «Г». Коротким концом дамба примыкала к берегу.

Построили её в очень давние годы. Сначала в дно реки вбили деревянные сваи — плотно друг к дружке, в два ряда, потом навалили между этими рядами булыжник и насыпали щебень — вровень с верхними срезами свай. И получилась могучая подводная стена. Только самая кромка её поднималась над водой. Это была защита от волн.

Правда, волны часто перекатывались через дамбу, но тратили на это много сил, и в гавани сразу успокаивались.

Сваи потемнели от воды, позеленели и набухли. Сердцевина у многих прогнила, и кое-где на срезах, как в цветочных горшках, вырастали кустики травы. К августу они становились густыми и высокими.

Начало августа было солнечным и тёплым. Здешний край, прославленный туманами и пасмурным небом, словно хотел показать Мальчику, что умеет быть ласковым к тем, кто его полюбит.

Каждый день Мальчик приходил на дамбу. Он садился на краешек, ставил рядом с собой сандалии и свешивал в воду ноги.

Вода была бархатистая и тёплая. Просвеченная зеленоватыми лучами. Коричневые мальчишечьи ноги становились в ней какими-то бледными и ненастоящими, словно их хозяин всю жизнь проходил в длинных штанах и не знал, что такое загар. На незаметных волосинках рассаживались крошечные пузырьки. Мальчику начинало казаться, что он постепенно врастает в речной мир и превращается в подводного принца или русалкиного сына. Чтобы не превратиться совсем, он бултыхал ногами, и любопытные мальки, собравшиеся поглазеть на мальчишку, перепуганно разлетались кто куда.

Потом эти мальки осторожно собирались опять. Они были чуткие и вёрткие, словно стрелки компаса.

Из больших рыб Мальчик видел только одного и того же окуня. Окунь был толстый, полосатый и неприятный. Он всегда сидел в кусте водорослей, шевелил плавниками и будто прислушивался. Мальчику он казался похожим на бывшего соседа — ребячьего врага и склочника. (Это было в том городе, где Мальчик жил раньше. Все ребята звали того соседа Перехватчиком.) Мальчик, между прочим, был прав: окунь Пантелей Осьминогович действительно был склочник и сплетник. Он собирал все неприятные новости и разносил их среди рыбьей общественности.

Рассердившись на окуня, Мальчик запрокидывал голову и смотрел на чаек. Среди них были знакомые. Иногда на

бреющем полёте они проносились над Мальчиком — наверно, здоровались. Но вообще-то им было некогда. Чайки деловито и суетливо добывали корм. Они охотились за рыбами-простофилями, подбирали хлебные корки, выброшенные с проходившего буксира. А ещё они провожали в залив уходящие корабли. Это была их постоянная работа.

Мальчик тоже провожал корабли — сухогрузы, плывущие в Африку и на Кубу, сверкающие лайнеры с весёлыми туристами и отважные траулеры, уходящие на полгода в открытый океан. Он шёпотом говорил им «до свиданья». И, хотите верьте, хотите нет, многие корабли откликались ему коротким гудком.

Конечно, Мальчик завидовал тем, кто уходил в море. Но не очень. Он знал, что время его придёт. А пока здесь, на дамбе, он впитывал в себя морской ветер и слушал музыку корабельных будней: грохот якорных цепей, разносящиеся из мегафонов команды, строгие голоса диспетчеров, озорную перекличку рыбачьих экипажей и сирены катеров.

Всей душой он жил здесь, у слияния реки и моря, среди чаек и кораблей. И ничто не могло уже вырвать его из этой жизни.

Иногда Мальчик сидел на дамбе до самого вечера. Розовое солнце скатывалось за башни. Над мачтами, среди светлых тучек, разгоралась не спеша яркая капелька-звезда.

В кувшинках начинали голосить лягушки. Чайки уже не суетились над водой, а летали плавно и широко: сразу было понятно, что теперь у них не работа, а гулянье.

Реже звучали металлические команды диспетчеров. На сейнерах начинали звенеть гитары.

Мальчик знал, что скоро идти домой, и оставшиеся минуты были для него особенно хороши...

Потом он шагал к дому по улице, плотно заросшей тополями. Здесь уже висели сумерки, хотя небо оставалось светлым. Встречные мальчишки-велосипедисты включали фонарики, и похоже было, что среди деревьев носятся большие жуки-светляки.

Дома ему попадало от матери. Она говорила слова, которые говорят в таких случаях все мамы:

— Где ты пропадал целый день? Ты меня сведёшь в могилу!

— На реке, — отвечал Мальчик.

— С ума можно сойти! А если ты утонешь?

— Зачем? — удивлялся Мальчик.

— Что за глупый вопрос! Люди тонут ни за чем.

— Я не утону, — успокаивал Мальчик. — Я же хорошо плаваю. Да я и не купаюсь почти. Просто сижу и смотрю.

— Что там смотреть целый день? Лучше бы уж ты, как все мальчишки, играл в этот ужасный футбол, обдирал колени, лазил по деревьям и получал синяки... Я хотя бы знала тогда, что ты не один. А ты живёшь без товарищей.

Тогда папа брал её за плечи и негромко уговаривал:

— Ну перестань. Придёт время — будут товарищи. Их же не выписывают по рецепту, как в аптеке. Пусть он живёт как хочет.

— Но у него совершенно нет друзей! — сокрушалась мама.

Однако она ошибалась.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧИП

Один раз вечером, когда Мальчик сидел на дамбе, что-то мокрое и живое шлёпнулось ему на колено. Конечно, Мальчик вздрогнул. Он даже качнулся назад от испуга.

Но бояться-то было нечего.

На колене у него сидел зелёный лягушонок. Сидел и улыбался большим весёлым ртом.

— Ха-ха! — отчётливо сказал лягушонок. — Ты испугался? Ты пер-ре-пугался!

Не будем говорить, что Мальчик удивился. И не будем удивляться сами. Ведь история эта почти сказочная, хотя, в общем-то, совершенно правдивая. Разумеется, Мальчик вначале изумлённо заморгал и даже шёпотом сказал:

— Вот так штука. — Но тут же его встревожила другая мысль: как бы этот незваный гость вправду не подумал, что Мальчик боится. — Чего это я буду перепугиваться, — воз-

разил Мальчик и пожал плечами. — Ты же не тигр, и не змея, и не... ихтиозавр какой-нибудь.

— Конечно! — весело согласился лягушонок. — Не тигр. — И добавил с чуть заметной грустинкой: — Я просто маленькая лягушка... Между прочим, меня зовут Чип.

Он оказался размером с напёрсток (если не считать длинных задних лапок), с желтовато-серым брюшком и зелёной, как свежий тополиный листок, спинкой. Выпуклые глазки блестели, словно чёрные стеклянные дробинки. А широкий рот был озорным, как у первоклассника, который готов смеяться даже на уроке математики.

— Откуда ты взялся? — спросил Мальчик. — Шлёпнулся прямо как с неба. Я даже не ожидал.

Чип вытянул к воде крошечную переднюю лапку:

— Вот от-туда. Там у меня ква-рр-тира.

Голосок у него был тонкий, и слова он произносил старательно, как малыш, который недавно научился говорить букву «Р». И не было в его речи лягушачьего кваканья. Лишь в слове «квартира» Чип едва заметно приквакнул, но это ведь вполне простительно.

— Я тебе не мешаю? — вдруг забеспокоился Чип и шевельнулся на колене у Мальчика. — Я немножко мо-кр-рый.

— Сиди, сиди, — торопливо сказал Мальчик. — Я же не сахарный... А как ты научился говорить?

— П-понемножку. Я вылезал на берег и смотрел, как играют мальчики. И слушал. Я часто на них смотр-рел, когда мне было гр-рустно...

— А почему тебе было грустно? — осторожно спросил Мальчик.

— Н-ну... Это бывает. Я тебе потом р-расскажу... Если мы по-др-ружимся, — сказал Чип. И добавил совсем тихо: — Если ты хочешь.

— Конечно, хочу! — сказал Мальчик.

...И они правда подружились.

Им было хорошо вдвоём.

Они вместе купались. Они скакали наперегонки по дамбе, и надо сказать, что Мальчик не всегда оказывался впе-

реди. Он, когда прыгал, опасался свалиться в воду, а Чип ничего не боялся и летал, как зелёная пуля.

Но особенно любили они разговаривать. Начиналось это так: Чип усаживался на колене у Мальчика и вежливо говорил:

— Можно, я задам вопр-рос?

Он задавал разные «вопр-росы». И, приоткрыв широкий рот, слушал рассказы про города, про человечью жизнь, про хоккей, про марки, про кино «Неуловимые мстители» и сложную науку математику.

Один раз он спросил:

— Ты очень удивился, что я говор-рящий?

— Да нет, не очень, — сказал Мальчик. — Бывают ведь говорящие птицы. Скворцы, галки, попугаи. Почему же лягушонок не может? Я удивился знаешь когда? Когда увидел, что ты умный. Попугай, например, может целую речь сказать, а всё равно дурак. А ты... ты прямо как человек.

— Пр-равда? — обрадовался Чип.

— Конечно... Наверно, в воде звери умней, чем на суше, получаются. Я читал про дельфинов, которые даже с учёными разговаривают.

Чип осторожно спросил:

— А про говорящих лягушек ты не читал?

— Ну, про лягушек только так... Про царевну-лягушку, про всяких принцев, которые сперва лягушатами были... Про лягушку-путешественницу.

Чип вздохнул, надув брюшко:

— Это мы пр-роходили... Принцы и царевны. Они потом пр-ревращались в человеков. Это хорошо, но это сказки.

— Проходили? — удивился Мальчик. — У вас есть школа?

— А как же! Надо же учиться, как себя вести. Чтобы тебя не слопала щука или не унесла чайка. А ещё есть класс хорового пения, только я туда не хожу...

Он помолчал и вдруг добавил:

— А лягушка-путешественница — ду-р-ра.

Мальчик не спорил. Ему почему-то стало жаль Чипа.

— Зачем она разор-ралась, когда утки несли её по воз-

духу? — сердито спросил Чип. — Сама виновата, что свалилась в болото. Я бы ни за что не кр-рикнул, хоть и говорящий.

Чип ещё помолчал и добавил голосом первоклассника, который долго плакал и наконец успокоился:

— Ведь она могла попасть в южные моря...

Мальчик почувствовал, как часто бьётся крошечное сердечко лягушонка.

— А тебе хочется в южные моря? — не то спросил, не то просто сказал он Чипу.

Чип снова вздохнул.

— Там Аф-р-рика, — шёпотом проговорил он. — Там пр-риключения. Кор-ралловые острова. И там тепло. Там не надо спать зимой. У нас все лягушки спят зимой, а я не люблю. Мне даже во сне холодно, хотя я и пр-риспосабливаюсь.

— У тебя, Чип, слишком горячая, не лягушачья кровь, — задумчиво сказал Мальчик.

СЧИТАЛКА

Они сидели допоздна. Яркая звезда — та самая, что загоралась раньше других, — уже давно светила над мачтами.

Мальчик любил эту звезду и знал её певучее название. Он слышал где-то, что у каждого моряка должна быть своя звезда, и выбрал себе эту. Она была тёплая и ясная, как маленькое солнышко.

Оказалось, что Чип тоже любит её.

— Когда я смотрю на эту звезду, я совсем забываю, что я лягушонок, — сказал однажды Чип. — Мне кажется, что ничего не надо бояться. Мне даже кажется, что я увижу южные моря, если очень захочу... А потом, когда звезды нет, я сразу вспоминаю, что я маленький смешной Чип, — закончил он и коротко вздохнул несколько раз подряд.

— Но ты совсем не смешной! — возразил Мальчик. — Ты красивый. Ловкий такой и быстрый. И ты смелый. Ну, маленький, конечно... А что здесь такого? Вот бегемот, например, большой, а какой от этого толк? Лежит в своём бо-

лоте или в реке и хрюкает, как свинья, от удовольствия. И ничего ему не хочется.

— А чего же ему хотеть? — удивился Чип. — Он и так живёт в Африке, где пальмы, джунгли, львы и приключения.

— Ну какие там приключения у бегемота! Ему лишь бы брюхо набить. А пальмы для него всё равно что для нас эти тополя на берегу.

— А ему... не хочется увидеть эти тополя? — недоверчиво спросил Чип. — Ведь нам-то очень надо увидеть пальмы.

— Нет. Ему только хочется быть сытым. Вот и всё.

— Такой большой и такой дурак, — сказал Чип с грустным недоумением.

— А ты думал, среди больших не бывает дураков?

Чип не ответил. Он опять неподвижно смотрел на звезду, и она отражалась в его глазах золотыми точками...

Эта звезда была громадным огнедышащим шаром, чужим неизученным солнцем, которое висело в далёкой от нашего Солнца чёрной пустоте. Может быть, вокруг этого ослепительного шара летали голубые и зелёные свои шарики-планеты. И, может быть, на них жили и мечтали о дальних морях свои Мальчики и лягушата. И жили бегемоты. Но это ничего не значило. Здесь, на Земле, дальняя звезда была нужна двум друзьям и потому принадлежала им.

— Когда я сделаюсь капитаном, — сказал Мальчик, — попрошу, чтобы мой корабль назвали так же, как эту звезду.

Чип снова сидел неподвижно. Только смотрел уже не на звезду, а просто так.

— Что же ты молчишь? — с лёгкой тревогой спросил Мальчик. — Я с тобой говорю, а ты не отвечаешь. Будто ты и не говорящий.

— Потому что мне грустно, — сказал Чип. — Ты станешь капитаном, и тебе хорошо. А я превращусь в обыкновенную большую лягушку.

— И ничего подобного! — решительно возразил Мальчик и так бултыхнул в воде ногами, что старый полосатый

сплетник Пантелей Осьминогович, который подслушивал разговор, тут же скончался от разрыва плавательного пузыря и всплыл кверху брюхом. Его немедленно унесла чайка.

— Ничего подобного! — повторил Мальчик. — Говорящий лягушонок не может превратиться в обыкновенную лягушку. Так не бывает! И, кроме того, я тебя не брошу. Как только я стану капитаном или сначала даже самым младшим моряком, я возьму тебя в плавание.

Чип подскочил, как зелёная пробка, и шлёпнулся животом.

— Как? — спросил он, и от удивления у него получилось: «Квак?»

— А вот так. Слушай...

Мальчик придумал это лишь сейчас, но говорил, словно всё решил давно:

— Ты будешь жить в моей каюте. В таком стеклянном ящике. Там будет разная трава, и вода, и маленькие кочки. Это называется террариум. А когда мы приплывём в Южные Страны, я тебя отнесу на берег. И ты увидишь там всё, что хочешь. Там такие громадные цветы, что в каждом ты можешь устроить целый дом. И можешь путешествовать по джунглям и зарослям, и будут у тебя такие приключения, которые здесь никому и не снились. Только смотри, чтобы тебя не слопала какая-нибудь африканская цапля... А то я приплыву, а тебя нет...

— А ты приплывёшь? — обрадовался Чип.

— Конечно. Ты ведь, наверно, соскучишься когда-нибудь.

— Наверно... — сказал говорящий лягушонок Чип.

Мальчик понимал, что давно пора домой.

— Пойду, — сказал он наконец. — Наверно, будет нахлобучка.

— Выдер-рут? — с беспокойством спросил Чип.

— Ну что ты! Просто будут говорить всякие скучные слова.

Лягушонок посмотрел на небо:

— Вон светлая тучка. Вон звезда. Ты скажи волшебную считалку, и всё будет пр-ре-красно.

— Какую считалку? — удивился Мальчик.

Тогда удивился и Чип:

— Ты не знаешь? Я думал, все мальчики знают эти волшебные слова. Я их подслушал на земле, когда ребята играли в пр-рятки. Вот какие:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя пр-рошу:
Разгони мою беду,
Позови мою звезду.
Пусть она, как светлый лазер,
Луч пошлёт на землю сразу,
Пусть дрожат мои враги.
Кто не верит мне — беги!

Чип, видимо, гордился, что выучил эти стихи.

— Никогда не слыхал, — сказал Мальчик. — Ну, всё равно. Это же обыкновенная считалка. Что в ней волшебного?

— Нет, не всё р-равно, — возразил Чип. — Один р-раз был случай. Маленький мальчик хотел спрятаться и не успел. Его уже почти нашли, а он взял и сказал эту считалку. И стал пр-росто совсем невидимка.

— Показалось тебе, — сказал Мальчик. — Не может этого быть.

— А говорящие лягушонки могут быть? — обидчиво спросил Чип. От досады он даже стал ошибаться в словах. — Ты думал, что не могут, а я есть.

— Ладно, — сказал Мальчик. — Я попробую. Только... там говорится: «Пусть дрожат мои враги»... Мне ведь от мамы попадёт, а разве она враг? Она ведь за меня же беспокоится.

— Мама, конечно, хор-рошая, — объяснил Чип. — А враги — это непр-риятности, которые тебя ждут. Пр-ротив них и нужны волшебные слова.

— Я попробую, — повторил Мальчик.

И попробовал. Пока бежал к дому, прошептал считалку. И знаете, что потом было?

— Ну, наконец-то, — сказала мама. — Я уже начала волноваться. Беги умойся, а я разогрею ужин.

Вот и всё. Согласитесь, что это чудо, не меньшее, чем говорящий лягушонок.

БАРКЕНТИНА

— Слушай, какая новость! — возбуждённо встретил Мальчика Чип. — Корабль с таким именем, как у нашей звезды, уже есть! Скоро его приведут сюда. Я узнал от чаек. Они кр-ричали об этом.

Было яркое утро, и солнце сверкало на мокрой спинке Чипа. Он весь светился, как зелёная лампочка. Только лампочки не прыгают как сумасшедшие и, уж конечно, не разговаривают. А Чип никак не мог успокоиться.

— Ну что ты скачешь? — сказал Мальчик. — Уймись.

— Это потому, что я пер-реживаю, — ответил Чип. — А что, если чайки ошиблись? Вдруг он не пр-ридёт, этот корабль?

— Ну не придёт, и не надо, — сказал Мальчик, чтобы успокоить Чипа. А на самом деле тоже заволновался. Хотелось посмотреть на судно с таким хорошим названием.

А Чип возмутился:

— Как это «не надо»?! Ведь он же не пр-ростой! Он пар-русный!

И у Мальчика застучало сердце.

Ведь никогда-никогда он не видел настоящих белокрылых парусников. Многое успел он здесь увидеть и многое полюбил, но, как и раньше, при слове «корабль» представлялся ему стремительный клипер с белыми грудами четырёхугольных парусов или шхуна, косо летящая над волнами[1].

---

[1] Строго говоря, кораблём принято называть лишь фрегат. У него не меньше трёх мачт, и на всех — прямые паруса. А остальные парусники — бриги, шхуны, бригантины, барки и баркентины — называют просто судами. Но не будем слишком придирчивы к Мальчику.

И в тетрадке своей рисовал он не лайнеры, а бриги и фрегаты. А перед сном шептал в постели названия парусов.

Лишь бы не ошиблись чайки!

Но чайки кричали правду.

Ещё до полудня вдали над береговыми крышами показались верхушки мачт, а потом из-за поворота вышел парусник.

Правда, он был без парусов. Его тянул незаметный буксирчик. Но в корпусе и мачтах, в гибкой линии форштевня и бушприта была такая стройность, такая лёгкость, что сразу все видели: судно это рождено для ветра.

Первая мачта была перечёркнута тонкими реями — перекладинами для прямых парусов. От второй и третьей протянулись над палубой длинные гики. Здесь ставились косые, как у шхуны, паруса.

— Шхуна-барк, — шёпотом сказал Мальчик. — Трёхмачтовая баркентина. Я такие только в кино видел.

— Какая кр-расавица, — сказал Чип.

Буксирчик суетился и старательно натягивал длинный трос. Слишком неуклюжим и маленьким было это судёнышко по сравнению с парусником. И поэтому казалось, что баркентина движется сама по себе. А под ней, чуть вздрагивая, плыло отражение: белый корпус с чёрными буквами названия, зыбкие жёлтые мачты и стеньги, опрокинутые в глубину. После неспокойного моря, где лишь пена да отблески на волнах, баркентина не спеша любовалась на себя в гладкой воде.

Так, по крайней мере, думал Мальчик.

У штурвала стоял моряк в полосатой фуфайке. Широкоплечий и сутулый. Больше никого на палубе не было.

Буксир завёл баркентину в гавань, к береговому причалу напротив дамбы. И сразу всё изменилось вокруг. Парусник стал главным. Мачты в тонкой паутине такелажа вознеслись над острыми крышами, над тополями, над старой церковью, поднимавшейся в глубине квартала. Берег притих от удивления. Чайки перестали шуметь и совершали над баркентиной неторопливый торжественный облёт.

Вы, конечно, догадались, что больше всего сейчас хо-

телось Мальчику оказаться там, на палубе. Так хотелось, что он даже забыл про Чипа.

Но что он мог сделать? Пойти к трапу и попроситься в гости? Никогда он не решился бы на это: не тот характер. Ждать случая? Или чуда?

Стоял яркий день, и не было, конечно, в высоте ни тучки, ни звезды. Но, сам того не заметив, Мальчик начал шептать:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя прошу...

На палубе показался человек. Тот, который стоял недавно у штурвала. Он перебросил через фальшборт ведро на верёвке и нагнулся, стараясь зачерпнуть воду.

— ...Позови мою звезду... — шёпотом сказал Мальчик.

Верёвка выскользнула из рук моряка. Мальчик пружинисто встал. Моряк, перегнувшись через планшир, видимо, поминал морских чертей и ведьм. Потом он исчез и тут же вернулся с багром. Но ведро успело отплыть от борта, а багор был короткий, и моряк не мог дотянуться.

— Подождите! Я сейчас достану! — крикнул Мальчик. И раскинул руки, чтобы ласточкой прыгнуть в воду.

— А я?! — завопил забытый Чип. — Это пр-ре-д-дательство!

— Что ты, я же только примеряюсь, как прыгнуть, — торопливо сказал Мальчик. Ему было очень неловко. — Лезь ко мне в карман, поплывём вместе.

Он оттянул нагрудный кармашек на рубашке и посадил Чипа.

— Не задохнёшься?

— Как-нибудь пр-родержусь, — ответил Чип всё ещё слегка сердито.

Мальчик скользнул в воду. До баркентины было метров восемьдесят. Он плыл среди кувшинок и всё боялся, что моряк не станет ждать, а найдёт багор подлиннее. Но тот ждал.

Белый борт парусника вырос, навис над мальчиком. Белый почти весь, только внизу, ниже ватерлинии — зелё-

ный. «Может быть, здесь, у днища, торчат где-нибудь ракушки, приросшие в Южных морях», — мельком подумал Мальчик. Но ракушек не было. Были только рыжие проплешины да колечки ржавчины вокруг заклёпок.

Мальчик подплыл к ведру, ухватился за него, как за поплавок, и глянул вверх. На фоне яркого неба он увидел голову и широкие плечи моряка. Серебристо просвечивали волосы, а лица было не разглядеть. Голосом глуховатым, но сильным моряк спросил:

— Что сначала вытаскивать? Ведро или тебя?

— Ведро! — крикнул Мальчик. — Я плаваю! Давайте багор!

Он подгрёб поближе и зацепил дужку за крюк. Ведро взмыло вверх. А через две секунды рядом с Мальчиком упал конец верёвочного трапа: два каната и просмолённые рейки-перекладинки.

-- Ну, подымайся, пловец.

Много раз он читал, как лихие матросы взлетают на борт по таким трапам. А оказалось, что это очень даже не просто. Трап гулял по воздуху, изгибался, и два раза Мальчик так стукнулся коленками о борт, что глаза застлала влажная пелена. Но всё-таки он не остановился ни на секунду. Вскарабкался до верха, перевалился через планшир и встал мокрыми босыми ногами на палубу. Доски были очень сухими и тёплыми от солнца.

Так впервые в жизни Мальчик поднялся на баркентину — прямо из воды, по штормовому трапу.

От смущения, вместо того чтобы поздороваться, он неловко сказал:

— Ну, вот... всё в порядке.

С одежды струйками бежала вода и тёмными ручейками растекалась по чистой, почти белой палубе. Мальчик переступил и с опаской посмотрел на свои мокрые следы. Потом виновато поднял глаза на моряка. Капли на ресницах играли солнечными брызгами и мешали смотреть. Мальчик поморгал, чтобы стряхнуть их, и взглянул снова.

Он стоял перед стариком. Старик был большой, с седыми кудрями и густой серебристой щетиной на лице. Лицо

было широкое и морщинистое, а глаза светлые, как голубая вода.

Старик улыбнулся, и Мальчик понял, что бояться не надо.

— По-моему, ты немного мокрый, — сказал старик. — Что же ты не разделся — и в воду?

— Боялся, что без меня ведро поймаете, — признался Мальчик.

— Да, ведро... За ведро спасибо. Ну, разденься и обсушись.

Мальчик хотел сказать, что пустяки, что он обсохнет и так. Но тут же сообразил, пока одежда будет сушиться на солнышке, он может с полным правом быть здесь, на судне.

Он расстелил мокрую рубашку и шорты на широком планшире фальшборта, а Чипа посадил на голое плечо.

— Не свались смотри, — сказал он, а старику объяснил: — Это у меня товарищ. Он маленький, но зато говорящий.

Чип застеснялся, но всё-таки подтвердил:

— Пр-равда.

— Чудеса, — сказал старик. Но сказал таким спокойным голосом, что сразу стало ясно: за свою длинную жизнь он видел чудеса похлеще.

Мальчик встал у борта и наконец широко оглянулся.

В первый миг палуба показалась ему широкой, как стадион, а мачты — бесконечными. Над палубой, в путанице трапов, поручней, канатов и блоков, поднимались белые надстройки. Синим стеклом и медью сверкали иллюминаторы. Но в этом блеске, в этом захватывающем душу переплетении такелажа и рангоута Мальчик сразу увидел главное: коричневый отполированный штурвал и узкую колонку нактоуза.

— Можно, я пойду... посмотрю? — шёпотом спросил он.

— Иди. Смотри, — сказал старик. — Смотри и трогай. Можно.

Мальчик медленно подошёл к штурвалу.

«Бом-кливер и кливер поднять! Поставить оба марселя! Шпиль пошёл! Руль — два шлага под ветер!»

Он крутнул штурвал, и тот повернулся с неожиданной лёгкостью. Над палубой с криком пронеслись чайки. Словно приветствовали нового капитана.

Мальчик тихо отпустил штурвал. И подошёл к мачте. Дерево её было жёлтым и блестящим, как у скрипки. Оно было тёплым.

Мальчик прижался к мачте плечом и щекой. Он услышал тихий и ровный гул. То ли ветер гудел в стеньгах и вантах, то ли в трюмах баркентины проснулось эхо прежних штормов...

Старик тёплыми глазами смотрел на Мальчика. И наконец сказал:

— Когда я был такой же, я тоже первый раз пришёл на парусник. И тоже слушал...

Мальчик оторвался от мачты и взглянул на моряка: неужели седой могучий старик был когда-то мальчишкой?

Старик, видимо, понял.

— О-о, это было давно, — сказал он с коротким смехом. — Тебе надо прожить шесть раз столько, сколько ты жил, чтобы прошло такое время. — Он подумал и тихо добавил: — Но это было...

Мальчику показалось, что старик слегка загрустил. Из-за него. И чтобы изменить разговор, он деловито спросил:

— А что, весь экипаж сошёл на берег? Никого, кроме вас, не видно.

Старик усмехнулся:

— Капитан сошёл на берег. А экипаж — вот он. — И хлопнул себя по груди. — Мы сейчас к ремонту готовимся, поэтому большой экипаж ни к чему.

Старика звали Альфред Мартинович. Он был родом из латышской рыбачьей деревни и всю жизнь провёл в море. Полным именем его редко называли: во все времена и на всех кораблях к нему обращались коротко и уважительно: «Мартыныч».

— Зови и ты меня так. Я привык, — сказал он Мальчику на прощание. — И не забывай, в гости приходи.

Конечно, Мальчик пришёл. На следующий же день.

На причале, недалеко от трапа, смуглый парень в разноцветных плавках обтёсывал длинное бревно. Жёлтая щепка чиркнула Мальчика по ногам, и он ускорил шаг, чтобы ещё не зацепило.

— Стой, пацан! — потребовал парень (а сам всё махал топором). — Ты куда?

— Сюда. — Мальчик показал на трап. — На борт.

— Это зачем?

— Надо, — сдержанно сказал Мальчик. Он слегка рассердился. За щепку, ударившую по ногам, и вообще. «Размахивает топором, даже не смотрит. Да ещё допрашивает. Кто он такой?»

— Неизвестно ещё, надо тебе сюда или нет, — сказал парень и воткнул топор в бревно. — Ты к кому?

— К Мартынычу.

— А по какому делу?

У него был круглый мясистый нос и подозрительные глаза.

— У каждого своё дело, — с досадой сказал Мальчик. — Я ведь тебя не спрашиваю, каким делом ты здесь занимаешься...

— А я могу сказать. Столб ставлю, чтоб электричество на ящик протянуть, а то аккумуляторов не хватает. А вот что тебе нужно?

«Это он баркентину ящиком обзывает», — подумал Мальчик. И не решил ещё, что сказать, как парня окликнули:

— Рудик!

Окликнула девушка. Обыкновенная девушка с белой сумочкой. Она этой сумочкой нетерпеливо размахивала.

— Я уже давно готова, а ты...

Рудик повернулся к баркентине и завопил:

— Дед! Кинь из каюты мои манатки, я отчаливаю!

На борту появился Мартыныч. Улыбнулся Мальчику, а Рудику бросил свёрток с одеждой. Рудик запрыгал, натягивая брюки.

— Тут к тебе какой-то салажонок просится, — ворчливо обратился он к Мартынычу. — Гляди, чтоб он не свинтил чего на судне.

— Вы, Рудольф Петрович, идите... — медленно сказал Мартыныч.

— Чего?

— Идите. Гуляйте. Ничего. Я тут побуду, мне всё равно спешить некуда.

— Ах, да... — Рудик чуть смутился. — Я и забыл, что сейчас моя вахта... Ну ладно, дед, я ненадолго. Потом сочтёмся. Гуд бай.

— Кто он? — спросил Мальчик у Мартыныча, когда поднялся на палубу.

— Рудольф? Ну как же. Капитан.

— Мартыныч! — жалобно сказал Мальчик. — Вы шутите, да?

— Почему? Я правду говорю. Начальство назначило.

Мальчик вздохнул:

— А я с ним поспорил...

Мартыныч ладонью накрыл его голову, повернул к себе, взъерошил волосы.

— Мальчик... Никогда ничего не бойся... Ну, поспорил. Разве это обязательно плохо?

— Я не боюсь. Просто обидно. Он не похож на капитана. Неужели он командовал баркентиной в морях и океанах?

Старик засмеялся.

— Он не командовал баркентиной. Тот, кто командовал, сейчас на четырёхмачтовом барке «Лисянский». О, это настоящий моряк. Если даже ветер голосил в вантах, как тысяча ведьм, он всё равно не спускал бом-брамсель. Вот так...

— А этот... Рудик?

— А у него дело простое: сдать судно в ремонт, когда в доке место освободится. Видишь, как вышло: он недавно закончил мореходку, назначили его на большой танкер младшим помощником. А танкер этот сейчас в плавании. Ну вот ему и велели здесь командовать. Пока нас в док не заберут.

— Ух, ну ясно, — облегчённо сказал Мальчик. — Значит, он капитан просто так, пока. Не по правде.

— Ну, значит... По правде здесь надо паруса знать. А он фор-марсель от крюйс-топселя не отличит.

— Ну уж! Как это так? — сказал Мальчик, слегка гордясь своим знанием. — Можно кливер с фор-стень-стакселем спутать или верхний марсель с брамселем. Но как можно спутать с чем-нибудь крюйс-топсель?

— О-о! — удивился Мартыныч. — Я вижу, что ты не просто так. Ты знаешь. Нам будет про что говорить. Не надо стоять на палубе, мы пойдём в каюту. И будем беседовать за кружкой крепкого... ну, не рома, конечно, а чая. Я думаю, это будет хорошо.

— Конечно! — радостно согласился Мальчик. — Только я сбегаю за Чипом, а то он обидится.

Некоторые взрослые говорят, что полного счастья не бывает. Это чушь. Спросите Мальчика, и он скажет, что был счастлив полностью в те дни. Утром он сажал в карман Чипа и спешил на баркентину. Без неё он не мог.

Они с Чипом изучили здесь каждый уголок. Чип прыгал по судну и прятался, а Мальчик искал. Это была отличная игра.

Чип любил скакать по сухой тёплой палубе. Мальчику нравилось забираться во все закоулки. Только подниматься по вантам на высокие марсовые площадки Мартыныч не разрешал.

Иногда Мальчик вставал на спардеке — верхней палубе посреди баркентины — и поднимал голову. Шелестел в канатах южный ветер. Мачты уходили в синеву. И всё вокруг было как музыка.

Потом звал Мальчика Мартыныч. Они сидели в боцманской каюте, пили коричневый чай с батоном и говорили о морской жизни. О плаваниях в Ла-Манше, когда туман дрожит от сотен корабельных сирен. О том, как отходить от пирса под гротом и стакселем в навальный ветер. О знойных штилях у экватора. Старик учил Мальчика вя-

зать морские узлы и заплетать на концах пеньковых тросов тугие шарики — кнопы.

— Мартыныч, а вы были капитаном? — спросил один раз Мальчик.

— Не был... Не пришлось научиться. Парусные баркасы водил вдоль побережья, но это не совсем капитанская наука. Был я, Мальчик, парусным мастером. Боцманом. Корабельным плотником. А когда начинал плавать, был вторым помощником на шхуне «Сирена».

— Помощником капитана?

Мартыныч засмеялся:

— Помощником кока, Мальчик. Мыл кастрюли, чистил картошку. Это ведь тоже надо. Моряк — не обязательно капитан. Моряк — это кто не может без моря... Ну, ты, я думаю, будешь капитаном.

— А кто будет капитаном баркентины, когда её починят?

Мартыныч поставил кружку и вздохнул

— Да уж никто. Она своё отходила.

— Как? Совсем?!

— Совсем. С виду она хороша, а внутри расшаталась.

Это было так неожиданно и грустно. Даже Чип, который сидел у сахарницы, растерянно приоткрыл рот.

— Но тогда зачем?.. — растерянно сказал Мальчик. — Почему же её хотят ремонтировать?

— А вот почему. Решили её пристроить для другого дела. Поставят её у набережной и откроют плавучий ресторан. Говорят, много народу будет ходить, потому что интересно.

— Мальчик вскочил, и сахарница опрокинулась, чуть не придавив Чипа.

— Но это же... Так же нельзя! Ведь она же — корабль, а не ресторан.

Мартыныч покачал головой.

— Я знаю. Я говорил, что это не будет хорошо. Корабли должны умирать, как корабли. Они это заслужили.

— Вас не послушали?

— Что же делать... — сказал Мартыныч.

...Ночью был ветер, и Мальчику приснилось, что баркентина скрипит и жалуется. Она говорила двум сейнерам, которые пришвартовались по соседству:

«Лучше бы я разбилась о камни в том году, когда шторм прижимал меня к норвежскому берегу. Честное слово. Или сгорела бы вместе с танкером «Осака-мару» у Борнхольма. Он ведь был рядом, когда начался пожар. Это всё-таки лучше, чем служить танцплощадкой и местом для выпивки. Страшно подумать, что на палубу станут капать соусом и все, кто захочет, будут хвататься за штурвал липкими от шашлыков руками... Если уж я ни на что не гожусь, разобрали бы по-честному на дрова».

«Зачем же на дрова? — прошептал Мальчик. — Разве нельзя, чтобы ты стояла, как стоишь? Те, кто хочет, кто любит парусники, приходили бы к тебе и смотрели бы на мачты, на штурвал, на компас. Ребята играли бы в моряков, а Мартыныч рассказывал бы про дальние плавания...»

Но баркентина не слышала. Она скрипела и тихо жаловалась, а сейнеры вежливо кивали короткими мачтами. Им не грозила такая судьба, их ждала Атлантика.

В просветах летучих и тёмных облаков разгоралась звезда. Она тоже слушала баркентину, но, видимо, не знала, как помочь.

Мальчик продолжал ходить на баркентину. Теперь он не только любил её, но и жалел, как больного друга. Она казалась живой, и однажды Мальчик признался в этом Мартынычу.

— Ну да, — согласился Мартыныч. — Так бывает. Для хорошего моряка корабль всегда живой.

— Но ведь я ещё не моряк.

Мартыныч улыбнулся и промолчал.

Мальчик спросил:

— Говорят, парусников на свете всё меньше и меньше остаётся. Говорят, их скоро совсем не будет. Правда?

Мартыныч умел объяснять коротко.

— Неправда. Когда появились машины, глупые люди го-

ворили, что на свете не останется лошадей. Разве это так? Паруса будут всегда, пока есть на свете три вещи.

— Какие?

— Ты и сам знаешь. Очень просто. Во-первых, море... Во-вторых...

— Во-вторых, ветер! А в-третьих?

Мартыныч затянулся сигаретой и серьёзно сказал:

— Люди, Мальчик. Такие, как ты.

Однажды они беседовали, сидя на палубе у брашпиля, и тут появился Рудик. Хмуро глянул на Мальчика.

— Слушай, дед, что он всё время здесь отирается? Сам знаешь, посторонним на судне делать нечего.

— Какой же он посторонний? — сказал Мартыныч.

— А кто он? Родственник твой, что ли?

— Может быть, родственник. Скажем, внук.

— Ты же говорил, что у тебя никого нет.

— С внуками, Рудольф Петрович, всегда так: сначала нет, а потом есть, — усмехнулся Мартыныч.

Рудик махнул рукой и ушёл. На причале его опять ждала девушка.

Мальчик осторожно спросил:

— Мартыныч... А у вас правда никого?

— Да. Так вот вышло. На берегу жизнь не получилась. Только и знал я корабли. Это не очень хорошо. Надо, чтобы кто-то ждал на берегу.

«Теперь я буду ждать вас», — хотел сказать Мальчик, но постеснялся. И спросил:

— А когда баркентина... когда её не будет, вы на какой парусник пойдёте, Мартыныч?

— Ни на какой, — просто сказал старик. — Мы с ней кончаем вместе. Пора на пенсию.

— Совсем?

— Совсем. Когда-то надо кончать совсем. Поеду в деревню, где родился. Буду рыбу ловить и сети чинить рыбакам.

— Но ведь там, в деревне... У вас же там нет никого.

— Всё равно. Берег там мой.

— Какой ты к-рра-сивый, — сказал Чип, когда Мальчик появился на дамбе. И даже слегка прикквакнул от удивления.

Мальчик был в бело-голубом костюмчике, который делал его похожим не то на юнгу со сказочного брига «Семь ветров», не то на маленького воздушного гимнаста из цирка.

— Ты просто пр-ре-красно выглядишь, — продолжал Чип, и в голосе его проскальзывала лёгкая зависть.

Но Мальчик с досадой сказал:

— Что тут прекрасного... У взрослых смешная привычка: если у человека день рождения, значит, надо его наряжать, будто куклу. Разве это правильно? В день рождения должно быть весело, а тут ходишь и только смотришь, чтоб не запачкаться, не зацепиться, не порвать... Ну, я не спорил, конечно, чтоб настроение не портить родителям. Всё же они для меня старались. И всё равно взрослых не перевоспитаешь...

Но тут Мальчик подумал, что долго ведёт разговор о себе, а для Чипа не сказал ещё хорошего слова. Осторожно, чтобы не коснуться мокрых свай, он сел на корточки перед лягушонком.

— А как твои дела, Чип? Хорошо?

— Хор-рошо. А что такое день рождения?

— Ну... Это такой праздник. У каждого. Ну, кто родился, тогда и праздник у него... Вот ты, Чип, когда вылупился из икринки?

— Я не помню, — рассеянно сказал Чип.

Мальчику стало неловко. Ведь он знал, что Чип давно живёт один, а родители у него неизвестно куда подевались. Кто же скажет Чипу, когда он появился на свет? А документов у лягушек не бывает.

— Это ведь неважно, — бодро сказал Мальчик, чтобы исправить ошибку. — Каждый имеет право выбрать себе день рождения, какой хочет... Вот ты выбери себе день, и тебя будут поздравлять и дарить подарки...

— Кто? — удивился Чип.

— Ну... я буду.

— А если день рождения, обязательно дарят по-дар-рки?

— Кажется, обязательно... Папа мне подарил толстый «Морской словарь», а мама электрическую железную дорогу. Вот с такими вагончиками. Хочешь, покатаю?

Чип немного помолчал, хитро блестя глазками. И спросил:

— У тебя есть удочка?

— Нет. Зачем? Я не люблю ловить рыбу.

— Ну тогда просто нитка. Или верёвочка. И кр-рючок.

— А зачем?

— Ну, надо, — сказал Чип настойчиво и даже чуть капризно.

Мальчик выбрался на берег, отыскал кусочек медной проволоки и согнул крючок. Потом подобрал на причале обрывок пенькового троса. Трос он расплёл, а прядки связал между собой. С такой вот «удочкой» Мальчик и вернулся к Чипу.

Чип лапками ухватил крючок и скакнул в воду.

Его не было минут пять. Мальчик так забеспокоился, что почти забыл про свой «именинный» костюм и хотел уже лечь животом на сваи, заглянуть в глубину: «Чип, где ты?»

Но смеющийся Чип ловко вылетел из воды и крикнул:

— Тащи!

Мальчик потянул «удочку».

Что-то серебристое моталось на крючке. Но не рыбка. Мальчик взял добычу на ладонь. Это было зеркальце.

Квадратное зеркальце, чуть поменьше карманного, аккуратненькое такое и довольно тяжёлое. Оно было в металлической рамке с двумя винтами. У винтов были большие медные головки. За одну из них Чип и прицепил крючок.

И теперь он важно объяснил:

— Это от меня по-дар-рок.

Мальчик опять сел на корточки.

— Спасибо, Чип, — сказал он, стараясь догадаться, что же это за штука.

Чип ловко и привычно прыгнул ему на колено.

— Ты не думай, что это зеркальце пр-ростое...

И рассказал вот что.

В начале этого лета к дамбе, прямо вот здесь, пришвартовался рыбацкий траулер «Сан-риоль». Однажды вечером на палубу поднялся человек, который назывался «штур-рман». Он подошёл к борту и стал вертеть в руках сложную штуку. Он то заглядывал в чёрную трубку, то поворачивал какие-то винты. Чип тогда ещё только учился говорить и поэтому запоминал все незнакомые слова особенно старательно. Он запомнил, что сложная штука называется «секстан». Через него моряки зачем-то смотрят на звёзды.

Штурман был недоволен. Он громко разговаривал сам с собой и утверждал, что эта капризная штука называется не «секстан», а «утиль». Но Чипу казалось почему-то, что это неправда.

Потом штурман стал вертеть секстан, уже не заглядывая в трубку. И вдруг с борта полетело и ушло под воду зеркальце. Штурман громко охнул. Поднялся переполох, сбежались моряки. Шум был большой, а слова такие, что Чип не мог ни понять, ни запомнить. Два человека сняли штаны и рубахи и стали нырять, но зеркальца не нашли. Оно попало в щель между сваями.

Чип не решился сказать людям, где зеркальце. Он разговаривал тогда неважно и очень стеснялся.

Через день траулер ушёл, а Чип остался владельцем сокровища.

Конечно, это было для Чипа сокровище. Ведь он уже тогда мечтал о путешествиях. Он знал, что рыбацкие суда плавают по всем океанам и, значит, в зеркальце секстана отражалась масса приключений, дальних берегов и незнакомых звёзд. В том числе и знаменитый Южный Крест.

Иногда Чип садился перед щелью, где застряло зеркальце, и шёпотом просил: «Расскажи». И казалось, что оно рассказывает. О пронзительно-синих глубинах дальних морей, где спят жемчужные раковины и затонувшие корабли, об удивительных рыбах, похожих на птиц, и громадных морских черепахах, о берегах, где шелестят пальмы и греются на солнце львы. Наверно, это просто казалось. Но было Чипу хорошо.

А сейчас он подарил зеркальце Мальчику. Надо же что-то подарить! А кроме зеркальца, у Чипа ничего не было.

— Милый мой, дорогой, хороший Чип, — шёпотом сказал Мальчик. — Это самый-самый чудесный подарок...

...Сами понимаете, Мальчик тут же заглянул в зеркальце. Оно и вправду было непростым. Будто свет далёких звёзд покрыл его невидимой волшебной плёнкой. Небо отражалось в нём удивительно чистой и звонкой синевой, жёлтые кувшинки сверкали, как брызги салюта, а солнце светило в два раза сильнее, хотя, казалось бы, ярче было некуда.

А когда Мальчик увидел в зеркальце баркентину, ему почудилось на секунду, что с реев фок-мачты падают, распускаясь, и наливаются ветром лёгкие снежные паруса.

Только на секунду. Но секунда мелькнула, а радость не прошла. И Мальчик весело сказал:

— Чип, бежим к Мартынычу! Что нам здесь сидеть. Прыгай сюда! — И он оттянул нагрудный кармашек.

— Я же мок-р-рый! — засомневался Чип. — А карман новый!

— Ну что за чепуха! Прыгай.

Чип катапультировал с колена вверх, перевернулся и головой вперёд нырнул в карман — голубой, с белыми полосками и серебристым вышитым якорем. В другой такой же карман Мальчик положил зеркальце. Потом он спросил у Чипа:

— Ну, как?

— Здесь уд-дивительно пр-риятно, — сказал из кармашка Чип.

— У него сегодня день рождения! — сообщил Чип Мартынычу, едва Мальчик поднялся на палубу.

— Ну? — удивился Мартыныч. — Вот я и смотрю, что Мальчик похож на именинника. Прямо капитан. Столько якорей и полосок, что хоть сейчас на вахту.

— Да ну, Мартыныч, не смейтесь, — сказал Мальчик.

— Я только чуть-чуть смеюсь. А насчёт вахты — прав-

да. Я хочу купить сигарет. Можешь здесь побыть, пока я буду ходить в магазин?

— Конечно! А что надо делать?

— Ничего. Играй. Если кто-нибудь спросит, скажи, что сейчас приду.

Мартыныч хитрил. В каюте у него лежала почти полная пачка сигарет «Рига». А пошёл он, чтобы купить какой-нибудь подарок Мальчику...

Баркентина, как всегда, блестела удивительно чистым деревом и жёлтым лаком. Здесь можно было не бояться испачкаться, хоть катайся кубарем по всем палубам и трапам.

— Играем в пр-рятки! — крикнул Чип и длинными прыжками помчался вдоль палубы. Играть с ним было непросто. Он забирался в такие щели, что и с фонарём не разыщешь.

Но сейчас Мальчик заметил, куда ускакал Чип. Лягушонок спрятался за стойку трапа, ведущего на спардек.

Мальчик подбежал, встал на колени и заглянул под нижнюю ступеньку.

— Вот ты где! Вылезай!

— Это неспр-раведливо! — завозмущался Чип. — Ты не сосчитал до пяти и ср-разу бр-росился!

— Нет, справедливо! Если я буду считать, ты ускачешь за тридевять земель!

— Нет, не за тр-ридевять... — Чип мелко и часто задышал. Это означало, что он обиделся.

И в этот миг Мальчик заметил краешком глаза чью-то тень. Она упала рядом с ним на солнечную палубу. Кто-то стоял над Мальчиком, и это был не Мартыныч: старик не мог подойти так бесшумно.

— Чип, в карман, — скомандовал Мальчик тихо, но так строго, что лягушонок в тот же миг прыгнул из укрытия в отвисший карман рубашки.

Лишь тогда Мальчик оглянулся. И увидел Рудика.

— Где старик? — хмуро поинтересовался Рудик.

— Пошёл за сигаретами.

— Он что, спятил? Оставил судно без присмотра!

— Мартыныч меня попросил здесь побыть, — заступился Мальчик. — Он же только на пять минут...

— Что старый, что малый — ума одинаково, — совсем разозлился Рудик. — Ну ладно, мы поговорим с ним.

Мальчик обиделся. Сильно. Не за себя, конечно, а за Мартыныча. Он сел на ступеньку трапа и снизу вверх бесстрашно посмотрел на Рудика.

— Между прочим, — отчётливо сказал он, — сейчас не Мартыныча вахта. Так что неизвестно ещё, кто спятил.

Рудик поморгал растерянно, пожевал губами и наконец спросил:

— Слушай, а ты не думаешь, что за такие слова я могу треснуть тебя по шее?

— Можешь. Это ведь безопасно. Я сдачи дать не сумею.

Рудик отступил на шаг и взглянул на неожиданного спорщика с интересом.

— Слушай, а почему ты, между прочим, говоришь мне «ты»?

— А как надо? «Вы»? — язвительно спросил Мальчик.

— А почему бы и нет? Я, кажется, старше тебя.

— Мартыныч тебя тоже старше, а ты с ним как разговариваешь?

— Ну вот что. Выметайся на берег и больше не суйся на судно.

Мальчик встал. Не обернувшись даже, он легко прыгнул вверх, на две ступеньки трапа, и взбежал на спардек. Оттуда, с высоты двух метров, он совсем уже безбоязненно ответил:

— Зря распоряжаешься. Я не к тебе прихожу, я к Мартынычу.

— Больше не будешь приходить, — сказал Рудик, измеряя взглядом высоту трапа.

— Буду! — весело и отчаянно сказал Мальчик.

— Не будешь, — сказал Рудик. — Всё равно завтра это корыто в док уволокут.

— Завтра? — спросил Мальчик растерянно. — Уже?

Он знал, что это будет, но не верил, что так скоро.

Значит, опустеет причал.

Уедет Мартыныч.

Останутся они вдвоём с Чипом. И будет им не очень-то весело.

И всё же не это главное. Главное — сама баркентина.

— Значит, сделают из неё ресторан? — тихо спросил Мальчик.

— Само собой. Подлатают, покрасят, поставят у Большого моста. Вывеску повесят: «Добро пожаловать, дорогие посетители. Заходите на кружечку пива».

Мальчик прищурился.

— А ты и рад.

— А чего мне плакать? Всю жизнь я, что ли, должен караулить эту посудину? — Рудик смотрел уже не сердито, а с усмешкой.

А в Мальчике закипела злая досада.

— Я не про то, — сказал он. — Караулить, конечно, плохо. Но ты... Она же как живая, а ты радуешься, что её убьют.

— Ах, какие нежности! «Живая»! «Убьют»! По-твоему, лучше, если её пустят на дрова?

— Лучше! — с отчаянной убеждённостью сказал Мальчик. — В сто миллионов раз лучше! Ты просто не понимаешь! Ты не понимаешь ни-че-го!

— Умник! — опять разозлился Рудик. — Философ...

Вообще-то в слове «философ» не было ничего обидного, но каким голосом он это сказал! Будто о бумажке какой-нибудь. И словно гребнем волны Мальчика хлестнула короткая злоба. За себя, за Мартыныча, за баркентину.

— А ты... — со звоном сказал он. — Ты трус!

Рудик откачнулся, словно для того, чтобы взять разбег по трапу. Но не сделал ни шагу.

— Интересно... почему я трус?

— Потому что ты её боишься. — Мальчик повёл рукой над баркентиной. — Я теперь знаю: ты её ненавидишь, потому что боишься. Ты знаешь, что не справился бы с ней. Ты никогда не смог бы командовать ею в море! Там паруса и ветер! А ты... Ты же не отличишь бом-кливер от апселя! Какой ты капитан!..

Рудик прыгнул вверх по трапу. Мальчик пронёсся через спардек, слыша за собой тяжёлый топот, слетел вниз по второму трапу, промчался между фальшбортом и надстройками на корму. Рудик не отставал. Мальчик прыгнул на планшир, а с него — на ванты бизань-мачты.

— Не смей! — крикнул Рудик.

Мальчик не ответил. Мартыныч не разрешал подниматься на ванты, но теперь было всё равно. Легко, почти бегом, начал Мальчик взбираться по зыбким перекладинам. Ванты тяжело заколебались: Рудик лез по пятам.

Только один раз Мальчик посмотрел вниз. Он не опасался, что Рудик догонит. Потом он, не слушая криков Рудика, смотрел всё время вверх, на полукруглую площадку крюйс-марса, которая становилась всё ближе.

Стучало сердце. Но не от страха. Мальчик не боялся высоты. Не боялся он и ветра, который всё нарастал и обтекал его ровным шумящим потоком (рукава у локтей и широкий белый воротник трепетали как флажки).

И вот марсовая площадка оказалась над головой. В квадратном вырезе ярко синело небо. Изловчившись, Мальчик ухватился за край, подтянулся и выбрался на марс.

Ух какой огромный был мир! И небо, и облака, похожие на тугие паруса. Отсюда, с двадцатиметровой высоты, река вовсе не казалась широкой, зато совсем близко, за игрушечными крышами, башнями и колокольнями серебристо-синей стеной вставало бескрайнее море.

— Чип, смотри, — торопливо сказал Мальчик и высадил малыша на ладонь.

Чип затих.

— Тебе страшно? — спросил Мальчик.

Чип шёпотом сказал:

— Мне ни к-капельки не стр-рашно. Пр-росто я не мог пр-редставить...

Из квадратного отверстия показалась голова Рудика. Лоб его был мокрым, волосы спутались.

— Слушай, спускайся давай, — миролюбиво попросил он. — А то нам обоим попадёт.

— Чип, в карман.

Мальчик не взглянул на Рудика и скользнул в люк на другом краю площадки.

Теперь они спускались по разным вантам: Рудик старым путём, а Мальчик — к другому борту. Чем ниже, тем злее делался Рудик.

— Акробат недорезанный! — ругался он. — Башку свернёшь, а мне отвечать, да?

— Сам не сверни, — откликнулся Мальчик.

Рудик с трёх метров прыгнул на палубу и кинулся к другому борту, чтобы сцапать мальчишку.

Но Мальчик увернулся.

— Душу выну, — сказал Рудик.

Мальчик убежал на нос и прыгнул на гладкое наклонное бревно бушприта. Бушприт был толстый, не обхватить, и под ним натянута была предохранительная сеть. Но всё-таки Мальчик думал, что Рудик сюда не пойдёт и можно будет дождаться Мартыныча.

Рудик пошёл.

Мальчик, покачиваясь, побежал вперёд. Бежал, пока под ногами не оказался нок бушприта — узкий, выкрашенный белым конец. Мальчик взялся за штаг — стальной трос, идущий к верхушке мачты, — и повернулся к Рудику лицом. Тот подходил осторожно и всё-таки неотвратимо.

— Ну, всё, — с удовольствием произнёс он, когда был в трёх шагах.

И тут, взявшись передними лапками за край кармашка, высунулся Чип.

— Убир-райся! — потребовал он. — Пр-рочь!

Рудик никогда не видел говорящих лягушат. Понятно, что он вздрогнул. А когда идёшь по бушприту, вздрагивать не надо. Нога у него скользнула с гладкого ствола, Рудик замахал руками и полетел в сеть.

Он даже зарычал, стараясь выбраться к форштевню и опередить мальчишку.

Но Мальчик не спешил на палубу. Ему надоела эта пустая игра. Злой задор его угас. Надо было уходить. Не убегать, не спасаться, а уйти, чтобы навсегда остаться победителем.

До воды было метров пять или шесть, но сейчас эта высота казалась нестрашной по сравнению с высотой марсовой площадки.

Мальчик щекой коснулся стального штага: прощай, баркентина. Потом ладошкой прикрыл карман с Чипом и прыгнул солдатиком...

— Жив? — спросил Мальчик у Чипа, когда выбрались на дамбу.

— Вот это пр-риключение! — затараторил Чип. От возбуждения он рассыпал свои «р-р», как горох по палубе. — Я думал, мы угр-робимся! Вот это тр-рюк! А как я его перрепугал! Как он тр-рахнулся!

— Чип, а как ты узнал, что Рудик нас догоняет?

Чип немного смутился.

— Смотр-рел. Я в кармане проковырял дыр-рочку. Кр-рошечную. Ты не сердишься?

— Не сержусь... Чип, я побегу домой. Надо высушить и выгладить одежду, пока не пришли мама с папой. Ведь что будет, если я им в таком виде покажусь...

— Стр-рах подумать, —согласился Чип.

— Они хотели купить сегодня торт к чаю. Всё-таки день рождения... Слушай, Чип... Я бы тебя пригласил, но ведь поднимется такой переполох. Да ты и не ешь торт.

— Я питаюсь комар-рами, — гордо сказал Чип...

Вечер оказался невесёлым. Давно уже Мальчик высушил и выгладил свою праздничную одежду, а мама с папой всё не приходили. Мальчик не знал, что они во всех магазинах ищут Самый Лучший Торт, и ему было грустно.

И стало бы совсем плохо, если бы не подарок Чипа. Мальчик взял в ладони зеркальце. То зеркальце, в котором отражались когда-то южные звёзды и айсберги, ураганные волны и стаи летучих рыб. Оно будто согревало ладони и нашёптывало сказки.

Мальчик сел на подоконник. Сейчас в зеркальце отражалась улица. Булыжная мостовая с травинками среди камней, старые дома с высокими крышами, маленькая девочка со скакалкой и тополя с последними отблесками солнца на верхушках.

Над тополями поднимались мачты баркентины.

Завтра этих мачт уже не будет. Баркентину уведут в док, подремонтируют, а потом... Потом она уже не будет кораблём. Запах жареных котлет вытеснит из всех закоулков запахи моря и просмолённых канатов.

Ну чем он мог ей помочь?

Солнце совсем ушло, только на маленькой тучке, лёгкой и белой, задержался его последний свет. Пониже тучки разгоралась звезда. Та самая.

Посмотришь на улицу — звезда чуть видна. Посмотришь в зеркальце — она там яркая-яркая. Видно, зеркальце и в самом деле «не пр-ростое».

Оттого, что было невесело, Мальчик вспомнил считалку. Она ведь помогала в трудные минуты. Нет, он ничего особенного не хотел, просто так он начал говорить эти слова:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя прошу:
Прогони мою беду,
Позови мою звезду.
Пусть она, как яркий лазер,
Луч пошлёт...

В этот миг показалось ему, что звезда стала ещё ярче и разбросала по сторонам тонкие, как струны, лучи. Будто даже один луч ударился в зеркальце и со стеклянным звоном ушёл в сторону. Но это уж точно показалось. Наверно, из-за того, что в коридоре весело затарахтел звонок.

Пришли родители.

Торт, который они принесли, был размером почти со штурвал. Его украшал кремовый корабль с пушками, флагами и пузатыми парусами. А по краям торта мама воткнула одиннадцать тонких свечек.

Электричество не включали, и, когда свечки зажглись, на стены лёг розовый свет.

— Дуй, — сказал папа. — Если погасишь всё разом, сбудется любое желание.

Мальчик зажмурился и дунул.

Никто не знает, о чём он думал в тот миг. О баркентине, или о том, что хочет стать капитаном, или ещё о чём-то.

Он никому про это не говорил.

Свечки погасли сразу.

Но когда Мальчик открыл глаза, розовый свет всё равно дрожал на стенах.

Мальчик вздрогнул и повернулся к окну. Над тополями стояло зарево.

— Баркентина!

Мальчик толкнул плечом раму и прыгнул на улицу.

Баркентина горела. Бизань-мачта и грот-мачта рухнули в реку. С фок-мачты падали горящие реи. Пылали надстройки. Вдоль причала метался пожарный катер, захлёстывая баркентину шипучими струями. Но огонь упрямо перебирался на фальшборт.

Мальчик с разбегу врезался в толпу и увидел Рудика и Мартыныча.

Рудик доказывал:

— Что вы, граждане, какие окурки? Какая печка? Никто не виноват! Она загорелась сверху? Вон ребята с сейнера могут подтвердить!

Мартыныч молчал.

Мальчик подошёл и взял его за руку.

— Долго я живу, а такого не видел, — тихо сказал Мартыныч. — Сначала вспыхнул бом-брам-рей на фок-мачте. Потом крюйс- и грот-стеньга. А потом огонь побежал по мачтам вниз.

В толпе говорили:

— Так от молнии загораются деревья. С верхушки и разом.

— Что вы, гражданин! Какая молния в такую погоду?

— В том-то и дело.

И никто-никто не мог подумать, что из дальней дали жгучая звезда послала на Землю луч, чтобы спасти свою сестру.

Только Мальчик думал об этом. Но и он точно не знал, так это или нет...

Катер зашёл с кормы и начал поливать надстройки на юте. И тут же, как спичка, вспыхнул бушприт...

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА, В КОТОРОЙ НИЧЕГО НЕ КОНЧАЕТСЯ

Потом наступила осень.

Буксир увёл обгоревший корпус баркентины.

Остался торчать на причале столб с оборванными проводами — тот, что поставил когда-то Рудик. Рыбаки с траулера «Вихрь» подняли со дна и положили к столбу якорь с баркентины, который сорвался во время пожара.

Мальчик синим карандашом написал на столбе название.

Мартыныч уехал в деревню. На прощание он сказал Мальчику:

— Не успел я найти тебе подарок. Но потом будет. Это точно.

Рудик поступил помощником на танкер.

Задувал норд-вест и приносил пасмурные облака. Трава на причале прижималась к земле, а река делалась серой.

Мальчик продолжал ходить на дамбу. Он был теперь в школьной форме, такой же серой, как вода и небо.

Чип вылезал из воды озябший и невесёлый.

Однажды он сказал:

— Всё. Пора устраиваться до весны. Ох, как скучно спать всю зиму. Хоть бы сны были интер-ресные.

Мальчик молчал. Что он мог сказать?

— Весной обязательно приходи, — сказал Чип.

— Конечно!

— Ну, пр-рощай...

«Почему только в сказках бывают чудеса? — думал Мальчик. — Только в сказках лягушки превращаются в принцесс и принцев? Вот если бы по правде так!»

И не надо никакого принца. Пусть бы превратился Чип в обыкновенного мальчишку. Ведь у него и характер мальчишечий, и кровь горячая, и мысли человеческие.

Один раз Мальчику даже приснилось такое чудо. Чип с размаху выпрыгнул из воды на дамбу и вдруг вспыхнул, будто кучка зелёного пороху. А из облачка белого дыма появился босоногий худенький мальчишка с капельками в волосах и жёлтым лепестком кувшинки, прилипшим к щеке. В ярко-зелёных шортиках и рубашке салатного цвета. У него было круглое лицо с большим весёлым ртом и тёмные озорные глаза.

«Пр-равда я похож?» — спросил он знакомым голосом и засмеялся. На подбородке у него дрожала маленькая капля.

И так всё было отчётливо: эта капля, длинная нитка водоросли, прицепившаяся к пуговице рубашки, и солнечные точки в глазах Чипа, — что Мальчик и подумать не мог, будто это сон. А когда проснулся, чуть не заплакал от досады. И тут же решил: надо что-то делать.

Но что? Так просто это не придумаешь.

Нужна была помощь.

И пока Чип в своей «квар-ртире» смотрел сны про коралловые острова и пальмы, Мальчик писал письма.

Он написал в Академию наук доктору Великанову, потом знакомому путешественнику-биологу Дворкину, который однажды выступал у них в пионерском лагере, и знаменитым писателям-фантастам братьям Саргацким.

И во всех письмах Мальчик спрашивал: нельзя ли маленького, но смелого и умного лягушонка (к тому же говорящего) превратить в обыкновенного мальчишку?

Биолог Дворкин ответил, что никогда о таких вещах не слышал. Он спрашивал, не приснился ли вообще этот странный лягушонок Мальчику. Из Академии наук пришёл солидный пакет с большими печатями. Третий заместитель секретаря доктора Великанова сообщал, что интересующая Мальчика проблема сейчас как раз усиленно изучается и вопрос, возможно, будет решён в первом квартале будущего года.

Братья Саргацкие прислали подробное письмо. Они утверждали, что задача не такая уж сложная. «В конце концов, — говорилось в ответе, — встречаются ведь иногда существа, очень похожие на настоящих людей, а на самом деле они — большие глупые лягушки с холодной кровью. Кто-то их превратил. Так почему не может быть наоборот? Почему нельзя превратить в мальчика лягушонка, у которого смелое мальчишечье сердце? Нужно только знать соответствующее заклинание и вычислить вектор М-поля по формуле профессора Эжена дю Плодока».

Заклинание Мальчик знал. Это была всё та же звёздная считалка. А вектор он собирался вычислить в математическом кружке, в который специально записался.

Оставалось только дождаться весны, когда проснётся Чип. И Мальчик считал дни. Зимой он не ждал ничего интересного.

Но в декабре случилось Неожиданное Событие.

Декабрь был снежный и тёплый. Река не замёрзла. Лишь изредка чёрная зимняя вода покрывалась игольчатым ледком, но его быстро ломали большие корабли. Они по-прежнему приходили с моря.

Белые мохнатые шапки лежали на головах каменных львов, охранявших старую крепость, на подстриженных кустах и причальных тумбах. А на тротуарах там и тут попадались под ногами еловые веточки. Это означало, что скоро Новый год.

В один из таких дней Мальчик вернулся из школы и нашёл в ящике для газет Почтовое Извещение. Вот какой там был адрес:

Южная улица, дом 7, квартира 3,
Мальчику, Который Знает Все Паруса.

Мальчик бросил в угол портфель и побежал на почту.

Разумеется, он волновался. Никогда он не получал таких важных Почтовых Извещений. Даже обычные письма

ему приходили всего два раза: писала их девочка, с которой он подружился в пионерском лагере. Два раза написала, а потом перестала.

На почте пахло сургучом и мандаринами. Строгая женщина в блестящих очках взяла у Мальчика Извещение и долго его рассматривала.

— Странно, — произнесла она. — Почему же здесь нет имени?

— Я не знаю, — обеспокоенно сказал Мальчик. — Но эта посылка именно мне. Честное слово!

— Сомнительно, — сухо возразила женщина. — Мало ли мальчиков увлекается парусами.

— Одно дело — увлекаться, а другое дело — знать, — сказал Мальчик слегка обиженно. — Не каждый ведь знает, что такое летучий кливер, крюйс-брамсель или грот-брам-стень-стаксель...

Но тут он испугался, что его сочтут хвастуном, и добавил почти виновато:

— А кроме того, на Южной улице, в доме номер семь, кроме меня, всё равно нет никаких мальчиков.

— Тогда другое дело, — сказала женщина. — Распишись вот здесь.

А потом она дала Мальчику фанерный ящичек, обшитый серой парусиной.

В ящичке что-то постукивало. Словно кто-то маленький и живой хотел выбраться на волю, но не решался поднимать слишком большой шум.

Мальчик шагал домой по набережной. Он шёл быстро, но ещё быстрее вырастало его любопытство. И он не выдержал.

Он смахнул с причальной тумбы снеговую шапку, сел и стал разламывать ногтями сургучные печати.

Потом вспомнил про ножик. Этот ножик подарила та самая девочка, которая потом писала письма.

Острым лезвием распорол Мальчик материю и оторвал фанерную крышку.

В ящике было что-то непонятное, завёрнутое в газету. А сверху лежало письмо...

Из переулков и густых скверов уже ползли к реке сизые сумерки, но здесь, на берегу, светил фонарь. Мальчик разорвал конверт и развернул лист.

Письмо было от Мартыныча.

Крупными аккуратными буквами старик писал про свою нынешнюю нехитрую жизнь. Писал, что живёт в деревне, где над острыми крышами поднимается, как синие свечки, тёплый дым, а во дворах спят под снежными шубами перевёрнутые рыбачьи баркасы. Рассказывал, что мастерит соседским ребятишкам ветряные мельницы и кораблики.

...А самый лучший кораблик я сделал для тебя, Мальчик. Паруса я смастерил из тонкой блестящей жести. Мне принесли её ребята, они делали из этой жести красивые фонарики и цепи для школьной ёлки. А корпус я выстрогал из куска шпангоута нашей баркентины. Ты её помнишь?..

Пошёл снег. Маленькие быстрые хлопья. Их тени пролетали по письму. Мальчик читал:

Ты обрадуешь старика, если напишешь хотя бы маленькое письмо. Но, может быть, ты и не напишешь. Я не сержусь. Ведь у мальчиков так много дел, что бывает совсем не до писем. Главное то, что ты есть на свете. Я вспоминаю тебя — и мне хорошо. Живи, смейся и никогда ничего не бойся...

Мальчик вынул свёрток и сорвал газету.

Кораблик был как сказка. Крутобокий, лёгкий, с узорами на высокой коричневой корме, с выпуклыми сверкающими парусами. Он казался размером с голубя и был похож на птицу.

В общем-то, все парусники похожи на птиц. Но этот был как настоящая живая птица, севшая Мальчику на ладонь.

— Здравствуй, — шёпотом сказал ему Мальчик.

...Ящик и обрывки газеты он закинул в сугроб, письмо спрятал за пазуху, а кораблик так и понёс в ладонях.

Через несколько шагов Мальчик спохватился, что оставил на тумбе ножик, и вернулся.

Глядя на ножик, он вспомнил про девочку. И вдруг понял, что она не виновата. Он же сам виноват! Он ведь не написал ей, что переехал, и она не знает адреса. И Мальчик решил, что обязательно напишет ей.

«Но сначала, — сказал он себе, — я напишу Мартынычу».

Мальчик шёл по набережной, всё дальше от одинокого фонаря. У него слегка озябли пальцы, но он крепко и бережно держал у груди кораблик.

Над берегом поднимались мачты. Там, где раньше стояла баркентина, теперь зимовали большой барк «Лисянский» и трёхмачтовая шхуна «Секунда». Рядом с ними приткнулись к пирсу два рыбацких сейнера.

На мачтах и мостиках зажигались огни. Засветились иллюминаторы. Свет золотыми змейками побежал по чёрной воде.

Снег падал на палубы...

С о д е р ж а н и е

Для младшего
школьного возраста

**Владислав Петрович
Крапивин**

**ВСАДНИКИ
СО СТАНЦИИ РОСА**

Повести

Ответственные редакторы
Л. Р. Баруздина
и Р. Н. Ефремова.
Художественный редактор
А. В. Пацина.
Технический редактор
С. Г. Маркович.
Корректоры
В. К. Мирингоф
и Э. Н. Сизова.

Сдано в набор 6/VIII 1974 г.
Подписано к печати 21/II 1975 г.
Формат 70×90[1]/16. Бум. офс. № 1.
Печ. л. 13. Усл. печ. л. 15,21.
Уч.-изд. л. 11,2. Тираж 150 000 экз.
Заказ № 229. Цена 69 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский полиграфкомбинат детской литературы имени 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Крапивин В. П.

К77 Всадники со станции Роса. Повести. Дополненное переиздание. Рис. Е. Медведева. М., «Дет. лит.», 1975.

206 с. с ил.

В этой книге рассказывается о весёлых, грустных и тревожных событиях, которые бывают в жизни ребят. И во всех этих историях есть что-то чудесное, сказочное, потому что чудеса всегда случаются с теми, кто смел, кто умеет крепко дружить, кто всегда готов прийти на выручку товарищу. И такие люди, даже самые маленькие, выходят победителями в борьбе за добро и справедливость.

$К\frac{70802—312}{М101(03)75}$ 191—75 Р2

Цена 69 коп.